

Вячеслав Митяшов

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Воля свыше. Часть вторая

Вячеслав Митяшов

**Исполнение желаний.
Воля свыше. Часть вторая**

«Издательские решения»

Митяшов В.

Исполнение желаний. Воля свыше. Часть вторая / В. Митяшов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931943-2

Двадцать лет спокойствия позади. Но безродный, волею случая ставший наследником трона, не может больше ждать, когда власть попадет в его руки. Рушится старый мир, а вместе с этим судьба бросает героев в круговорот событий. Кто-то сдается, кто-то решает затаиться. И лишь дочь Эйнара — Лита — бросается наперекор всему. Но вот только к чему приведет её неутолимая жажда мести?

ISBN 978-5-44-931943-2

© Митяшов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Два младенца	6
1	6
2	15
Часть 2. Рушащиеся мечты	23
1	23
2	32
3	42
4	52
5	63
6	67
7	69
8	74
9	79
10	80
11	85
12	91
13	95
14	99
15	104
16	109
17	112
18	117
19	119
20	125
21	128
22	129
23	131
24	136
25	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Исполнение желаний Воля свыше. Часть вторая

Вячеслав Митяшов

© Вячеслав Митяшов, 2018

ISBN 978-5-4493-1943-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Два младенца

1

Ярко светила луна, отражаясь голубым блеском в покрывавших ели снеговых шубах. В холодном, терпком воздухе искрилась мельчайшая снежная пыль. То пропадая во тьме, то вновь вспыхивая бледным огнём, она медленно оседала на мягкие, пушистые сугробы. Ни малейшего дуновения не нарушало покой зимнего леса. Ни звука не раздавалось вокруг, лишь изредка, не выдержав массы обильно выпавшего снега, с оглушительным треском ломалась какая-нибудь ветка или молодое дерево.

Долгий, заунывный волчий вой огласил чащобу. Неимоверная тоска слышалась в нём, он раздирал душу, переворачивал её, навевал панический страх. Огромный, тёмный силуэт зверя виднелся посредине небольшой поляны, окружённой с трёх сторон лесом, а с четвёртой, граничившей с проторенной в снегу дорогой. Его взгляд впился в манящий лик луны, он неотрывно следил за медленно уходившей на запад небесной странницей. И из пасти зверя вырывался сдавленный вой.

Одинокий волк словно плакал, жалуясь неизвестно кому на свою долю. Но, неожиданно, он встрепенулся, оторвал взгляд от усыпанного звёздами неба и завертел своей косматой головой. Уши заходили ходуном, направляясь то в одну, то в другую сторону. Ноздри втягивали ледяной, едва доносящий запахи, воздух. Кто-то был на дороге. Добыча? Нет, острый слух уловил топот множества копыт, звон упряжи, и главное – человеческие голоса. А с людьми, да ещё в одиночку, связываться опасно. Чуть что – стрела в бок. Нехотя, с достоинством, волк поднялся и медленно затрусил во тьму лесной чащи, подальше от человека.

Топот копыт приближался, голоса слышались всё разборчивее и, наконец, мимо пронеслось несколько тёмных силуэтов. Следом за ними, поскрипывая снегом под полозьями, пронеслась запряжённая четвёркой лошадей карета, за ней ещё одна, а далее снова с десятков конников. Кавалькада птицей взлетела на небольшой пригорок и, подняв клубы снежной пыли, с шумом скрылась за чёрными стволами деревьев. Вновь воцарила тишина. Поднятый снежный туман медленно осел, искрясь в лунном свете.

А люди мчались дальше, будоража шумом спящих лесных обитателей.

– Быстрее! Гони! – раздавался из первой кареты встревоженный голос. – Не жалея коней!

Змеей в воздухе взвился искрящийся инеем кнут и хлопнул над разгорячёнными, потными спинами лошадей. Злобное ржание было ответом. Казалось, этой безумной скачке не будет конца, казалось, эти всадники будут мчаться до тех пор, пока под ними не падут кони. Но вот лес немного поредел. Совсем немного, но сквозь эти небольшие просветы стали видны тусклые жёлтые огоньки в окнах небольшого посёлка.

Всадники вихрем влетели на его единственную улицу и остановились около единственного здесь двухэтажного дома. Из его труб непрерывно шёл густой белёсый дым, а возле входной двери жарко горели два коптящих факела. Постоялый двор. Громко заскрипев, раскрылись двери – хозяева слышали гостей. На крыльце появился низенький толстяк, закутанный в шубу из лисьего меха. Смешно подпрыгивая на плохо гнущейся ноге, он подбежал к одной из карет и громко спросил:

– Чем могу быть полезен господам?

Дверцы карет распахнулись, и из одной появилась молодая пара, а из другой буквально вылетел взволнованный, растрёпанный мужчина. Несмотря на ужасный холод, гость был без шубы, и лишь рубаха из шерсти защищала его тело от трескучего мороза.

– Хозяин? – спросил он.

– Да, а вы кто? Ваше лицо мне почему-то кажется знакомым, – в свою очередь осведомился трактирщик.

– Я Александр... э-э... король Александр.

– О! Ваше величество! – толстяк учтиво поклонился. – Я весь к вашим услугам. Какая честь, что...

– Моя жена рождает. Уже схватки начались, нужно в дом её. У вас рожать будем. Если найдёте повитуху, буду вам признателен вдвойне.

– Сию минуту, – трактирщик лихо свистнул, и из дома выскочило двое молодых парней. Они подошли ближе и, с глупым видом, уставились на приезжих.

– Да поклонитесь же, болваны, – прикрикнул толстяк. – Перед вами сам король.

Те неуклюже поклонились и, выпрямившись, продолжали всё так же глупо пялиться на Александра.

– Не стойте, помогите перенести королеву в дом. И аккуратнее, ребёночек у неё, принц наследный сейчас родится.

Подгоняемые своим хозяином, а быть может и отцом, они кинулись к карете. Из неё появилась молодая женщина. Она с трудом спустилась с подножки. Лицо её было бледно, и она то и дело стонала, кривя губы в гримасе боли. Парни подхватили гостью и быстро внесли в дом. Следом вошли и остальные. Лишь двое воинов остались перед дверьми на страже. Взяв из ближайшей поленницы немного дров, они быстро развели костёр и присели рядом с ним на чурбачках.

– Анют, ну как ты?

– Ничего, нормально всё. Ты не волнуйся только.

Её внесли в комнату на первом этаже, где жила семья трактирщика, уложили на кровать, служанки помогли раздеться и надеть ночную рубашку. Пришла жена хозяина. Увидев роженницу, она, почему-то очень обрадовалась и, опережая недоуменные вопросы гостей, пояснила:

– Счастье то какое. Только что дочка моя родила, а сейчас здесь же родится ребёночек у самой королевы. Я сама роды принимала – во всей деревне рожениц обхаживаю. Надеюсь, вы позволите мне принять роды и у вашей супруги?

– Конечно, ничего не имею против, – ответил Саша.

– Ну, тогда, – женщина сдвинула брови. – Тогда попрошу всех без исключения выйти отсюда. Королеве покой нужен. А вы в зал идите, вас сейчас накормят.

Все заулыбались, но, не став спорить, покинули спальню. Хозяин рассадил гостей в зале трактира, подал своего лучшего вина, а сам пошёл разогревать остатки рагу, чтобы изголодавшиеся гости заморили червячка.

Александр, не усидев и пяти минут, вскочил и, то и дело тяжело вздыхая, принялся ходить от стенки к стенке. Все сочувственно смотрели на него, наконец, Эйнар, не выдержав, сказал:

– Да успокойся ты. Всё хорошо будет. Дело то пустяковое. Вот ты бы лучше не бегал, а сел к нам, налил вина и выпил за здоровье Анны.

– Уговорил, – Саша сел рядом с товарищем и залпом выпил содержимое стакана.

Немного полегчало. Вино было прохладное, хмельное. Прокатившись в желудок ледяной волной, оно взорвалось там тёплым, ласкающим пламенем.

– Сам то как, не волнуешься? И Сантилия вот-вот родит.

– Два месяца осталось, – ответил Эйнар, обняв свою спутницу.

– Лантила обрадуется, будет чем заняться ей.

– Это точно. С тех пор, как погиб Онкил, места себе не находит, на десяток лет сразу постарела.

– Жаль, что мои родители не увидят внука... или внучку, – Саша тяжело вздохнул, а друг заметил, как дрожат его губы, и он едва сдерживает слёзы.

– Выпей ещё, – Эйнар налил себе и товарищу вина. – И не переживай. Ты сделал свой выбор. Ты связал свою жизнь с этим миром. Теперь здесь твоя родина.

– Но я родился не здесь.

– Ну и что. Твоя родина не там, где родился, а там, где выстрадал, где боролся.

– Ладно, забудем. Но, всё же, интересно, как там Иван Сергеевич и Николай. Увидеть бы их ещё разок.

– Да и я тоже не против, – Эйнар улыбнулся.

В зал ворвался аппетитный запах рагу из овощей и мяса.

– Ну, наконец-то, – простонал, словно от наслаждения, Эйнар, вдыхая ноздрями аромат еды. – С самого утра ничего не ел.

Из кухни появился хозяин. Вместе со своими сыновьями он внёс в зал два огромных горшка, пышущих густым, ароматным паром.

– Одну секунду, сейчас будут ложки и тарелки, – хозяин поставил посудины на один из столов и вновь исчез на кухне.

Ожидание было хоть и томительным, но не долгим. Снова появился толстяк, державший в руках стопу тарелок, на верхушке которой красовался веер деревянных ложек. Не прошло и двух минут, как все с завидным аппетитом поглощали рагу, находя его вполне сносным, особенно для голодных желудков. А хозяин только и успевал подливать в стаканы вино и накладывать добавку. Шум стоял такой, что даже прибежала жена трактирщика.

– Потихе, потихе, – заворчала она, грозя толстым и коротким указательным пальцем правой руки. – Вы шумите так, что соседи все сейчас сюда сбегутся на веселье.

– Как Анна? – сразу же спросил Александр.

– Она женщина сильная, хорошо держится. Лежит бледная, измученная, а всё шутит, да историями меня всякими развлекает.

– Так роды скоро начнутся?

– Уже скоро, и луна не успеет зайти.

Женщина ушла, а Саша, успокоенный и довольный, с новыми силами приналёг на рагу.

– Зря волновался, – толкнул его в бок Эйнар.

– Да не волнуюсь я.

– Хорошо бы у тебя был сын, а у нас дочь, – отозвалась Сантилия.

Она сидела напротив Александра всё ещё одетая в шубу, но даже через неё был заметен увеличившийся от бремени живот.

– Или наоборот, – добавил Эйнар.

– Что ты, – махнула рукой Сантилия. – Королям полагается иметь сыновей, которые станут наследниками и помощниками. Я вот только исключением получилась.

Красавица тяжело вздохнула, вспомнив о чём-то и, подперев щечку ладонью, закрыла глаза.

– Сантилия, поешь ещё? – спросил муж, подкладывая ей в тарелку рагу.

– Нет, не хочу, – еле слышно отозвалась она.

Ей очень хотелось спать, и постепенно, голова Сантилии начала опускаться на стол. И, едва она коснулась грубо оструганных досок, глубокий сон овладел ей.

– Эге, да она уснула, – проговорил Эйнар. – Смотри-ка, вон там ещё сморило ребят.

Саша оглянулся и заметил, что многие, устав от долгой, тяжёлой скачки, уснули прямо на столах, едва ли не в тарелках с едой.

– Меня тоже в сон клонит, устал я.

– Так поспи.

– Нет, не буду.

– Значит, всё-таки, волнуешься, – ехидно усмехнулся Эйнар.

– Да ну тебя. Ты бы сам лучше поспал.

– Да я то посплю, а вот ты то как.

– За меня не беспокойся, я составлю компанию трактирщику.

– Как хочешь, – друг сладко зевнул, потянулся и, положив под голову руку, расположился на столе.

– Спокойной ночи, – Александр поднялся из-за стола и направился на кухню.

Но его ждало разочарование – хозяин спал, улёгшись на скамью. Округлое лицо толстяка вытянулось, морщины разгладились, а из-под широких ноздрей носа доносилось лёгкое сопение.

– И этот спит, – Саша усмехнулся. – Посмотришь, прямо младенец, никак не скажешь, что та ещё бестия.

Король вернулся обратно в зал и, сев на угловую скамью, прислонился спиной к тёплой стенке камина. Спать не хотелось. Почему-то возникло жуткое желание напиться, чтобы утопить в вине свой страх и неуверенность. Он дотянулся рукой до стоявшего неподалёку кувшина и поставил его рядом с собой. Сосуд был полупустым, но того, что там оставалось, вполне хватало, чтобы залить хандру. Саша почему-то покачал головой, словно корил сам себя за такое поведение, и приложился к горлышку.

С первым же глотком нахлынули воспоминания. Вспомнилась прошлогодняя весна. Он помнил всё, что было – переход из Кербила через горы, огромный лагерь на берегу Великого озера, Острова смерти, морское сражение и конечно битва при Фарнадо. В памяти мелькали знакомые лица. Всё словно во сне, в смутной туманной дымке.

А потом ярким росчерком прорезал серую пелену погребальный костер, в котором сгорела плоть соратников и врагов. Всё превратилось в невесомый серый пепел, унесённый в бескрайнее море упругим порывом ветра. Остался лишь потрескавшийся кроваво-красный гранит.

Вспомнились Николай и Иван. Где они сейчас? Интересно, как они объяснили своё долгое отсутствие?

Всё прошло. А потом был мир. Потрясённая таким поражением, обескровленная Лафира не решила продолжать борьбу за Остров. Вероятно, они ещё долго жили в страхе, ожидая возмездия, но армия Острова едва ли была способна на такое.

Александр провёл по лицу ладонью, словно отирал липкую паутину. Вновь припал к кувшину, сделал глоток. Глоток оказался слишком большим, и он, закашлявшись, отбросил кувшин в сторону. Вино разлилось по полу, затекая в щели между половицами.

Вдруг из-за стены раздался громкий, протяжный стон, затем ещё. Послышался голос хозяйки: «Тужься, тужься, давай ещё!» Саша вскочил и бросился туда, с грохотом перевернув лавку. Тут же проснулись его спутники, Эйнар ринулся было следом, но Сантилия удержала его. Александр остановился перед дверью, толкнул рукой – дверь не шелохнулась, хозяйка предусмотрительно заперла её на засов. Он начал стучать, просить, чтобы его пустили, но строгий голос остановил его.

– Прекратите немедленно! Уже скоро.

Саша остановился, сделал шаг назад. Его спина уперлась в бревенчатую стену, и он медленно опустился на корточки. Из комнаты донеслись ещё стоны, Он почувствовал, как его начала колотить нервная дрожь, тело напряглось. Он несколько раз глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, закрыл глаза. Вдруг раздался крик, крик родившегося ребёнка. Александр, держась за стену, поднялся и шагнул к двери. Не успел постучать в неё, как дверь распахнулась – на пороге стояла хозяйка дома. Увидев стоявшего перед ней короля, она широко улыбнулась и сказала:

– Поздравляю, господин, у вас мальчик, наследник престола!

Саша, совсем не слыша от волнения своего голоса, сказал ей несколько слов благодарности и бросился к Анне. Она сидела, облокотившись на подушки, держа на руках завернутого в пелёнку ребёнка. Малыш сосредоточено прилепился к материнской груди и, не отрываясь, сосал молоко. Александр присел рядом, осторожно приоткрыл край пелёнки. Малыш был довольно большим, с толстенькими ножками и ручками.

– Твой сын, – тихо проговорила Анна, подставляя под поцелуи своё бледное, покрытое испариной, лицо.

В дверях появились Эйнар и Сантилия. Они осторожно заглянули в комнату.

– Кто? Сын?

Саша, улыбаясь, кивнул головой, и друзья, крича «Наследник престола!», кинулись обратно.

– Даже не верится, – прошептал Александр. – Если бы его видели мои родители...

– Они гордились бы тобой. Кстати, мы ведь так и не решили, как назовём его. Пора придумать ему имя. Не годится человеку, пусть такому крохотному, без имени жить.

– А ведь верно, – Саша задумался.

– Можно назвать его в честь наших друзей, Иван или Николай. А лучше Эллирий или Сервий. Всё-таки, ему жить здесь, и имя должно быть подходящим.

– Не знаю, я хотел бы что-нибудь особенное.

– Я знаю, придумала, – Анна едва не подпрыгнула на постели. – Эдуард... или Эдвард. Как считаешь?

– Согласен, да будет так.

– Ну что, Эдвард, привет, – Анна осторожно оторвала его от груди и повернула лицом к отцу.

– Смотри-ка! – Саша вздрогнул и указал на плечо ребёнка. Там, словно из-под кожи, внезапно проступило тёмное родимое пятно.

– Что это? – Анна испуганно прикоснулась к нему пальцем.

В этот момент крохотное пятнышко развернулось перед глазами видением – многоцветным узором из цветов и трав. Это продолжалось лишь мгновение, затем всё исчезло, осталось лишь родинка. Анна и Александр переглянулись.

– Так вот оно что, – Саша задумчиво погладил эфес Аклостина. – Это знак. Что бы ни случилось, мы всегда сможем узнать его.

– Но зачем? Откуда ты знаешь это? – изумилась Анна.

– Знаю, Анна, знаю. Только не пойму, почему и зачем.

Что-то беспокоило, не давало покоя, но он постарался откинуть от себя это чувство, улыбнулся и осторожно прикоснулся губами к головке ребенка.

– Я так устала, – проговорила Анна.

– Ну так поспи, а я пойду. Там меня, наверняка, ждали.

Мать обняла ребёнка и, зарывшись поглубже в одеяла, закрыла глаза. Саша поднялся и тихо вышел из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. Немного постоял за ней, задумавшись о чём-то, и вернулся в зал трактира.

– Ура! Да здравствует король! Да здравствует наследник! – прогремел дружный крик, едва он вошёл в зал.

– Эдвард, мы называли его Эдвард, – подсказал Александр.

– Поздравляю вас, ваше величество, – раздался рядом хриплый, сонный голос трактирщика.

Он поднёс королю кубок с вином и, расчувствовавшись окончательно, всхлипнул и поклонился.

Прошло лишь несколько минут, а расторопный хозяин и его сыновья накрыли столы, вынесли лучшее вино и яства. Наполнились кубки, и все выпили за здоровье наследника. При-

гласили и часовых, которые, впрочем, уже дремали, пригревшись у костерка. Но их бесцеремонно растолкали и привели в дом. Пока гости уничтожали запасы вина, ветчины и вяленой рыбы, трактирщик заколол пару поросят. Их немедленно выпотрошили, и щедро нашпигованные травами тушки расположились над жаркими углями кухонного очага.

Оба друга и Сантилия сидели рядом с камином, наблюдая за тем, как отплясывают их телохранители под звуки флейты и лирицы. Пол под ногами слегка вибрировал, весело позвякивали на столах опорожнённые кубки. А люди танцевали всё азартней и азартней. Всё громче свистела флейта, ей вторили вылетающие из-под смычка надрывные звуки лирицы.

Веселье было в самом разгаре. Вино лилось рекой, но никто не пьянел, словно в кубках был не хмельной напиток, а обычная вода. Только веселей становились люди, вовлекаемые в зажигательный танец. Саша налил себе и Эйнару, и они, стукнувшись стаканами, залпом выпили их содержимое. Вдруг музыка прервалась, танцоры застыли. Радостные восклицания огласили зал трактира – хозяин с сыновьями вносили на двух резных деревянных подносах жаренных поросят, весело поблёскивающих своими коричневыми боками.

– Вот удружил! – воскликнул один из воинов. – Лучше не придумаешь!

Трактирщик поставил блюда на стол и, собственноручно, разделил жаркое на порции так, что каждому достался хороший кусочек.

– У вас тут, я вижу, веселье, – раздался за спиной Александра усталый голос Анны.

– Ты здесь?! – он сорвался с места и помог ей дойти до скамьи. – А Эдвард? Он спит?

– Спит, не волнуйся. Попил молока и уснул. Эллиса – дочь любезного хозяина – взяла его к себе. Она изъявила желание стать его кормилицей.

– А ты что?

– Думаю, что и сама его покормлю.

Рядом появился Эйнар. Изрядно захмелевший от непрерывных возлияний, он пробормотал что-то невразумительное, затем, собравшись, выговорил:

– Выпь... ем.

Сунув в руки по стакану друзьям, он налил в них вино. Кувшин ходуном ходил в руках, и большая часть вина пролилась на стол, но это не смутило его. Он пожал плечами, виновато улыбнулся и присел напротив.

– Эйнар, – покачала головой Анна. – Первый раз тебя таким вижу.

– А то ли еще будет, когда родиться у нас ребенок, – Эйнар попытался встать, чтобы подойти к своей возлюбленной, но пошатнулся и упал на пол.

Саша бросился к нему, испугавшись, что тот разбил себе голову, но ничего, лоб оказался цел, лишь хороший синяк красовался над левой бровью. На шум пришёл и хозяин. Увидев лежавшего на полу гостя, он всплеснул руками, громко рассмеялся и принялся поднимать его.

– Коварное вино, – проговорил он, взваливая Эйнара на плечо. – Кто-то может пить его кувшинами и не хмелеть, а другие быстро пьянеют. Почему – не знаю.

Саша помог трактирщику отнести друга на второй этаж, где находились комнаты. Поднявшись по узкой лестнице, они очутились в тёмном коридоре, по обеим сторонам которого виднелись двери, по пять с каждой стороны. Они прошли в самый конец, где, по словам хозяина, находились самые лучшие комнаты. Не зажигая огня, на ощупь, открыли замок.

– Свеча справа должна стоять, – подсказал трактирщик.

Александр нащупал её, увидел красноватый огонек фитиля рядом, ткнул свечу в него. Слабое, мерцающее пламя выхватило из мрака часть небольшой комнаты. В центре стояла двуспальная кровать, по обеим сторонам – столики с канделябрами. Рядом с окном – огромный сундук для вещей. Всё, и пол, и стены, были завешаны шкурами. Тут были и толстые и мягкие медвежьи, и тёплые волчьи.

– Кладите его на кровать. Отоспится – станет как огурчик.

Саша бросил Эйнара на покрывало из волчьих шкур – тот даже не шевельнулся. Махнув рукой, он вышел из комнаты, но вдруг до его слуха донеслись торопливые шаги по лестнице. В свете свечи перед ним появилось лицо Сантилии, за её спиной стоял сотник гвардии. Лица обоих были бледны, даже жёлтый свет свечи не мог скрыть этого. Губы Сантилии тряслись – она едва сдерживала рыдания. Александр почувствовал, что ноги его подкосились – он понимал, что случилось что-то плохое.

– Анне плохо?

– Эдвард...

– Что с ним?

– Его... – голос Сантилии дрогнул, и она зарыдала, упав другу на грудь.

– Что его?! – волосы на голове короля зашевелились от ужаса, его затрясло, словно в лихорадке.

Сантилия силилась что-то проговорить, но не смогла. Она медленно опустилась на пол, обнимая его ноги. Сотник ответил вместо неё:

– Эдварда похитили. Кто-то ворвался через окно в спальню, оглушил Эллису и украл обоих детей. Видимо, случилось сразу после того, как королева вышла к нам. Погоня пошла по следу, а мы сейчас приводим дочку трактирщика в чувство. Я думаю, она знает, кто сделал это.

– Королева? – спросил Александр глухим, безжизненным голосом.

– Она сидит рядом с камином и смотрит в огонь. Я боюсь, как бы она не помешалась.

– Я всё понял, – ответил король.

Но он совсем ничего не понимал. Такое не укладывалось у него в голове. Ещё минуту назад он был счастлив, ему казалось, что это сладкое чувство будет сопровождать его всю жизнь. Он – отец. Никого на свете нет счастливее него. И вдруг всё кончилось, словно ледяной вихрь унёс всё тепло, оставив лишь смертный холод. В одно мгновение. Кровь тяжёлым молотом была в висок, сердце стучало так, словно собиралось разорваться в клочья.

Тяжело дыша, Александр спустился в зал. Перед глазами всё плыло, сознание мутило, словно от яда. Он осмотрелся – замолчавшие и испуганные, его спутники стояли вдоль стены, со страхом взирая на своего короля. Он махнул рукой в их сторону, то ли велел всем убираться прочь, то ли давал знак, что всё наладится. Сам, подошёл к камину, сел рядом с Анной.

– Я виновата, – прошептала она сквозь слёзы, почувствовав, как его рука легла на её хрупкую ладонь. – Зачем я оставила его.

– Его найдут. Погоня уже ушла за похитителями, – ответил он, и добавил. – Когда их поймают, я лично отрублю голову каждому.

Раздался громкий плач – Эллиса пришла в себя. Очнувшись, она осмотрелась и, осознав, что произошло, завывала, словно волчица у разорённого логова. Вой вновь перешёл в рыдания, затем послышались громкие причитания...

– Да успокойте же её! – вскричал Александр.

Он вскочил, подошёл к ней и, встряхнув за плечи, спросил:

– Кто это был?

Эллиса перестала плакать, но дрожь по-прежнему била её. Зубы клацали, словно на холоде, она никак не могла ничего сказать. Трактирщик налил дочери немного вина, она схватила стакан дрожащей рукой, выпила и произнесла:

– Отец моего ребёнка.

– О, боги! – трактирщик обхватил голову руками и рухнул на лавку.

– Отец ребёнка?! – изумился Александр. – Но как так? Почему?!

Ответил трактирщик:

– Во время войны началось это. Жил в нашем посёлке сын дровосека – красивый, молодой парень. Он давно положил глаз на мою дочь, ухаживал за ней. Но Эллиса не обращала

на него внимания. Однажды в поселок пришли лафирцы. Разграбить, не разграбили, нечего больно взять здесь. Но до женщин были ох как падки. И Эллису это не обошло. Однажды, на опушке леса, когда она возвращалась домой с хворостом, двое набросилось на неё. Порвали одежду, ударили пару раз, но обесчестить её им так и не удалось – на крики прибежал Малис. Парень, молодец, не испугался. Убил обоих, но и сам получил тяжёлую рану. Дочка привела его к нам. А дальше, понятное дело. Полюбили они друг друга, собрались жениться. Но опять всё пошло не так. Убили отца Малиса, и парень загорелся жадной мести. Взял топор побольше и ушёл на войну.

Думали, погиб он, долго от него вестей не было. Но он, всё-таки, появился. Сначала всё хорошо было, свадьбу играть хотели. Но потом что-то произошло между ними, И Малис бросил мою девочку, бросил вместе с не родившимся дитём. А месяц назад он опять объявился, пришёл к нам и заявил Эллисе, что ребёнок будет его, что он заберёт малыша с собой. Само собой, прогнали мы наглеца взашей. Немного поволновались, но потом успокоились, забылось это. Но вот, вспомнилось...

Трактирщик тяжело вздохнул.

– Ваше величество, – вновь заплакала Эллиса. – Прошу вас, не убивайте его, он ведь подумал, что двойня у меня.

– Хорошо, он останется жив, но отправится на Острова смерти рабом к Хиц-Эргосу.

Воцарила тишина. Все прислушивались к звукам, доносившимся с улицы. Каждый ждал, что вот-вот раздастся топот копыт, откроется дверь и, в клубах ледяного тумана, в дом войдёт один из гвардейцев, держа в руках ребёнка. Все надеялись на успех, Сантилия, немного придя в себя, успокаивала Анну. Глядя её руку, она приговаривала: «Всё будет хорошо». Но прошло уже больше часа, и Александром овладели дурные предчувствия. Вспомнились слова, сказанные умирающим Орувином: «...Каждая твоя ошибка, каждый твой поступок отзовутся в грешащем. Будь осторожен, король, и проклятие минует тебя». Может быть вот оно – проклятие?

– Едут, – прошептала Эллиса.

До слуха донёсся звонкий топот копыт. Он приближался и, вскоре, смолк у самой двери. Дверь распахнулась, и в зал вошли шестеро солдат. Все были изранены, кровь покрывала доспехи каждого. Можно было заметить застрявшие в броне стрелы со сломанными древками. На руках они несли двоих своих товарищей, то ли тяжело раненых, а, может быть и убитых.

– О нет! – простонала Анна.

– Двое там остались, – прохрипел десятник, падая на скамью. – Ещё двоих мы смогли подобрать, один ещё жив был, но, похоже, умер. На самих живого места нет.

– Что произошло? – спросил Александр.

Он с силой вцепился пальцами в скамью, чтобы не упасть. Голова шла кругом, он уже совсем не понимал, что происходит, порой ему казалось, что это просто кошмарный сон, и он сейчас проснётся. Но нет, боль в пальцах, заставила придти в себя.

– Мы шли по следу и, уже в лесу, напоролась на засаду. Нас били из луков, как зайцев. Стрела за стрелой, и, большинство, в цель. Стреляли знающие люди, им точно приходилось иметь дело с панцирниками. Двоих сразу же сразили, а как мы начали вилать между деревьями, меткость их немного поубавилась, но, всё равно, нас истыкали, как подушечку для игл. Ещё двое упали с коней. Подобрали, кого смогли и... и отступили. Воля твоя, король, вели казнить меня, но не трогай моих людей, они моему приказу повиновались, и то с третьего раза, – десятник вскочил, стащил с себя доспех – почти вся рубашка под ним пропиталась кровью. – Да я сам брошусь на меч, позор смывается кровью!

Он взял клинок за остриё, упёр рукоять в стену и проколол бы себя, но бросившийся к нему Александр толкнул его в сторону, вырвал из рук меч.

– Не глупи! Сам вижу, что правильно ты поступил. А меч этот разит лишь по моему приказу, и я не приказывал тебе убить себя.

Король отдал воину его оружие и медленными шагами направился к лестнице. Её ступеньки тихонько заскрипели под шагами, затем шум шагов разнёсся по потолку и, вскоре, вовсе стих. Анна облокотилась спиной о тёплый бок камина, закрыла глаза, но из них продолжали бежать вниз по щекам горькие слёзы.

Свечи догорали, но никто не зажигал новых. Все сидели молча, смотря друг на друга растерянными взглядами. Эллиса тихонько плакала, изредка нарушая тишину всхлипами. Близи-лось утро.

2

Пущенная вдогонку стрела растворилась во мраке. Нашла ли она свою жертву – кто знает, да и не важно. Топот копыт преследователей стихал вдали, и, наконец, наступила такая тишина, что было слышно, как тихонько гудит тетива у недавно выстрелившего лука. Их было семеро. Шестеро сидели среди густого частокола из колючих чёрных веток, называвшихся летом малинником. Седьмой прятался за толстым стволом старой липы, прижимая к своей груди два небольших свёртка. Его спутники спешно прятали луки в колчаны и, выбравшись из зарослей, подошли к нему.

– Малис, – прогремел грубый, хриплый от простуды, голос. – Кто это был? Ты же говорил, что в этом захолустье никого нет. А эти едва не схватили за хвосты наших коней. Да и, не знаю, заметил ты или нет, они в броне были.

– Отдыхали, может, у Старого каплуна.

– Может быть, может быть. Идём, глянем. Двоих-то они оставили.

Малис встал, крепко сжимая свёртки, и направился туда, где виднелись тёмные пятна упавших тел. Кто-то зажёл факел, и яркий свет заплескал багровыми отблесками на стволах деревьев, на снегу. Они осторожно приблизились к телам, постоянно оглядываясь, не появятся ли преследователи снова.

– Если я не ошибаюсь, это доспехи королевских стражей, – прошептал Малис, внимательно разглядывая погибшего. Всем сразу стало немного не по себе.

– Значит и король здесь? Откуда?! – робко предположил державший в руках факел.

– Ты удивительно умён, Арстин.

Малис нагнулся ближе, чтобы рассмотреть лица убитых. Щёки одного из них, поражённого стрелой в горло, уже посинели, ввалились. Открытые мёртвые глаза недвижимо взирали в звёздное небо, туда, куда отправился его дух. Другой же, раненый в бок, где броня была слабой, выглядел иначе. Щёки были бледны, но не посинели, веки закрытых глаз слегка вздрагивали, словно хотели открыться, чтобы видеть склонившихся над ним врагов.

– Он жив! – воскликнул Малис и, отшатнувшись, едва не упал в сугроб.

В одно мгновение все сгрудились вокруг.

– И в самом деле, жив, – пробормотал Арстин, поднеся факел ближе к лицу. – Глаз, вон, дёргается как. Сейчас откроется.

– Добить его, чтобы не мучился, – прогремел простуженный голос. – Не жилец он, печёнка то пробита.

– Поумерь свой пыл, Ткар, – Малис растолкал всех и опустился перед телом на колени. – Что-то подсказывает мне, порасспросить его нужно кое о чём. Отвезём в сторожку.

Все разошлись за конями, привязанными рядом с местом засады. Раненого взвалил себе на плечо могучий Ткар. Он, как пёрышко, подхватил воина со снега и, легко отнёс его к своему коню. Взвалил поперёк спины, прыгнул в седло сам. Сильный конь, под стать хозяину, даже не пошатнулся под двойной ношей.

Пришлось запутывать следы. Малис и его люди долго кружили по лесу, несколько раз пересекали дорогу и, наконец, едва не заблудившись сами, выехали к небольшому, построенному из толстых, покрытых мхом брёвен, дому.

– Теплеет, – проговорил Арстин, слезая с коня.

– Пойдёт снег, занесёт следы, – отозвался Малис.

Коней поставили в набитый мёрзлым сеном сарайчик, а сами вошли в дом и, вскоре, из короткой толстой трубы повалил сизый дымок. Лёгкий ветерок немного сносил его в сторону, и белёсое облако терялось между макушек деревьев.

– Раненого разденьте, поближе к камину положите, – сказал Малис. – В чувство приведите его.

Он положил свёртки на медвежью шкуру и, бросив взгляд на лежавшего гвардейца, дёрнул плечами и вошёл в дверь слева от камина. Холодный воздух ударил ему в лицо, в комнате было нежарко. На столе горел крохотный огарок свечи, мерцающее пламя едва рассеивало мрак. Рядом со столом стояла кровать. В ней, в клубке одеял и шкур сидел, облокотившись спиной на сруб, человек. Женщина.

– Ты не околела здесь, Лайра? – Малис поёжился. – Могла бы и печь растопить.

– Вернулись, – раздался слабый, болезненный голос. – Хоть один ребенок, но будет у нас, Малис.

– Не печалься. Эллиса двойню родила. У нас будет двое детей, как ты и хотела. Молоко у тебя есть? Прокормить двоих сможешь?

– Не волнуйся, смогу.

– Хорошо, вылезай. Иди у камина погрейся, на детишек посмотришь.

Послышался вздох, клубок одеял развернулся. Лайра опустила на пол обутые в шерстяные носки, ноги и, нетвёрдыми шагами, вышла в зал. Свет осветил её – она была немолода, гораздо старше Малиса. Худое лицо ещё хранило отпечаток бывлой красоты, но, увы, она прошла. Лишь удивительные светлые волосы северянки напоминали о ней. Но сейчас эти почти белые с оттенком спелой пшеницы локоны в сочетании с впалыми щеками, тёмными мешками под глазами и резко очерченными скулами совсем не красили женщину, а придавали ей пугающий вид ожившего мертвеца. Под белой шерстяной рубашкой и длинной, до щиколоток, красной юбкой угадывалось худое тело и узкие бёдра. Чем она смогла прельстить Малиса? Этого никто не знал, да и сам он предпочитал отмалчиваться, когда его спрашивали о Лайре.

Лайра подошла к Малису. Он нежно обнял её, поцеловал. Вдвоём, они присели у покрытой шкурами лавке, где лежали дети. Увидев их, Лайра всплеснула руками, бросилась к ним со словами: «сейчас я вас покормлю». Сняв с малышей опутывающие их тряпки, она развернула завязки рубашки и, взяв на руки детей, приложила их к груди. Один сразу начал жадно сосать, а другой, неуклюжий, толстенький, задрогал ножками и заплакал.

– Что ты, успокойся, дурашка, – едва слышно зашептала Лайра.

Ребёнок не унимался, плакал и плакал, но, постепенно, словно смирившись, притих и, проголодавшись, прильнул к груди. Лайра то и дело морщилась от боли и негромко ойкала. Маленький хулиган, нарочно, или нет, больно кусал её, как будто мстил за своё похищение.

Малис отошёл к товарищам, отогревавшимся около пламени камина. Тут же лежал и раненый. Его раздели, рану промыли и, смочив бальзамом, перевязали холстиной. Он был ещё без сознания, но дыхание стало сильнее и ровнее. Его всячески старались привести в чувство: давали понюхать едкой соли, щекотали лучиной ноздрю.

– Как он?

– Может и выживет, – пожал плечами Арстин. – Очнуться должен, вон уже носом водит.

– А, если не очнётся?

– Значит, точно подохнет.

– Подождите, не трогайте его, сам должен в себя придти.

Ткар вздохнул и положил щепку на пол. Все сидели вокруг раненого, внимательно рассматривая его лицо. А оно уже начало приобретать нормальный оттенок. Прошло несколько минут томительного ожидания. Стояла тишина, лишь негромко ойкала Лайра, да дрова трещали в огне. Наконец, раздался громкий стон, и раненый, не открывая глаз, проговорил:

– Ваше величество... Они ушли... Ваш сын у них...

Слова гвардейца, словно обухом по голове ударили. Малис побледнел так, что лицо его стало белее снега. Руки задрожали и он, чтобы никто не заметил, вцепился плохо слушающимися пальцами в шкуру.

– Один из них сын короля, принц, наследник престола, – прошептал он. – Что делать?

– Может, выкуп попросим? – пробасил Ткар.

– С ума сошёл?! Тебе жить надоело? Может нам и заплатят выкуп, только на следующий день мы все лишимся голов. Да и не для того я сражался у Фарнадо вместе с королём, чтобы поступать так.

– Что же ты предлагаешь?

– Мы вернём ему сына.

– Ха! – Ткар хлопнул по ляжкам. – А ты не сошёл с ума?! Думаешь, он тебя по головке погладит за то, что ты сделал? Голову, может и не отрубят, но на Острова смерти точно сошлёт.

– Постой, я не собираюсь идти к нему. Они ведь в столицу возвращаются? Так мы подкинем ему ребёнка на дорогу.

– А ты голова, Малис. Вот только узнать бы, кто из них сын короля, а кто внук трактирщика.

– М-да, – Малис прилёг, подложив под голову руку.

А раненый уже открыл глаза. Увидав незнакомые лица, он вздрогнул, рука скользнула на бедро, туда, где когда-то были ножны с мечом. Но сейчас их там не было, и он, понимая свою беспомощность, вздохнул и вновь закрыл глаза.

– Не бойся, мы не сделаем тебе ничего плохого, – попытался успокоить его Арстин. – Ты должен помочь нам узнать, кто из детей сын короля. Понимаешь, мы случайно украли его, думали, это ребёнок Эллисы. Вот теперь и хотим вернуть королю наследника.

– Зачем же вы похищали его? – превозмогая боль, прошептал раненый.

– Да пойми ты, думали, что двойня у неё родилась. А зачем похищали, не важно, есть на это причина.

– Я не смогу вам помочь. Я в глаза принца не видел, показать нам его не успели. Хотел бы помочь, но не могу. Идите к королю... он простит...

– Э-хе-хе, жаль, очень жаль, – Арстин повернулся к Малису. – Не знает он. Что делать будем?

– Ничего, сами как-нибудь разберёмся.

Он поднялся на ноги и, пристально глядя в глаза Лайре, подошёл к ней, присел рядом. Та смотрела на него испуганными глазами затравленной волчицы. Она крепко прижала детей к груди, а когда Малис пересел ближе, резко отвернулась от него, сказав:

– Нет, Малис, не надо возвращать.

– Нет, Лайра, надо. И не перечь мне, не пытайся меня уговорить. Мы должны вернуть королю ребёнка.

– Прошу тебя, – женщина всхлипнула, плечи её задрожали. Она плакала.

– Да не вой ты, – Малис скривился и, поднявшись, отошёл к камину.

Сев сбоку, около жаркой стенки, он прислонился к ней спиной и закрыл глаза. Тело отдыhalo, чего нельзя было сказать о разуме. Малис лихорадочно думал, что же делать, проклинал себя – зачем пошёл на это похищение. Ещё вчера он хотел этого, но теперь... Это всё Лайра. Зачем он тогда пообещал ей детей, да ещё двух. Глупец. И зачем он обещал ей ребенка Эллисы?! Дурак, тысячу раз дурак!

– Малис, ты разобрался с мальчишками? – спросил Арстин, прервав раздумья друга.

– Нет.

– Может, тебе помочь?

– Чем же ты поможешь? Ты что, видел своими глазами принца?

– Нет, но, думаю, должен же он быть похожим на родителей. Посмотрим повнимательнее, авось и догадаемся. А другой на тебя должен быть похож.

– А ты прав, Арстин. Короля и королеву мы все видели. Да и я у вас на виду целыми днями.

Малис нехотя покинул тёпленькое местечко и, вместе с Арстином, снова подошёл к Лайре. Та всё ещё держала детей у груди, прикрывая их от взора Малиса своим телом.

– Положи-ка детей на шкуру, – проговорил тот.

Она немного поколебалась, но зная, что упрямство ни к чему хорошему ни приведёт, подчинилась.

– Смотри, Арстин, – вздохнул Малис, глядя на лежавших на шкуре голеньких малышей.

Оба были примерно одинакового роста, но один казался немного толще, и на его плече краснело странное родимое пятно. Другой же был беленький и чистенький, без единого пятнышка, без единого изъяна на крохотном тельце.

– Думаю, этот, – сказал Арстин, указывая на второго. – Чистенький, беленький, да и лицо похоже.

– Уверен? По мне, так они оба на одно лицо.

– Ну, кажется мне, что принц должен быть с гладкой белой кожей, стройненький.

– Может ты и прав.

– Да ты погляди на второго – толстый, кожа какая-то смуглая, да и пятно родимое. Явно, внук Старого каплуна.

Малис присел рядом с ворочавшимися младенцами. Кто разберёт их, какой из них наследник престола? И с чего этот Арстин взял, что принцы все беленькие да чистенькие. Это потом, один из них станет ходить в дорогой, красивой одежде, мытый и надушенный, а другой в том, в чём придётся, грязный, да и пахнуть от него будет в лучшем случае лошадиным потом. Только мать различит их сейчас. Но встречаться ему с ней не стоит. Едва ли отпустят его просто так. Тюрьма, а то и смерть будут результатами этой встречи.

– Ладно, – проговорил он. – Сделаем так, как ты думаешь. Времени у нас нет. Думаю, они не станут задерживаться. Нужно выходить.

Малис повернулся к Лайре – женщина размазывала по щекам слёзы.

– Закутывай ребенка, положи его в корзину и сама одевайся. Поедем втроём, я, Лайра и Ткар. Остальные, и ты, Арстин, остаются здесь.

Три тёмных фигуры мелькали в предрассветных сумерках. Малис ехал первым. Конь медленно ступал в глубокий снег, выбирая дорогу. По его телу то и дело пробегала дрожь от холодного утреннего воздуха. Сам седок сидел, сгорбившись, словно на его плечи взвалили непосильную ношу. Следом, крепко сжимая в руках корзину с ребёнком, ехала Лайра. Слёзы так и не перестали литься из её глаз. Крохотные капли скатывались по щекам на подбородок, застывая льдинками на повязанном вокруг шеи платке. Последним был возвышавшийся в седле, как скала, Ткар. Он то и дело, громогласно кашлял, и этот звук звенел в оледенелых стволах деревьев.

До дороги оставалось совсем немного, можно не спешить. Едва ли король успел выехать из деревни. Всадники старались попридержать и без того медленно шагавших коней, чтобы те шли ещё медленнее. Малис не боялся опоздать, что-то подсказывало ему, что ещё и ждать придётся. Он то и дело натягивал поводья, словно старался совсем остановить коня. Животное громко фыркало, выпуская из ноздрей белёсый пар, но не останавливалось, а шло так медленно, насколько хватало терпения.

Никто не говорил ни слова, да и не о чем было говорить. Слышались лишь тихие всхлипывания Лайры да кашель Ткара. Наконец, в просветах между деревьев, показалась дорога – грязно-серая лента утоптанного, укатанного снега. Уже совсем рассвело. Серое утреннее небо стало ярче, налилось голубым. Темнота рассеялась.

Малис остановился на дороге, задумался, но лишь на мгновение. Его взгляд упал на обочину где, на повороте, темнел могучий ствол старого дуба.

– Туда, – сказал он и прищипорил коня.

Они подъехали к дереву, осмотрели его со всех сторон. Дуб рос на небольшом холмике и в стороне, противоположной дороге, земля под ним немного осыпалась, вымылась осенними дождями, создав невысокий, примерно по грудь, обрыв. Корни дерева, корявые и толстые, отходили от его верхнего края и, уходили в землю, образуя некое подобие свода пещеры. Края её, засыпанные снегом, не были видны с дороги. Ткар немного разгрёб сугроб, отрыв удобный лаз вовнутрь. Коней отвели поглубже в лес, чтобы те не привлекали внимания своим ржанием, а сами залезли в укрытие. Малис порылся в карманах, нашёл огарок сальной свечи. Запалив огнём трут, он поднёс крохотный, трепетный огонёк к фитилю. Свеча, сочно потрескивая, разгорелась оранжевым, коптящим пламенем, распространяя вокруг аппетитный запах шкварок.

– Отдыхай пока, Ткар. Скоро сторожить пойдёшь.

– А за коней не боишься, – спросил тот, устраиваясь поудобнее на твёрдой, как камень, мёрзлой земле. – Зима – время голодное, а в лесу зверья полно.

Малис ничего не ответил. Он сел рядом с Ткаром и достал из-за пазухи деревянную флягу. Отпив немного, он состроил гримасу и отдал вино товарищу.

– Что это ты пьёшь? – спросил тот удивленно.

– Вино лафирское. Когда Фарнадо отбили, гадости этой там много нашли.

– Гадость? А зачем пьёшь?

– Не знаю, вкус сначала не чувствуешь, обжигает, как огонь, но потом ничего, приятно.

Ткар пожал плечами и опрокинул в свою глотку не меньше половины того, что было во фляге.

– Действительно, – сказал он, поморщившись. – Огонь. Зато согревает здорово. Из чего его делают?

– Говорят, из того же самого винограда.

– Да? Нет, неплохая штука, особенно, когда холодно и зуб на зуб не попадает.

Ткар отхлебнул из фляги ещё и передал её дрожавшей от холода Лайре. Та глотнула и, закашлявшись, с трудом проглотила жгучую жидкость.

– Согревает, – сиплым голосом произнесла она.

Свеча быстро сгорела и, похлыв на прощание ярким белым пламенем, погасла. Под сенью корней стало темно, лишь свет снаружи немного рассеивал темноту. Они молчали. Лайра тихонько качала ребенка, вполголоса напевая колыбельную, Ткар сосредоточенно выстрегивал что-то из попавшейся под руку ветки. Малис, пробравшись к лазу, то и дело выглядывал наружу и осматривался.

– Пора, Ткар, – проговорил он, наконец. – Иди, последи за дорогой.

– Иду, – ответил тот и вылез из укрытия.

Снаружи раздался громкий хруст снега под сапожищами здоровяка. Звук постепенно удалялся в сторону и, наконец, совсем стих.

– Что теперь? – спросила Лайра.

– А что теперь? – Малис усмехнулся. – Будем ждать.

Прошло совсем немного времени, как вдруг рядом опять раздался звук шагов. В лазе появилась голова Ткара.

– Едут, – хрипло прошептал он.

Лайра вздрогнула и, побледнев, машинально прижала к груди корзину со спящим ребёнком. Малис пристально посмотрел ей в глаза.

– Давай корзину.

– Малис, одумайся, – взмолилась женщина.

– Замолчи, дура, – рассердился тот. – Я и так из-за тебя дел нехороших натворил, так дай мне хоть что-то исправить, может и совесть поменьше грызть будет.

Он отнял у неё корзину и выбрался наружу. Вдалеке уже слышался топот копыт, позвякивание упряжи, доносились человеческие голоса. Не спутать бы, вдруг не король, а кто-нибудь ещё забрёл в эту глушь. Хотя, откуда. Что делать здесь? Едва ли здесь был ещё такой же большой отряд.

– Прячься, – приказал Малис Ткару – тот послушался и, с треском продравшись через переплетение корней, исчез во мраке укрытия.

Малис бросился к дороге и, даже не посмотрев по сторонам, оставил на неё корзину с младенцем. Будь что будет. Он со всех ног побежал обратно, не обращая внимания на оставленные на снегу следы. Уже рядом с лазом, он услышал, как громко заплакал проснувшийся ребёнок. «Так оно лучше», – подумал Малис, ныряя во мрак сквозь корни.

– Тихо, – прошипел он, протискиваясь между Ткаром и Лайрой.

Шум приближался. Конский топот, звонко отдаваясь в мерзлоте, раздавался уже совсем рядом. Дробный стук быстрой рыси сменился мерной мягкой поступью. Всадники остановились. Скрипнув полозьями, остановилась карета.

– Что случилось? – раздался мрачный, громкий голос, от которого Малиса пробрала нервная дрожь. Он узнал этот голос, голос короля.

– Ваше величество, тут корзинка с ребёнком. Ребёнок новорожденный, – послышался ответ. – Плачет, кушать хочет, похоже.

Дальше не было слышно ни единого слова. Хруст снега обозначил торопливые шаги сначала в одну сторону, затем обратно. С громким скрипом закрылась дверца, хлопнул кнут, и снова по плотному снегу застучали копыта коней.

– Вот и всё, – проговорил Малис, громко вздохнув.

– Всё прошло, как нельзя лучше, – весело добавил Ткар, хлопнув товарища по плечу.

Лайра же молчала, отвернувшись в сторону. Глаза её вновь заблестели от навернувшихся слёз. Она всхлипнула, отёрла рукой влагу с глаз и, так и не сказав ни слова, резким движением выбралась наружу.

– Лайра! – окликнул её Малис, бросившись следом.

Она не отвечала, а молча, сгорбившись, тяжело шагала по глубокому снегу туда, где стояли кони. Малис махнул рукой и пошёл следом, не делая больше попыток заговорить с ней. За ним, ступая точно след в след, шагал Ткар. Пришло время возвращаться.

– Молодцы, не выдали, – проговорил Ткар, ласково похлопывая по холке своего коня. Животное, почувствовав похвалу, довольно фыркнуло и потёрлось мордой о плечо хозяина. – Умница моя.

Он поставил ногу в стремя и хотел вскочить в седло, но конь вдруг испуганно захрапел, вздрогнул всем телом и прыгнул в сторону, волоча за собой упавшего Ткара.

– Да что с тобой! – Ткар высвободил ногу и поднялся – его всего покрывал слой снега, а лицо казалось поросшим белой щетиной.

Лайра натянуто засмеялась, но тут же осеклась. Её конь вырвал повод из рук и, оглашая лес пронзительным ржанием, бросился в чащу. Малис проводил испуганное животное удивлённым взглядом, стараясь крепче держать повод своего, который уже пятился, приседая и хрипя. Вдруг его передёрнуло от леденящего страха – следом за убегающим конём Лайры среди палок малинника мелькнуло несколько тёмных теней.

– Держи коня! – крикнул он Ткару.

Тот кинулся ловить, но было поздно. Испуганное животное ринулось прочь от человека в сторону дороги. Но и Малис не смог удержать коня. Тот встал на дыбы и ударил хозяина подкованным увесистой подковой копытом. Страшный удар разбил плечо, и Малис, закричав от боли, выпустил повод и упал в снег. Конь сделал скачок в сторону, подняв клубы снежной пыли, и бросился бежать.

- Что с тобой!? – Лайра, забыв обиды, бросилась к нему. – Тебе больно?
- Эта кляча раздробила мне плечо!
- Ничего, мы поможем тебе. Ткар поддержит тебя, и мы дойдём до сторожки.
- Дойдём?! – Малис встал на колени и засмеялся безудержным смехом умалишённого. –

Куда мы дойдём, Лайра! Разве ты не видишь, что мы окружены.

- Кем? – Лайра побледнела.

– Стаей волков. Стаей голодных волков, которые ни перед чем не остановятся, чтобы сожрать нас.

Словно в подтверждение слов из-за деревьев появились серые, наводящие ужас тени. Окружив людей, они начали медленно ходить по кругу, постепенно сжимая своё кольцо. Мягко ступая по снегу, огромные, сильные звери приближались к своим жертвам. Горящие свирепым огнём глаза внимательно осматривали каждого из трёх человек. Один ранен, другой женщина – лёгкая добыча. С третьим придётся повозиться. Но зима выдалась хорошая. Добычи в лесу хватало, и звери сохранили свою силу, нисколько не исхудав. Справятся и с третьим.

Ни единого звука, волки ходили молча. Никто не повизгивал в предвкушении горячей крови, снег не хрустел под лапами. Они, казались бестелесными тенями, и лишь жадным зелёным огнём полыхали глаза зверя.

- Волки, – прошептала Лайра и, охнув, медленно осела на снег.

Малис встал, не обращая внимания на упавшую в обморок женщину. Сунул здоровую, левую руку, за пазуху и достал меч. Рядом, спиной к спине, встал Ткар, сжимая в одной руке длинный нож, а в другой – боевой топор.

- Сожрут нас, – вздохнул он. – Много их, слишком много.

– Если меня загрызут первым, убей Лайру, не дай ей умереть такой смертью, – отозвался Малис.

Волки подошли совсем близко. Всего десяток шагов отделял их от добычи. Слюна капала с белых острых клыков – звери уже предвкушали пиршество. Из цепочки собратьев выступил крупный матёрый зверь и медленно, припадая к снегу, начал приближаться к людям. Взгляд его перескакивал с Малиса на Ткара, с Ткара на Лайру, с Лайры опять на Малиса. Исполосованная шрамами морда то и дело вздрагивала, приподнимались губы, обнажая ужасный оскал.

Он неожиданно прыгнул. Гибкое тело легко взвилось в воздух и устремилось на Малиса. Это произошло с быстротой молнии, но человек успел выставить навстречу прыжку сжимавшую меч руку. Клинок, не дрогнув, вошёл точно в горло зверя. Мёртвое тело ударило Малиса в грудь, сшибло с ног и упало на снег, вырвав рукоять меча из руки. Упав на раненое плечо, человек страшно закричал – острая, дурманящая боль огнём полыхнула во всём теле.

В этот момент бросилась вся стая. Малис так и не успел подняться. Какой-то зверь вонзил свои зубы в его ногу и сжал так сильно, что клыки прокусили ткань и мясо до кости. Другой накинудся сверху, пытаясь добраться до шеи, затем прыгнул третий, четвёртый, они рвали одежду, кусали бока, вырывая клочья плоти.

– Прости, – прохрипел Малис. Из последних сил он достал небольшой кинжал и всадил его в сердце лежавшей рядом Лайры.

Ткар тоже продержался недолго. Раскидав мощными ударами топора несколько волков и оставив в шее ещё одного свой нож, он начал медленно отступать к дороге. Но опьянённые кровью звери не отпускали свою жертву. Не обращая внимания на топор, со свистом рассекавший воздух перед их мордами, они бросились на Ткара. Сразу двое вцепились в его ноги, третий прыгнул на грудь, и гигант рухнул в снег. Он попытался подняться, ударил одного из волков топором по спине, в одно мгновение сломав ему хребет, но на него бросались всё новые и новые звери.

Их ждали целый день. Уже близился вечер, но они так и не вернулись. Арстин и ещё двое его товарищей пошли по следам. Что случилось с Малисом, он даже не мог себе представить. Заблудиться, хорошо знающий эти места, не мог. Разве что столкнулись с королевскими гвардейцами. Что ещё могло быть? Следы легко читались на снегу и вели к дороге. А вот и дорога. Следы идут рядом с обочиной к дубу. Арстин спешился, обошёл его вокруг. Да, они были здесь, прятались под корнями. Остался даже след копоты от свечи и несколько капель жира с неё.

– Арстин! – окликнули его снаружи. – Следы уходят в лес.

Арстин выбрался наружу. Точно, недоглядел он. Идти пришлось недолго. Они вышли на небольшую поляну и...

– О боги! – Арстин чуть не упал из седла. Кони, сдавленно хрипя, попятились назад.

На белом снегу алели пятна крови, в которых лежали три истерзанных трупа. Двое рядом, казалось, один обнял другой. Третий лежал поодаль. Их лица уже нельзя было узнать, но Арстин догадался, кто это.

– Поехали отсюда, быстрее, – он повернул коня и галопом понёсся прочь от этого страшного места.

– Что с ребенком делать то? И с солдатом? Не брать же на себя грех, – спросил его один из спутников, когда они перевели дух.

– Не знаю, с собой возьму обоих. Доберусь до соседней деревни, там кормящие женщины есть. И раненого, может, приютят. Как-нибудь справлюсь.

Через несколько часов сторожка была покинута. Все разъехались по своим домам. Арстину достались хорошие сани и пара лошадей. Он взял с собой малыша и раненого гвардейца и направился подальше от этих мест, останавливаясь в каждой деревне, чтобы накормить малыша и запастись молоком в дорогу. И если с мальчиком всё было хорошо, то раненому не повезло. Он продержался всего три дня, а утром четвёртого умер.

Часть 2. Рушащиеся мечты

1

Дорога струилась бесконечной асфальтовой рекой. Километр за километром машина преодолевала её, глотала повороты, бугры и пыльные впадины. Но дорога не кончалась, а терялась где-то вдалеке, в жарком пыльном мареве. По сторонам мелькали столбы, серые от пыли деревца, а вдалеке раскинулись каменистые холмы с бесконечными виноградниками.

Джип нёсся с огромной скоростью, но лишь гул мотора доносился до слуха пассажиров. Свист ветра словно оставался позади, терялся вдалеке. Ничего не визжало, не выло, машина шла, не шелохнувшись по гладкому, словно зеркало, шоссе. Изредка, машину, всё-таки, встряхивало, и тогда, из багажного отсека доносился лёгкий, мелодичный звон.

– Ещё немного, – сказал сидевший за рулём мужчина – абсолютно седой, но ещё не очень-то и старый, крепкого телосложения, одетый в потемневшую от пота майку. На вид ему было не больше пятидесяти.

– Поскорее бы, – вздохнул второй, молодой, лет двадцати – двадцати двух, худощавый, с длинными, волнистыми, до плеч, волосами. Он вздохнул ещё раз, отёр пот со лба и достал из сумки-холодильника запотевшую банку лимонного тоника. – Хорошо, – проговорил он, отпив немного.

– Терпи, Сашка, – отозвался водитель. – Жалеть потом о жаре будешь, когда в пещеру нырнем. Вода там, говорят, очень холодная.

Машину слегка встряхнуло, и как раз в этот момент мимо мелькнул дорожный указатель – «Фержюв, 5 км».

– В городе перекусим. У меня уже в животе от голода бурчит. С Германии, вроде, толком не ели? Хотя, до Сен-Рафаэля рукой подать.

– Кстати, а что Иван Сергеевич с нами не поехал? Помню, он тоже порывался в пещеры понырять.

– Он сейчас не в настроении. Лучше не трогать старика. Тем более автопутешествия длинной больше тысячи километров не в его вкусе.

– Опять всплески фантазии? – Александр ухмыльнулся.

– Не говори так, сынок, не надо.

– Опять. Я не прав, что ли?

– А зачем ты обижаешься?

– А ты постоянно защищаешь его. А он постоянно несёт всякую чепуху об островах, о чёрных ущельях, о великой битве и короле Александре. Если у него съехала крыша, его лечить надо, а не прятать от всех. Да и ты сам частенько потчевал меня этими сказками. А мне уже не пять лет, и я сказками не интересуюсь.

– Александр! Перестань!

– Извини, сорвалось, – тихо проговорил тот, смутившись.

– Ладно, я не виню тебя. Ты не видал того, что видел я, и никогда не увидишь.

– Фержюв показался, сбавь скорость.

Впереди, в пыльной дымке уже был виден город. Смутные очертания домов и зелени сливались в разноцветные пятна, словно мазки краски на полотне художника. Навстречу им и мчались Николай Сартаков и его сын.

Через несколько минут, покрытая слоем пыли, машина въехала в пригород. Мимо мелькали дома, изнывающие о жары прохожие и многочисленные уличные кафе, расположившие свои столики на улицах под спасительными тентами.

– Машину помыть нужно, – пробормотал Николай. – Придерутся ещё.

Он подъехал к попавшейся на обочине патрульной машине и, немилосердно коверкая французский, спросил, где ближайшая мойка. Полицейский с неохотой оторвался от бутылки с минералкой, поморщился – мало того, что этот иностранец помешал его отдыху, он ещё говорит с таким чудовищным акцентом, что его сложно понять. Он удивлённо посмотрел на собеседника, показав всем своим видом, что ничего не понял из его болтовни. Тот повторил. Страж порядка улыбнулся. Не то, чтобы из симпатии, скорее из необходимости быть вежливым и начал что-то быстро говорить, засыпая собеседника картавыми «р» и жужжащими «же». Николай напрягся, стараясь перевести то, что услышал. Видимо понял, потому что поблагодарил собеседника и нажал на газ.

Мотор довольно заурчал, словно в предвкушении, что сейчас заботливые руки механика вытрясут из его воздушного фильтра дорожную пыль, и машина свернула в сторону от шоссе на извилистую, узкую улочку.

– Что он сказал тебе? – спросил Саша.

– Там где-то, – ответил отец, махнув рукой вперёд.

Ехать пришлось недолго. Через несколько поворотов между домов показался невысокий длинный гараж цвета дорожной пыли, где располагалась автоматическая мойка. Очереди не было, и Николай сразу подъехал к будке контролёра при въезде и заплатил за то, что в висевшем тут же прайс-листе называлось «Стандарт». Шлагбаум поднялся, и машина проехала в мойку.

– Закрой окно получше, – предупредил он сына.

– Закрыв уже.

Глухой гул неожиданно превратился в резкий дребезжащий грохот, словно машина попала под сильный ливень. Струи воды ударили со всех сторон, смывая пыль. Транспортёр сам вёз машину дальше, в следующий отсек, где щётки и мыльная пена начисто отмыли корпус, затем снова загрохотали упругие струи воды. Наконец, транспортёр вывез джип в последний отсек, где мойщики насухо вытерли кузов.

– Ну, вот и всё, – весело проговорил Николай.

Машина выехала на улицу и, сверкая на солнце своими чистыми боками, направилась к ближайшему кафе. Пришлось снова выехать на шоссе тем же маршрутом, чтобы не блуждать среди переплетения улиц. Обратная дорога показалась гораздо короче, и Саша не заметил, как они, повернули направо, проехали с полквартала и остановились около уютного бistro, спрятавшегося в тени огромной смоковницы. Изящные столы и стулья из сверкающего хромом железа и дерева прятались под её раскидистой кроной и белым, с зелёными полосами, тентом.

Они расположились за крайним столиком. Рядом с ними, немедленно появилась молодая девушка-официантка, видимо студентка, решившая подработать в летние каникулы. Улыбаясь лучезарной улыбкой, она протянула каждому меню и приготовила записную книжку и карандаш.

– Засиживаться не будем, – проговорил Николай. – Возьмём сока похолоднее, да по паре круасанов.

– Давай, я не против.

Он повторил заказ по-французски. Девушка взглянула на Александра, но тот знаками дал ей понять, что и ему то же самое. Она записала заказ и быстрыми шагами ушла в помещение.

– Как она смотрела на тебя, – улыбнулся отец. – Не заметил?

– Да ну её. Мне, с дороги, не до девушек, тем более во французском я совсем не силен, в отличии от тебя. Сейчас бы лечь где-нибудь в теньке и потянуть немного ноги.

– Ничего, скоро доедем.

Официантка вернулась на удивление быстро. Поставила заказ на столик, получила деньги и ушла. Отец и сын сразу набросились на круасаны. Быстро расправившись с ними, они запили булочки холодным соком и, сев в машину, поехали дальше.

Выехали на проспект и, несколько минут спустя оказались в Сен-Рафаэле. Мимо мелькали аккуратные домики, справа, между домов на мгновение появилась заставленная белоснежными яхтами бухта. Свернули в проулок – пара невест откуда взявшихся собачонок увязалась за машиной, но, пробежав пару десятков метров, они отстали, остановившись, высунули языки. Жарко.

Ехать пришлось довольно долго. Бесконечно длинная улица шла вдоль берега, меняя с каждым кварталом своё название. Прошло не меньше получаса, прежде чем они свернули в сторону, к двухэтажному зданию гостиницы.

– Выходим.

Около дверей их уже ждал смуглый, невысокий старик. Увидев затормозивший у дверей его заведения джип и выходящих из него людей, он, распростёр объятия и, со словами на почти чистом русском – Добро пожаловать! Заждался уже! – бросился обнимать гостей.

– Привет, Луи, – Николай обнял старика. – Познакомься – Александр, мой сын.

Саша подошёл ближе. Луи пристально осмотрел его с ног до головы и, довольно улыбувшись, сказал:

– Николай такой же был после своих приключений – благородная осанка, горящий взгляд.

Юноша ничего не ответил, лишь слегка растянул губы в вежливой улыбке. Если стариками хочется тешить себя сказками, пускай. А Луи уже о чём-то говорил с отцом. Саша, отвлёкшись, чтобы осмотреться, не слышал начала разговора.

– ... Не боишься? – неожиданно услышал он вопрос – Луи обращался к нему.

– Немного, всё-таки не открытое море, а пещера.

– И правильно, это не игрушки. Кстати, когда собирайтесь нырять?

– Точно не сегодня. Завтра. А сейчас отдохнём, выпьем твоего вина.

– Хорошо, идёте, я оставил для вас те же самые комнаты. Как тогда, семь лет назад, когда ты с Катрин приезжал. Отдай ключи от машины Кристиану, он её в гараж поставит.

Николай отдал ключи подбежавшему парню и пошёл следом за Луи в дом. Саша поплёлся следом.

– Всё, как прежде, – пробормотал Николай, оглядывая холл, отделанный панелями из бука.

Так же, как и семь лет назад, вдоль стены стояли кресла, а на небольших полочках в стене стояли горшки с хмелем, который, буйно разросшись, оплёл все стены, взобрался на потолочные балки.

– Как пахнет, – Александр глубоко вдохнул терпкий аромат.

Луи зашёл за стойку, достал ключ от номера.

– Да, тот самый, седьмой, – вздохнул Николай.

– Ладно, не вешай нос, не вороши прошлое. Поднимайтесь, а я скоро приду, принесу поесть и вина.

Сартаков-старший поблагодарил старика и поднялся по лестнице на второй этаж. Здесь было прохладно – где-то неслышно работал кондиционер. Седьмой номер находился неподалеку от лестницы. Николай вставил ключ в замочную скважину, повернул его, прислушиваясь к звонкому щелчку замка. Дверь открылась, и он первым вошёл в туда.

– Откуда ты знаешь Луи? – спросил вошедший следом Александр. – Ты никогда о нём не рассказывал.

– Это отец моей первой жены, он из семьи эмигрантов. Я не рассказывал про них. Её... авиакатастрофа... Любила спортивные самолеты. Мы после свадьбы месяц прожили здесь, хотели уже возвращаться назад. Она решила полетать напоследок...

– Почему так? Мама тоже... Словно проклятие какое-то, – прошептал сын дрогнувшим голосом.

– Да, словно проклятие... Ладно, дружок. Ничего уже не изменить. Надо жить дальше. Располагайся, отдыхай.

– Хорошо, я полежу, попробую вздремнуть.

От двери небольшой коридорчик привёл его в зал. Комната была большая, просторная, с высокими потолками. Наверняка, номер семь – лучший номер гостиницы. Свет лился в неё через огромное, почти во всю стену, окно, освещая небольшой, уже сервированный стол, стоявший в центре. По краям окна, под сенью росших в кадках пальм, стояли кожаные диваны. Слева от окна располагался внушительный по размеру и содержанию бар. Саша лишь мельком взглянул на его содержимое и, повернув вправо, прошёл в одну из спален. Она оказалась раза в два меньше зала, но от этого становилась только уютней. Здесь было светло. Как и в зале, половину стены занимало окно, выполненное полукруглым эркером. Но, стоило закрыть жалюзи, как густой полумрак окутывал всё вокруг. В центре стояла большая кровать, рядом ночной столик, а напротив, сбоку от двери, на стене висел телевизор.

Александр снял пыльные кроссовки, прошёлся немного по прохладному деревянному полу, дав отдохнуть ступням после обуви, и усталю упал на мягкую постель. Рука сама нащупала пульт телевизора на ночном столике – телевизор включился.

– Посмотрим, что здесь есть, – пробормотал он.

Как назло, ловились только французские каналы. Саша не понимал ни слова, но попробовал посмотреть одну из передач. Кончилось тем, что он, разочаровавшись, просто выключил телевизор. Почему-то сразу захотелось спать. Мягкой пеленой накатила дремота.

– Эй, выходи, – послышался голос отца. – Успеешь выспаться, лучше попробуй настоящего вина.

Он встал, потянулся и вышел из спальни, ощущая босыми ногами прохладу пола. Николай и Луи уже сидели за заставленным яствами столом – когда только успели, он и не услышал.

– Присаживайся. Попробуй паштета из омаров. Жаль, устриц свежих нет. Да и ладно, здесь и без них есть что пожевать.

Недолго думая, Александр сел за стол и набросился на еду. Пока он набивал себе рот паштетом, Луи налил в его бокал густого, бордового вина.

– Попробуй.

Саша оторвался от еды и приложился к бокалу. Вино было терпким, кисло-сладким. Вкус был весьма странен, привкуса винограда не ощущалось, скорее в нём чувствовалась пробка, видимо оттого, что его выдерживали в бочках из пробкового дуба, почему-то была лёгкая нотка дублёной кожи. Но всё это отнюдь не вызывало оскомины, наоборот, его хотелось пить и пить, пока не опустеет стоявшая на столе пыльная, зелёного стекла, бутылка.

– Ничего лучше в своей жизни не пил, – признался он, поставив на стол пустой бокал.

Небольшое застолье продолжалось недолго. Хорошее вино ещё больше разморило уставших гостей, и оба стали походить на сонную рыбу.

– Ты, как хочешь, если есть желание, погуляй, а я спать пойду, – проговорил Николай, заразительно зевнув.

– Да и я тоже посплю – ещё нагуляюсь.

Они проспали остаток дня, весь вечер и всю ночь – долгая дорога дала о себе знать. Зато на следующий день оба встали, когда не было и шести. Солнце ещё не успело подняться в зенит, и не пекло так немилосердно, как в полдень. С моря дул свежий ветерок, можно даже сказать, что было немного прохладно. Саша поднялся, прошёл в ванную комнату, быстро принял душ.

Одевшись, он вышел в зал. К его удивлению, отец уже сидел за столом и пил кофе, закусывая его свежее испечёнными булочками.

– Выспался? – спросил он.

– Ещё бы. Даже не знал, что смогу проспать столько.

– Нырять готов? Хотим пораньше к бухте выехать, пока жары нет.

– Готов.

– Тогда садись, перекуси немного, чтобы в животе не так пусто было.

Александр не заставил себя долго ждать и тут же принялся за завтрак. Отец, тем временем, допил свой кофе и вышел из номера, чтобы подогнать машину к выходу.

– Поторапливайся, – сказал он сыну уже выходя из двери.

– Умгу, – ответил тот.

Не прошло и пяти минут, а с улицы уже послышалось мягкое урчание двигателя. Затем басовито прогудел сигнал, в ответ где-то рядом залаял разбуженный пёс.

– Иду, иду, – проворчал Саша и, оставив кофе недопитым, выбежал в коридор и быстро спустился в холл. Аромат хмеля сразу вскружил голову. Хотелось прыгать от радости, плясать, петь...

– Спешешь? – раздался за спиной голос Луи.

Александр обернулся и поприветствовал старика – тот бодро шагал навстречу, держа под мышками серые от пыли ласты и гидрокостюм. За спиной позвякивал старый, но абсолютно надёжный акваланг.

– Тоже решил нырнуть? – спросил Саша.

– А что? Вспомню молодость. Мы ведь с отцом твоим на этой почве и познакомились когда-то.

– Помочь?

– Давай, попрिдержи дверь, а то самому несподручно.

Тот покачал головой и, открыв дверь, встал рядом, прижав её плечом к косяку. Луи, не подавая виду, что ему тяжело, с грохотом протиснулся в дверной проём, отдышался и зашагал к машине. Александр отпустил дверь – она мягко закрылась – и пошёл следом.

Сборы были недолгими. Закинуть вещи Луи, и всё, можно ехать. Николай помог ему уложить их в багажник и сел за руль. Луи сел рядом, а Саша блаженно раскинулся на просторном заднем сиденье.

Машина вздрогнула и, мягко покатила по пыльной дороге. Под колесами шуршал гравий, то и дело вылетая из-под колёс, и звонко щелкая по днищу.

– Здесь недолго, минут через двадцать подъедем к этой бухте, – проговорил Луи, сосредоточено глядя в окно.

Они свернули в сторону от города, от его пляжей и направились к скалам. Дорога змеей вилась над располагавшемся ниже серпантина железнодорожным полотном. То и дело попадались выбоины, машину встряхивало, и из багажника доносился мелодичный звон баллонов.

– Еще чуть-чуть, потерпите, – сказал невозмутимый Луи.

Саша же тихо ругался – через неплотно прикрытые стекла проникла пыль и, попав в рот, противно скрипела на зубах. Вскоре Луи показал пальцем в сторону, и Николай свернул с шоссе на ведущую к морю дорогу. Дорога сделала несколько поворотов, нырнула вниз и, вильнув между скал, вывела к усыпанному галькой и камнями дикому пляжу. Машина остановилась в паре метров от кромки прибоя. Все трое вышли.

– Здесь она, – вновь проговорил Луи. – Совсем недавно нашли. Там завалы были, но штормом их разметало, и проход открылся. Туда ещё мало кто лазил, так что, может, что и найдём интересное.

– Хорошо, давайте собираться.

Саша поднялся на большой, плоский, далеко выдающийся в море камень, посмотрел с него вниз. Под ногами была глубина, видимо дно резко уходило вниз. Искрилась в лучах солнца чистейшая, прозрачная вода, но дна он так и не увидел.

– Эй, там метров пятнадцать будет – дно обрывается резко вниз, – пояснил ему Луи, уже одевавший гидрокостюм.

Александр спрыгнул с камня и тоже начал собираться. Надев на себя костюм, акваланг, груз, взяв снаряжение, он почувствовал себя настолько тяжёлым, что захотелось поскорее прыгнуть в воду.

– Идёмте, – Николай тоже собрался, и все трое встали у воды. – Пошли?

Саша вошёл в воду по колено, сделал ещё шаг, и едва не ушёл с головой под воду. Луи удержал его.

– Осторожнее.

Они надели маски, и только после этого сделали шаг в глубину. В ушах зашумело – все едва слышимые на воздухе звуки города под водой были слышны на редкость хорошо. Рядом раздалось успокаивающее бульканье аквалангов отца и Луи. Дышалось легко и спокойно, дыхательный автомат исправно выполнял свою работу. Ни тени беспокойства, ни малейшего волнения. Благоразумно держась в стороне, промелькнуло несколько небольших рыбёшек. Они издали посмотрели на ныряльщиков и, молниеносно бросились в сторону, исчезнув в голубом тумане.

Ныряльщики погружались всё глубже и глубже, и, наконец, достигли входа в пещеру, рядом с которым лежали крупные каменные обломки, когда-то закрывавшие в неё вход. Здесь всё ещё было светло, но яркие краски уступили место голубым оттенкам глубины. Только узкий вход в пещеру, скорее даже в подводный туннель, зиял пугающей чернотой.

В руках Луи появился моток верёвки и небольшой ломик. Он привязал к нему конец верёвки и воткнул его между камней, так, на всякий случай. К другому концу он привязал камень и толкнул его в круто уходящий вниз провал. До слуха донёсся ясный стук – груз бился о стенки пещеры. Следом устремился Николай. Ловко протиснувшись в довольно узкий проход, он растворился в темноте. У Александра отчего-то ёкнуло в сердце, но он, увидев отсветы зажжённого фонаря, безбоязненно устремился следом за отцом. Последним пошёл Луи.

В туннеле было темно. Саша нащупал на поясе массивный подводный фонарь, взял его в руку, включил. Луча света он не увидел – вода была абсолютно чистой, без взвеси. Лишь светлое пятно появилось на стенке. Оглянувшись по сторонам, он увидел, как вниз, под углом, уходила темнота, манившая и пугавшая своей неизведанностью.

– Далеко никто ещё не заходил, – пробубнила рядом тень голосом Луи – его мундштук позволял кое-как говорить.

Отец и сын не причисляли себя к числу трусов и храбро двинулись в глубину. Или в сторону – угол наклона туннеля не превышал сорока градусов. Вскоре нашли груз. Николай отвязал от него верёвку и, привязав её к поясу, поплыл дальше. Пятна света мелькали по дну, вырывая из темноты россыпи камней. Но вдруг они пропали, исчезнув в возникшей тьме. Туннель резко устремлялся вниз и сузился на метр-полтора.

– Знаю только одного, который рискнул плыть дальше, – опять пробубнил Луи.

Ни Николай, ни Александр не обратили внимание на это замечание. Отец резко взмахнул ластами и устремился дальше. Саша посмотрел на глубиномер – экран показывал всего двадцать пять метров. Далеко не предел, он нырял гораздо глубже.

Этот этап погружения получился довольно стремительным. Юноше казалось, что он несётся вниз со скоростью подземки. Пятно света фонаря, искажаясь на неровностях стены, тоже мчалось вниз с такой же скоростью. В этой кристально прозрачной воде он ощущал себя падающим в невесомости. Лишь холод в пальцах рук и на губах напоминал о том, где он находится.

Это пике в глубину продолжалось минуты две, не больше. Наконец, тоннель немного расширился, а спуск стал пологим. Здесь Николай остановился и, увидев что-то на стене, подплыл, чтобы разглядеть. Саша вновь взглянул на глубиномер – пятьдесят два метра. Ничуть не интересуясь следами ракушек на стенах, он направился к россыпи камней на полу тоннеля, словно надеялся найти там что-либо интересное.

– Лучше на стены погляди, – прогудел голос Луи. – Рыбка, вон, какая-то отпечаталась, а ей наверняка с десятков миллионов лет.

Воздух в баллонах на такой глубине заканчивался быстро и неумолимо. Настало время подниматься, хотя они так и не достигли конца пещеры, не нашли ничего интересного, никаких ответвлений. Первым поплыл Луи, за ним Александр. Последним, замыкающим Николай. Опять мимо мелькали серые стены. Впереди показался изгиб. Саша машинально взглянул на глубиномер, но его не оказалось. Он резко остановился.

– Что такое? – обернувшись, спросил Луи.

Тот указал на пустое запястье.

– Потерял глубиномер?

Юноша кивнул.

– Да и чёрт с ним.

Он отрицательно замотал головой и, развернувшись, поплыл назад.

– Только без глупостей, – бубнил вдогонку Луи. – Дальше, чем мы заплыли, не плавай, если сразу не найдёшь, не ищи, плыви назад. Воздуха уже мало. Мы ждём.

Глубиномер нашёлся сразу, лежащим в каменной россыпи. Александр уже издали заметил его в свете фонаря. Не теряя драгоценного времени, он поднял его, но при этом случайно сдвинул казавшийся частью скалы, камень. Облачко мути поднялось из-под него, и вдруг что-то блеснуло. Он сунул туда руку, и нащупал в углублении тонкий диск. Точно не камень – мелькнуло в голове. Медальон? Рука вытащила жёлтый кругляш, к которому была прикреплена порванная в одном из звеньев цепочка. Да это же старинное золото! От удивления изо рта едва не выпал мундштук. Свет фонаря сверкнул солнечным блеском на медальоне, выхватив из темноты непонятные символы, вырезанные на нём.

Разглядев неожиданную находку, он засунул её в поясную сумку, а затем перевернул несколько камней, в надежде найти что-нибудь ещё. В этот раз рука наткнулась на металлический предмет, похожий на шкатулку. Он извлёк из облака мути увесистый, позеленевший от времени, бронзовый ящик, величиной с обычный кирпич. Находка неплохо сохранилась, хотя и пролежала здесь явно не меньше ста лет. Саша потряс его – внутри что-то звякнуло. Ладно, с этими находками разберёмся, когда выберемся из воды, а сейчас пора возвращаться.

Зажав под мышкой вторую находку, он, мощно толкаясь ластами, устремился вверх. Отец и Луи ждали его на том же самом месте. Николай погрозил сыну кулаком, а Луи пробубнил в мундштук:

– Что долго так?!

Саша показал в ответ свою находку. Луи не стал задавать больше вопросов. Они продолжили путь на поверхность. Нужно было спешить, ведь ещё предстояло минут двадцать декомпрессии. Вскоре впереди показался зеленовато-синий овал выходного отверстия. Протиснувшись в него, ныряльщики, если так можно выразиться, вздохнули с облегчением. Совсем близко, над головой, была та самая грань, граница между водой и воздухом. Двадцать минут декомпрессии пролетели незаметно, пока они плавали вдоль дна, рассматривая ракушки. Луи посмотрел на часы и показал пальцем вверх. Можно было подниматься.

– Ты где это нашёл? – спросил Сашу отец, вертя в руках находку. Луи, скрестив на груди руки, только удивлённо качал головой. Кто бы мог подумать, что в этой дырке можно найти

что-то подобное. Ведь даже там, где в несколько слоёв лежали остатки потонувших кораблей, отыскать такую вещь было невообразимой редкостью

– Потерпите, приедем домой и всё расскажу, – ответил Александр, снимая с себя гидрокостюм.

Оставив вещи в машине, трое мужчин направились в небольшую мастерскую при гараже. Обратная дорога была хоть и быстрой, но уставшие ныряльщики едва не уснули. Но, несмотря на усталость, никто из них и не думал об отдыхе. Тайна шкатулки подстёгивала каждого кнута.

– Распилим? – предложил Саша, схватив лежавшую на верстаке болгарку.

– Подожди, зачем портить?! – возмутился Луи.

Он согнул кусок проволоки, чтобы открыть им замок. Александр усмехнувшись, покачал головой, наблюдая, как старик силится провернуть в заржавевшем замке отмычку. Она, вроде бы, цеплялась за задвижку, но та и не думала шевелиться.

– Нет, бесполезно. Дай-ка я, – Саша отобрал у Луи ящик, зажал его в тисках и включил пилу.

– Не надо, – поморщился Луи.

– Ничего, не испорчу. Только запор прорежу.

Он опустил на щель между корпусом и крышкой бешено вращающийся диск и слегка надавил. Инструмент надрывно завизжал, вгрызаясь в вязкий металл. Саша нажал сильнее – визг перешёл во что-то немыслимое, от чего волосы едва не вставали дыбом.

– Хватит, – взмолился Луи.

– Да всё, всё, – юноша выключил ножовку и вытащил ящик из тисков.

Взявшись рукой за крышку, попытался приоткрыть её, но не тут то было. Она не поддавалась ни на миллиметр.

– Может, замок ещё не пропилил? – предположил отец.

– Нет, пропилил. Петли ведь тоже ржавые все. Вот и не открывается.

Тогда Луи, недолго думая, взял зубило и молоток, поставил ящик на бок и принялся бить остриём зубила в щель. Гулкие удары раскатились по мастерской, отзываясь металлическим дребезгом в стенах, но бронза не поддавалась. Николай насчитал одиннадцать ударов и уже начал терять терпение, как вдруг на двенадцатом ударе петли скрипнули, и зубило проскочило в появившуюся щель, достаточную для того, чтобы просунуть туда пальцы. Луи взялся руками и, приложив немалые усилия, всё-таки раскрыл ящик.

– Боже ты мой! – раздался шёпот, когда все трое заглянули в него.

Внутри блесло золото. Тонкие золотые пластинки, находившиеся в правой стороне, были пронизаны скобами, наподобие перекидного календаря.

– Что-то написано, – прошептал Саша.

– Это книга, – так же тихо проговорил отец.

– Идёмте в комнату, – добавил Луи. – Сюда может кто-нибудь войти.

И он замотал ящик в рабочий халат. Троица вышла из гаража, прошла через запасной выход и, поднявшись наверх, заперлась в номере номер семь.

– Сюда, на диван, – возбуждённо шептал Николай.

Луи поставил сверток туда, куда указывал товарищ и развернул его. И вновь все трое склонились над находкой.

– Что написано здесь? – спросил Александр. – Похоже на руны.

– Кто его знает, – покачал головой Луи. – Как думаешь, Николя?

Тот не отвечал. Луи окликнул его ещё раз, но, вновь не услышав ответа, посмотрел на него. И замер, поразившись. Лицо Николая было бледно, словно снег, губы дрожали, а глаза

блестели пугающим, сумасшедшим блеском. Дрожащая рука протёрла покрытые каплями влаги золотые листы, губы тихо прошептали несколько слов на непонятном языке.

– Николя, да очнись же!

Тот вздрогнул, отпрянул от находки и, посмотрев сначала на сына, потом на друга, прошептал:

– Это описание земли богов, начиная от сотворения, заканчивая 3677 годом от исхода. Руками жрецов Лабeka вырезаны эти руны, силой бессмертных богов освящены они. Тот монах был здесь!

Он схватил сына за руку.

– Там был медальон? Он должен был быть там!

– Да, он в поясной сумке, – растерянно ответил Саша.

– Так ты нашёл его! – Николай рассмеялся, обнял сына. – Неси его скорее!

Ещё ничего не понимая, Александр бросился к машине, достал из сумки медальон и вернулся в номер. Положив золотой диск в руку отца, он выдохнул:

– Что всё это значит?

– А ты ещё не понял? Или по-прежнему думаешь, что мы с Иваном Сергеевичем потчевали тебя сказками? Нет, сынок, теперь ты должен поверить, наконец, что это не сказки. Теперь ты сам увидишь и короля Александра, и Анну, и фарнадское поле.

– Но как!!! Как это очутилось здесь?! Опять подкинул кто-то? Я помню, ты рассказывал, что тёзке моему подкинули такой же медальон.

– Всё просто. Я слышал историю о том, что один из жрецов Лабeka отправился в наш мир, но обратно не вернулся. Он потерял медальон, не знаю, случайно или специально. Но факт – ему пришлось остаться здесь. Вот уж не ожидал, что именно мы найдём его, да ещё в подводной пещере.

– А книга?

– Кто знает, зачем она ему понадобилась здесь. Этого мы никогда не узнаем. Пусть она хранится у тебя, Луи. Только обещай – её никто не должен увидеть.

2

Нежно, лаская слух, пела лютня менестреля. Музыка слетала с её струн с лёгкостью мотылька и уносилась под расписанные фресками своды зала, угасая в вышине. Первой лютне вторили ещё две, и тогда, казалось разные мелодии, сплетались в одну, завораживающую, околдовывающую.

За огромными окнами лишь ночная тьма, но множество ярких свечей, расставленных по залу в золотых и серебряных канделябрах, разогнали темноту, залив каждый уголок своим мерцающим золотистым светом, отражаясь бликами в позолоченной резьбе колонн и белизне отполированного дерева. Здесь больше не стояло массивных дубовых столов, за которыми старые хозяева проводили время в хмельных пирах. Новый хозяин – новый порядок. Вдоль стен стояли изящные столики с фруктами и напитками. В центре зала танцевало с десятков пар, ещё человек тридцать расположились в креслах, наблюдая за незамысловатыми па танцоров.

Три тяжёлых удара посоха церемониймейстера прервали танец. Музыка стихла, танцующие замерли, а сидевшие у стены прекратили разговоры и встали. Этикет предполагал, что встретить вновь прибывших следует стоя и с должным уважением.

– Его величество, король Александр и королева Анна, – провозгласил церемониймейстер, и тот час, находившиеся рядом с пустующим тронем, двери распахнулись, и из полумрака коридора в ярко освещённый зал вышла пара.

В отличие от присутствующих, одевались они несравнимо сдержаннее своих придворных. Король был одет как простой горожанин, лишь меч на поясе и сверкающая бриллиантами корона говорили о том, кто их владелец. Платье королевы – просто и незатейливо, ни кружев, ни драгоценных камней, но этого совсем не требовалось для того, чтобы подчеркнуть величие этой женщины.

Все в зале низко поклонились, король и королева поклонились в ответ и заняли свои места. Он на троне, она рядом, в изящном кресле. Александр сделал музыкантам знак рукой, и они продолжили свою музыку.

На вид и королю, и королеве можно было дать лет тридцать пять, не больше, хотя и ей, и ему уже было далеко за сорок. Многие завидовали этому, многие хотели бы знать секрет этой молодости. Впрочем, они и сами не знали этого, наивно полагая, что это подарок богов.

Вновь три удара посоха прервали музыку.

– Князь Эйнар Сегитал Флардский и княжна Сантилия Фладрская!

Снова распахнулись те же двери, и в зале появилась ещё одна так же просто одетая пара. И вновь все склонили перед ними головы. Вошедшие сели в кресла рядом с тронем и улыбкой поприветствовали королевскую чету.

Эйнару и Сантилии было примерно столько же, сколько Александру и Анне, но выглядели они гораздо старше. Порой, это очень смущало Эйнара, и вот теперь, он склонил свою голову и принялся задумчиво тереть ножны своего старого длинного меча – военного трофея минувших лет.

Не успело смолкнуть эхо от прежних ударов, как новые прервали едва успевший продолжиться танец.

– Принцесса Лита Фладрская!

Зал замер. Все мужчины: и молодёжь, да и те, что уже в годах, как один, с неподдельным восторгом в глазах устремили взгляды на двери. Створки приоткрылись, и вошла она. Наверное те, кто потратил годы на поиск своего идеала женской красоты, сейчас бы сказали – вот он, не нужно более искать. Так считали во Флардии многие, если не все.

Изящные, обутые в кожаные туфельки, ножки красавицы неслышно ступали по полу зала, казалось, что она парит в воздухе. Ослепительное белое платье переливалось россыпью брил-

лиантов, словно звёздным светом. На ремешке, который перетягивал тонкую талию, красовался лучистый изумруд величиной с лесной орех. Плечи красавицы сияли матовой телесной белизной, словно были сделаны из драгоценного фарфора. Высоко приподнятый кружевной воротник как-то особо оттенял мягкий, идеальный по своей форме овал лица и все его детали – влажные алые губы, тонкий прямой нос, брови и голубые, словно ясное небо, глаза. Светлые волосы были собраны в искусно заплетённый пучок, и лишь два локона ниспадали на щеки. Принцесса лёгким поклоном поприветствовала всех, улыбнулась, почувствовав на себе восторженные взгляды мужчин и села рядом со своим отцом – князем Эйнарсом Сегиталом Флардским.

– Принц Эдвард! – провозгласил церемониймейстер.

Дверь распахнулась, и в зал прошёл одетый во всё чёрное, порывистый молодой человек с резкими, словно высеченными из камня, чертами лица. Его чёрные волосы выбивались из-под берета и ниспадали на плечи непослушными, не расчесанными локонами. Тонкий нос с заметной горбинкой, взгляд исподлобья придавали лицу жёсткое, порой злое, выражение. Да и всё остальное – решительная, твёрдая походка, одетая в чёрную кожаную перчатку левая рука, постоянно лежавшая на эфесе меча лишь подчеркивали явно сложный, а может быть даже и неприятный характер этого человека. Проницательный взгляд Александра сразу подметил настроение в зале. Одни подобострастно поклонились Эдварду, другие приветствовали его лишь едва заметным кивком головы, третьи же демонстративно отвернулись, сделав вид, что не замечают вошедшего. Принца ничуть не смутило и не расстроило это – он давно привык к подобному поведению придворных. Подойдя к трону, он кисло поприветствовал короля и королеву, княжескую чету не заметил вовсе и сел в кресло, стоявшее в углу у стены. Под руку попался кувшин с вином. Принц налил себе немного и, пристально глядя на принцессу, принялся неспешно потягивать из кубка напитков.

Ему было двадцать, столько же было и принцессе. Прошёл уже год с тех пор, как они стали мужем и женой. Но если до свадьбы они просто игнорировали друг друга, то после неё их отношения стали напоминать отношения кошки и собаки. Что они не поделили – не знал никто. Скорее всего, эти два человека совсем не подходили друг другу. И оба были злы на родителей, навязавших этот брак.

Он так и не притронулся к супруге, предпочитая ей притоны с весёлыми девицами, куда любил ходить по ночам в компании своих друзей. Принцессе же оставались ночи, полные одиночества – изменить мужу она не решалась, слишком заметной во дворце была её жизнь. Вот так мечта родителей, что после них страной будут вместе управлять их дети, натолкнулось на стену в отношениях Эдварда и Литы. Они, конечно, тешили себя надеждой, что рано или поздно это изменится. Но до сих пор ничего не менялось.

– Знаешь, Саш, – тихо проговорила Анна, бросив взгляд на Эдварда. – Порой, я жалею, что согласилась тогда взять этого ребёнка. Нужно было вернуть его матери. Мы совершили нехороший поступок и теперь расплачиваемся за это.

Король ничего не ответил, лишь глаза его потускнели, наполнившись грустью.

– Он ненавидит тебя, – продолжала она.

– Прикажешь его изгнать? Или казнить? – проворчал Александр.

– Ты просто держи ухо востро. И он должен пригласить Литу на танец. Напомни ему.

– Думаю, эта идея ни Эдварду, ни Лите не понравится. Стоит ли?

– Это его обязанность. И так разговоры о них всякие ходят, а если он и сегодня не подойдет к ней, снова появится пища для грязных сплетен.

– Хорошо, я скажу ему.

Король обернулся к Эдварду, мановением руки подозвал его. Тот посмотрел недоверчивым взглядом, скривился, словно съел лимон, но, нехотя встав со своего места, подошёл

к трону. Остановившись за два шага, он вопрошающе посмотрел на правителя. Александр подозвал его ближе. Эдвард тяжело вздохнул и, с неохотой, приблизился вплотную.

– Ты должен пригласить на танец принцессу.

Принц поморщился.

– Таков этикет, я не хочу, чтобы по дворцу о тебе и Лите ходили новые слухи. С меня и старых хватит.

– Я не хочу, да и сам знаешь, танцор из меня никудышный.

– Это не имеет значения.

– Я не хочу быть посмешищем! – громко воскликнул Эдвард. Музыка разом стихла, все остановились, в растерянности глядя на него. Принц разозлился ещё больше и громко сказал:

– Ну, что устались, танцуйте, развлекайтесь, или шута ждёте?! – почувствовав на себе недоуменно-возмущённый взгляд Литы и увидев на её губах лёгкую насмешку, добавил. – А ты, что смотришь, дура?

Громко и неожиданно прозвучала пощёчина. От сильного удара принц упал под ноги вставшего с трона короля. Потирая покрасневшую щеку, он медленно поднялся, не спуская с Александра яростного взгляда.

– Извинись, – мрачно проговорил король, положив руку на рукоять Аклостина.

Лицо принца исказилось, и он рванул из ножен меч. Клинок не успел и на половину выдвинуться из ножен, как вдруг молнией сверкнуло лезвие королевского меча. В руках принца остался лишь бесполезный, короткий обломок. Александр устало вздохнул и, смотря в глаза Эдварду, медленно вернул меч в ножны.

– Ты переходишь все границы. Так что следующей будет твой голова.

Оскорблённый, униженный принц, покраснев от стыда и злобы, бросился из зала прочь, чувствуя на себе взгляды придворных, чувствуя, как те про себя насмеются над ним. Слезы злости и гнева душили бегущего по тёмным коридорам дворца Эдварда. Ещё никогда его не унижали так. Сегодня он стал посмешищем для всех – и для друзей, и для врагов.

Добравшись до лестницы, он остановился перед висевшим рядом с ней портретом короля. Рука сама взялась за рукоять, но вытащила лишь смешной обломок. Рык, подобный звериному, прокатился по лестнице сверху вниз. Принц яростно бросил обломок меча в угол и сбежал к выходу в сад.

Прохлада ночи и лёгкий ветерок немного охладил его пыл. Он несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая сердцебиение, облокотился о перила. Что ж, теперь он примет это решение. Он захватит трон, захватит любой ценой, и это будет его месть. Так, спокойно, спокойно, надо пройти и всё хорошенько обдумать. Он сделал шаг вперёд, затем ещё, повернул к выходу в город. Стражники дремали около костра и не заметили его. Эдвард тихо, стараясь не привлекать их внимания, открыл калитку ворот и вышел за пределы дворца.

– Ваше высочество, постойте, – раздался за спиной голос.

– Самит? Ты? – принц вздрогнул от неожиданности.

– Он самый, – из темноты появился молодой мужчина. Он казался немного старше, но ростом и телосложением был таким же, разве что лицо отличалось большей привлекательностью. – Вы куда направились? Ночь на дворе, одному сейчас не стоит по городу гулять.

– Тебе то какое дело?

– Не могу же я вас оставить одного, да ещё без оружия.

Принц покраснел до мочек ушей, к счастью, темнота скрыла это.

– Я с вами пойду.

– Хорошо, ты годишься мне. Да и кому я ещё могу доверять так, как тебе.

Он хлопнул своего фаворита по плечу и направился дальше. Окутанные ночной темнотой улицы города освещались торчавшими из стен домов коптящими факелами. Красноватые

отблески пламени едва рассеивали мрак, приходилось ступать осторожно, чтобы не вляпаться в грязь или во что похуже.

Эдвард и его товарищ шли в сторону окраины. Кроме них на улице не было ни души. Все горожане давно разбрелись по своим домам, чтобы лечь спать, а тем, кому дома не сиделось, в трактир, чтобы скоротать время за стаканом вина в обществе весёлых девиц. И, проходя мимо этих заведений, куда не раз заходил в компании Самита и ещё кое-кого, принц слышал доносившиеся оттуда пьяные возгласы и звонкий смех.

– Куда мы идём? – спросил Самит, заметив, что давно прошли те кварталы, куда они обычно наведывались.

– А ты, разве, не догадался? Сам же мне рассказывал про старую ведьму Энику.

Самит вздрогнул, остановился, как вкопанный.

– Зачем? – тихо спросил он, словно боялся, что кто-то может его услышать.

– Не задавай лишних вопросов.

– Ты... ты хочешь отравить короля?! Ты что?!

– Да тихо. Это не то, о чём можно кричать на каждом углу.

– Но король... но он...

– Моё терпение лопнуло. Да, я хотел прийти к власти так, чтобы никто не пострадал, но после того, что случилось сегодня – никакой пощады. Я уничтожу каждого, кто помещает мне. Король Александр будет первым в этом списке. Надеюсь, у остальных хватит ума не пытаться остановить меня.

Принц схватил Самита за рукав и потянул дальше, к берегу реки. Они прошли в ворота крепости и очутились в Новом городе. Здесь селились бедняки и прочий люд. Вместо добротных каменных домов Старого города, здесь преобладали деревянные, грубо сколоченные лачуги. И темнота, кромешная темнота, лишь немного рассеивающаяся светом звёзд и молодого месяца.

Ни одного факела не освещало эти трущобы. Городские стражники, щедро вешающие факела там, в Старом городе, избегали заходить сюда вечером, чтобы не заработать на свою голову ненужных приключений. Добропорядочные граждане даже днём редко заходили сюда, предпочитая ездить по надобности в порт по другой дороге. Лишь те появлялись здесь, кто хотел встретиться со старой Эникой.

Эта ведьма была родом с Островов смерти и неплохо умела готовить всякие снадобья, в основном приворотные. Готовила и яды, точнее один, всего один яд знала она. Этот яд убивал свою жертву медленно, но неотвратно. Но даже не этим страшен был он. Убийца мог выпить его со своей жертвой из одного кубка, а потом, приняв надёжное противоядие, спокойно наблюдать за мучениями умирающего.

Оставалось идти совсем немного. Принц и его спутник свернули в сторону, в грязный закоулок, где в темноте отыскивали покосившуюся лачугу, располагавшуюся у самого края зловонной свалки. Затянутые бычьим пузырьком окна были закрыты массивными ставнями, из-под которых просвечивал едва заметный отблеск огня свечи. Самит, спотыкаясь о мусор под ногами, нащупал дверь и громко постучал в неё кулаком.

– Иду, иду! – раздался из-за двери старческий дребезжащий голос.

Послышались торопливые шаги, лязгнув засов, дверь открылась, и перед ними появилась закутанная в лохмотья старуха. Её сморщенное, точно сухое яблоко, лицо расплылось в довольной улыбке – не каждый день у её порога появлялись благородные господа.

– Проходите, проходите в дом, – проговорила она, приглашая гостей войти.

Самит вошёл первым, следом, с некоторой опаской, вошёл и принц. Он очутился в небольшой комнатке с таким низким потолком, что едва не задевал его головой. Эта комната, единственная в лачуге, заменяла старухе спальню, кухню и зал. Напротив входа у противоположной стены возвышалась гора всяческого хлама. Посуда, обломки мебели, грязные тряпки.

В противоположном углу находился закопчённый, полуразвалившийся очаг, рядом с ним стояла лавка и большой стол, заставленный горшками. Тут Эника и ела, и готовила свои снадобья. Справа от двери валялась куча покрытой тряпьем соломы, заменявшая старухе постель.

– Что угодно благородным господам? Приворотное зелье для неприступной дамы? Или кое-что для её мужа? – хитро улыбнулась ведьма.

– Давай того, что для мужа, – Самит подмигнул Энике.

Старуха заулыбалась отвратительной беззубой улыбкой и, пошарив под столом, достала два небольших, размером с еловую шишку, пузырька. Они ничем не отличались друг от друга, оба из мутного зелёного стекла, оба тщательно запечатаны восковой пробкой. Только на боку одного из них виднелся нацарапанный ножом оскалившийся череп.

– Здесь яд, в другом противоядие, – прошамкала Эника.

– Если подмешать его в вино вкус не изменится? – спросил принц.

– Нет, он почти безвкусный.

– А когда наступит смерть?

– На следующий день, благородный господин.

Эдвард довольно улыбнулся, вытащил из-за пазухи увесистый мешочек, туго набитый золотыми и протянул его старухе.

– Всё мне?! – изумилась она, когда развязала кошелёк. – Здесь же не меньше тридцати монет!

– Ты заработала это.

– О, спасибо, благородный господин, – Эника схватила руку Эдварда и принялась истово целовать её.

Принц брезгливо поморщился, отнял руку. Ещё не хватало терпеть лобызания этой старой карги.

– Если придётся вместе выпить из одного кубка, немедленно примите противоядие, мой господин, – подсказала Эника на прощание.

Принц и Самит пожелали ей здравствовать и, с большим облегчением, покинули этот дом, от которого за сотню шагов пахло смертью. Обратный путь не занял много времени и обошёлся без приключений, на которые порой богат ночной город, особенно трущобы. Незаметно проскользнув около продолжающей спокойно дремать стражи, они прошли во дворец.

Резиденция короля по-прежнему не спала. Праздник был в самом разгаре, гостей не только не убавилось, напротив, приехали из Сибийского княжества, из Лаурда, из Малонто. Недавний инцидент с принцем уже успели забыть, гости вновь развеселились и продолжали развлекаться, не обращая внимания, что за окном глубокая ночь.

Самит направился было в зал, боясь, что кто-нибудь обратит внимание на его отсутствие, но Эдвард задержал его.

– Постой, поможешь мне. Идём на кухню.

– Ты что, собираешься сделать это сейчас?!

– А к чему ждать? Если решил нанести удар – бей. Меня уже ничего не остановит, верные мне люди давно ждут сигнала. Возможно, я немного тороплю события, но это не важно, Самит. Мы в двух шагах от власти. Как думаешь, кто станет моим советником?

Самит тяжело вздохнул и, стараясь сдержать предательскую дрожь кончиков пальцев, послушно поплёлся за принцем в цоколь, где располагалась кухня. Впервые за много лет дружбы с Эдвардом, он растерялся. Посвящённый во все его планы, касаясь захвата трона, сейчас он по-настоящему боялся.

Они договаривались не причинять никому вреда, а лишь запереть всех неугодных в храме Лабека, приставив надёжную стражу. Пусть они там предаются размышлению, пусть живут. Но то, что решил сейчас принц... Это не кончится одной смертью. Эта затея может перерасти в смуту, в междоусобицу, коих уже на Острове не было более двадцати лет. Рассказать всё

королю? Нет, слишком опасно. Он прекрасно знает об их дружбе, а значит поймёт, кто помогал придумывать план переворота. Самит посмотрел в немного ссутуленную спину шедшего впереди принца. Идти за ним? Будь что будет. Если выбор его не верен, боги покарают. Пусть они судят.

Работа на кухне кипела. На очагах, распространяя вокруг дразнящий ноздри аромат, жарилось мясо. Рядом резали овощи повара, чтобы украсить ими огромные куски жаркого. В другом углу месили тесто, наливали в кувшины вино. Никто не заметил вошедших, по крайней мере, сделали вид. Эдвард подошёл к толстяку в белоснежном переднике, метавшемуся от стола к столу, раздавая указания. Увидев перед собой его высочество, королевский повар застыл в глубоком поклоне. Тот час все его подопечные бросили свою работу и едва не упали ниц.

– Что вы?! – принц добродушно улыбнулся. – Работайте, работайте. Считайте, что меня здесь нет.

Он прошёл туда, где разливали вино и спросил виночерпия:

– А где здесь у вас самое лучшее вино?

– Лучшее... вино, – растерялся тот. – Есть несколько бочек, но из них лишь королю наливают. Хотя... извините, ваше высочество... Я сейчас, я мигом.

Он быстро спустился в винный погреб и, вскоре, появился оттуда с небольшим кувшином. Принц понюхал содержимое – пахло чем-то сладким, словно мёдом, попробовал на вкус – прохладная густая жидкость, аромат и вкус винограда заглушил все другие ощущения, оставаясь во рту сладким покрывалом послевкусия.

– Великолепно, – проговорил Эдвард, давая попробовать Самиту. – Ни разу такое не пил, хотя, готов биться о заклад, что его величество пьёт это каждый день. Я бы с удовольствием оставил бы себе этот кувшинчик но, – они вышли в пустой коридор, – жаль его портить, а что делать.

Принц достал из кармана пузырёк, на стекле которого смеялся оскалившийся череп, ловко отковырнул мягкий жёлтый воск и вытряс, по каплям, яд в кувшин.

– Попробуешь ещё? – протянул он кувшин другу и весело засмеялся.

– Н..нет, что-то не хочется.

– Тогда предложу королю. Это ведь его любимое вино.

Появление Эдварда оказалось настолько неожиданным и нежданным, что все в зале замерли в недоумении. Десятки глаз переводили взгляд с короля на принца, с принца на короля. Никто не ожидал, что после произошедшего между ним и королём, он решит вернуться. Другой на его месте давно бы оседлал коней и бросился прочь из столицы куда подальше, а этот. На лице вошедшего было, казалось, неподдельное смирение, а взгляд, всегда жёсткий и колючий, порой даже жестокий, наоборот, смягчился, стал печальным, словно обладатель провёл всё прошедшее время в тягостных раздумьях.

Музыка прервалась, танцующие расступились, освободив принцу проход. Всё смолкло, лишь гулкие шаги Эдварда звучали в гнетущей тишине. Он медленно подошёл к трону, поклонился и заговорил.

– Ваше величество... Я пришёл просить у вас прощения за свою дерзость. Я осознал что сегодня, впрочем, не только сегодня, последние годы, вёл себя недостойно. Я хочу... Я могу исправиться, надеюсь, вы дадите мне этот шанс.

Король задумался, облокотился на подлокотник, опёрся подбородком о ладонь.

– Не верь ему, – шепнула Анна так тихо, что и он едва расслышал её.

– Почему?

– Я вижу его ненависть. Она клокочет в нём, хотя Эдвард пытается скрыть её под маской покорности. Он – само зло.

– Ты ошибаешься, тебе кажется это, Анна. Я не виню тебя, знаю, почему ты думаешь так.
– Тогда спроси его, почему он решил исправиться. Что он скажет тебе? Каких сказок напридумывает?

Александр вздохнул и, нехотя, тщательно подбирая слова, спросил:

– Что же случилось с тобой... Сын... Почему ты решил измениться... Ответь мне.

– Я сейчас спал и видел сон, – ответил принц, ничуть не растерявшись. – Я видел себя голодным и замёрзшим, одетым в грязное рубище на пустынных берегах. Я понял, что если продолжу поступать так, как поступал раньше, это случится со мной. Я потеряю всё. Если честно, что-то не хочется променять жизнь во дворце на судьбу бездомного нищего.

– Хорошо, Эдвард. Я думаю, что ты был искренен со мной. Я прощаю тебя.

– Отец... Позволь мне предложить тебе выпить со мной по кубку вина в честь этого примирения. Я взял на себя смелость, попросил у виночерпия твоего любимого.

– И он дал тебе его? – спросил король, улыбнувшись.

– Я... я сказал ему, для чего это, и он, с радость, помог мне.

– Хорошо. Принесите нам кубок!

Тот час слуги принесли большой золотой кубок, щедро усыпанный рубинами. Принц взял его в руку и наполнил до краёв искристым вином.

– На счастье! Богам! – воскликнул он, отбросив ещё не опустевший кувшин в сторону.

Тот со звоном разбился, и остатки вина растеклись по полу бордовой, напоминающей кровь, лужей. Сердце Анны ёкнуло, когда её взгляд упал на разлившееся вино. Кровь. Очень похоже на кровь. Отчего-то во рту появился привкус крови, а ноздри защекотал её пряный запах. Как тогда, на фарнадском поле. Нехорошее предчувствие наполнило душу, она перевела свой взгляд на Эдварда, стараясь разглядеть каждое его движение, каждый его жест. А принц, с присущим ему хладнокровием, спокойно осушил половину чаши и передал её королю.

– Не пей... Не пей... – зашептала Анна.

Александр не слышал её, да и если бы слышал, всё равно сделал по-своему. Он допил вино и крепко обнял Эдварда под шумные аплодисменты гостей. Принц поклонился и отошёл в сторону. Вновь заиграла музыка, вновь продолжили свой танец прекрасные женщины и благородные мужчины. Король взглядом показал Эдварду на болтавшую с подружками Литу. Тот кивнул, мол, сейчас, выпью ещё немного для храбрости и пойду.

Он налил себе вина из стоявшего на столике кувшина. Никто не заметил, как в чашу упало несколько капель противоядия. Пузырек как незаметно появился в его руках, так и незаметно скрылся в складках одежды. Злорадно усмехнувшись, принц залпом выпил спасительную жидкость. Затем поднялся, оправил на себе одежду и, твёрдой походкой, направился к жене.

Король, с улыбкой, наблюдал за неуклюжими па принца. Он так и не научился танцевать, хотя не раз учителя вдабливали ему эту нехитрую, впрочем, почти не нужную, науку. Эдвард с куда большим рвением постигал мастерство владения мечом и, что очень удивляло, искусство управлять государством, именно то, чего так не любил сам король.

– А он прав был, – сказал Саша Анне. – Танцует неважно, не стоит его больше допекать этими танцами.

Анна погладила рукой покрытую лёгкой щетиной щеку мужа, посмотрела ему в глаза своим, отчего-то встревоженным, взглядом.

– Я боюсь, – сказала она вдруг. – Боюсь за тебя. У меня на душе кошки скребутся. Непокойно.

– С чего это?

– Не знаю, Саш, пока не знаю, но у меня плохие предчувствия. Грядёт что-то страшное.

– Перестань, ты преувеличиваешь. Ты должна научиться воспринимать Эдварда таким, каков он есть. Если мы взяли на себя ответственность воспитать его, то нужно делать это до конца.

– Но тот, настоящий Эдвард, жив и здоров, я чувствую это. Он где-то рядом, порой кажется, что стоит лишь протянуть руку, и он коснется её.

– Знаю, Анна, знаю. Эдвард никогда не станет правителем. Править будет Лита. Но, если вдруг найдётся наш настоящий сын, он, и только он, займёт место на троне.

Прошла ночь, наступило утро. Веселье стихало, уставшие гости, один за другим, отправлялись в свои покои. Слуги потушили в зале свечи, и его сияние растворилось в утренних сумерках. Серый, тусклый свет, проникавший сквозь окна, разом стёр все краски, окутав всё блёклой пеленой.

На востоке всходило солнце. Алая полоска зари раскрасила небо над уходящим в даль лесом. Солнечный диск с каждой минутой поднимался всё выше и выше, но неожиданно затянувшие небо тяжёлые тучи поглотили его. Мелкий холодный дождь хлынул из серой мглы неба, загнав под крышу и кошек, и бродячих собак. Казалось, сама природа плакала, предчувствуя беду.

Ближе к полудню поднялся ветер, холодный, северный, пробиравший до костей. Резкий, сильный порыв его в одно мгновение сорвал со шпиля на крыше дворца королевское знамя. Тёмно-синее полотнище, метнулось раненой птицей и упало в лужу перед окнами покоев принца. Это произошло на глазах у стоявшей на балконе Анны. Предчувствия и подозрения, не отпускавшие её с прошедшей ночи, только усилились, когда она увидела тонущее в грязной луже благородной знамя.

Королева судорожно вцепилась в ограждение балкона, ногти заскрежетали по холодному влажному камню, едва не до крови войдя в плоть. От начавшегося озноба затряслись ноги, по вискам потекли капли пота. Чтобы не упасть, она поспешила присесть на лавочку. Перед глазами всё поплыло, словно дурман оплёл своей сетью её разум, затем разом померкло сознание. Был вечер, когда она пришла в себя. Чья-то рука легко похлопывала по её щекам. Анна открыла глаза – перед ней стоял Александр.

– Не ожидал встретить тебя здесь. Где ты была весь день? – он выглядел не лучше её. Под глазами чернели мешки, а лоб и щёки, покрылись бледным восковым оттенком, словно от болезни.

– Я... я была здесь. Уснула, наверно.

– Долго же ты проспала. Сны интересные видела? – король попытался изобразить на лице улыбку, но это у него получилось неважно. Улыбка походила на болезненную гримасу.

– Нет, ничего не видела. Только темнота.

– Тогда пойдём со мной, собираюсь лечь пораньше. Надеюсь, ты увидишь что-нибудь более приятное.

– А совет? Сегодня на вечер совет назначен. Или я проспала его?

– Нет, он через час. Но я на него не пойду, устал что-то, – Александр тяжело вздохнул. – А если честно, мне плохо.

– Где Эдвард? – прошептала она. Глаза её расширились так, что король отшатнулся.

– Катается на лошади. Анна, что с тобой? На тебе лица нет. Или ты что-то подозреваешь? Думаешь, он отравил меня тем вином? Так мы пили из одного кубка.

– Нет, Саш, нет. Я ничего такого не думаю. Просто спросила.

– Ты никогда не спрашиваешь просто из праздного любопытства.

Анна не ответила. Покачала головой, взяла мужа под руку и увела его в покои.

Он проснулся около двух ночи, когда накатившая ниоткуда волна страшной, тупой боли, сжала своими тисками сердце. Разрывающее жжение проникло в каждую частицу тела, в каждый волосок. Дикая резь сковала желудок, ноги свело в жуткой судороге, а пальцы рук скрючились, словно у парализованного. Перед глазами стоял туман, слух наполнил неясный гул.

– Что с тобой?! – Анна проснулась мгновенно.

– Я... умираю, – проговорил он, с трудом разжимая сжавшиеся челюсти. – Ты была... права... Принеси Аклостин.

Анна вскочила с постели, бросилась к нише в стене, где лежал меч. Холод камня обжёг ступни, но она не замечала этого. Все чувства отключились, женщина думала лишь о том, кто умирал у неё на глазах. Меч оказался в слабееющих руках короля.

– Смотри, – Александр, с трудом, рванул клинок из ножен.

Вместо того чтобы выпорхнуть с лёгким свистом, он со скрежетом выдвинулся лишь наполовину. Анна поднесла к лезвию свечу, и едва не вскрикнула от ужаса. Сталь меча покрылась буровато-коричневой чешуёй ржавчины.

– Смотри, – простонал король, ещё раз попытался рывком вытащить меч, но он, выдвинувшись из ножен на пядь, осыпал белый шёлк простыни мелкими, грязными чешуйками. – Я ухажу туда, где меня ждут. Мои товарищи ждут меня, они говорят, что уже заждались.

Губы попытались растянуться в улыбке, но получилась страшная болезненная гримаса. Анна старалась сдержаться, но не смогла. Громкие рыдания вырвались из её груди, она упала на пол, на колени и спрятала лицо в трясущихся ладонях.

– Не плачь... не плачь, – он попытался успокоить её, положив уже плохо слушающуюся руку на плечо жены. – Я сам навлёк на себя проклятие... Оно нашло меня.

Дверь спальни внезапно распахнулась, и в ней появились одетые в ночные рубашки Эйнар и Сантилия. Проснувшись от криков Анны, они немедленно бросились к ним, благо покои находились через стенку.

– Что происходит?!

– Эйнар... подойди ко мне, – тихим, слабым голосом попросил его Александр. Тот, предчувствуя худшее, бросился к нему, опустился на колени, рядом с Анной.

– Я умираю... Эдвард отравил меня.

– Но как? – недоумевал друг. – То вино? Так вы вместе пили.

– Не важно... У него могло быть противоядие... Но я точно знаю, это он...

Король осёкся, закрыл глаза, и страшная судорога исказила его лицо. По щекам пробежала лёгкая дрожь, они побелели, стали белее снега. Казалось, ещё мгновение, и жизнь оставит его.

– Казни Эдварда... Прими трон... – прошептал он из последних сил.

– Александр... – так же, шёпотом, ответил Эйнар, сжав в руку друга. Он уже не чувствовал, как по его щекам ручьём стекали жгучие слёзы.

– Прощайте...

Тело короля обмякло, похолодело, а живые, горящие глаза поволокло мертвенной пеленой. Король умер.

Никто не зарыдал. Все плакали тихо, стараясь не шуметь, словно боялись потревожить покой умершего. Дрожащей рукой Анна коснулась не закрывшихся глаз – веки медленно опустились. Эйнар вдруг поднялся.

– Время не ждёт. Эдварда нужно схватить немедленно, если он ещё только не сбежал.

Он бросился к себе в спальню, переоделся и, оставив наедине с умершим Сантилию и Анну, поспешил разбудить гвардейцев.

– Я даже не успела попрощаться с ним, – горько прошептала Анна.

Сантилия ничего не ответила, лишь всхлипнула и уткнулась подруге в плечо.

– Помню, когда впервые увидела его, подумала – самый обычный, ничего особенного. Самый заурядный, каких вокруг полным полно. Ничем не отличался от тех, кого встречала каждый день. Но я и не могла представить, что случится со мной, если узнать его немного ближе. Всё это казалось сном, самым обычным сном... Как давно это было. Как жаль, что ничего этого уже не вернуть, ничего уже не исправить. А теперь, теперь остаётся лишь одно – стареть в одиночестве. Мне кажется, что я проживу ещё долго, слишком долго...

3

Прошло три тяжёлых дня, и серое, хмурое утро открыло новый, обещающий стать таким, как и прежние, день. С неба непрерывно лил мелкий, холодный дождь, по-осеннему мерзкий и неприятный. Но, несмотря на это, множество горожан запрудило площадь перед Северными воротами. Они сбились в огромную, тесную толпу, многие, многие тысячи, мужчины, женщины, даже дети. Невозможно было не то, чтобы двинуться, а даже пошевелить плечом. Тем, кому не хватило здесь места, занимали крыши окружающих площадь домов. Рискую сорваться со скользкой черепицы, они сотнями забирались туда только с одной целью – проститься с тем, кто правил ими последние двадцать лет.

Не сказать, что этот правитель управлял ими настолько хорошо, что никто не нуждался. Но он был тем, кто привёл их к свободе. Одно это заставляло боготворить короля. Тысячи горожан, затаив дыхание, стояли и ждали. Над толпой нависла гнетущая тишина, лишь изредка можно было расслышать всхлипывания, да тихий плач. Люди готовились проводить короля в последний, скорбный путь.

Во дворце, как и во всём городе, царила скорбь и печаль. Исчезли привычные ослепительные наряды, смолк весёлый смех, да что смех, никто не брал на себя смелость даже говорить в полный голос. Говорили только шёпотом, да и то, чтобы никто посторонний не видел. Блеск бриллиантов больше не резал глаз. Драгоценности спрятали в сундуки до лучших времён. Все, как один, оделись в чёрное, словно хозяева дворца пригласили их на странный, мрачный маскарад. Порой даже казалось, что беломраморные колонны потускнели, стали серыми и невзрачными.

За прошедшие дни Анна словно постарела на десяток лет. На сияющей гладкой коже появились морщины, её чудесный цвет пропал, сменившись землистым, сероватым оттенком. Виски посеребрили первые седые пряди. Блеск глаз, которым всегда восхищались друзья, пропал, они потускнели, стали бледными и печальными.

Два дня она не отходила от саркофага, где лежало тело её Александра. Она ночами не смыкала глаз, словно боялась пропустить чуда, на которое, возможно, в глубине души надеялась. Как тогда, на поле брани, когда мёртвое тело, выжгло в своих ранах пробившее его оружие, поднялось и вновь налилось жизнью. Она надеялась, хотя, разумом, понимала, что отпущенные тогда на воскрешение силы не безграничны. Всё, чудес больше не будет, пора принять реальность. Но Анна не уходила, даже уговоры Сантили и Литы не помогали, она не слушала никого.

Несладко пришлось и Эйнару. За эти дни он резко изменился. Из добродушного, спокойного человека он превратился в злого, раздражительного. Но его можно было понять. Всё это время, и днём, и ночью он, не смыкая глаз, разыскивал принца и тех, кто поддерживал его. Однако старания не увенчались успехом. Эдвард и его камарилья словно сквозь землю провалилась, не оставив ни малейшего следа, ни малейшей зацепки. Всё это не просто настаивало, это пугало. Эйнар чувствовал нависшую над ним, над его семьёй, над его друзьями угрозу.

Прошлой ночью во дворец прибыли жрецы Лабека. Одетые в чёрные сутаны, со скрытыми под капюшонами лицами, они походили на посланцев самой Смерти, прибывших в мир живых, чтобы забрать в мир теней душу и плоть мёртвого короля. Но нет, всё было не так, как могло нарисовать воображение. Они лишь собирались забрать в крипту храма саркофаг с телом. Новый король – новый уклад. Теперь он и его потомки будут покоиться в храме Лабека, поближе к богам, давшим силу этой династии. Вот только приживётся ли этот обычай, когда всё рушилось на глазах?

Монахов представили Анне. Она лишь молча кивнула головой, прочитав верительные грамоты настоятеля. Немногословные монахи не стали докучать ей ненужными сейчас разговорами. Низко поклонившись, они отправились в выделенные им для отдыха комнаты. Но напоследок, один из них тихо проговорил, заметив, как по щеке королевы скатилась горькая слеза:

– Живите надеждой.

Анна восторженно встрепенулась, вновь в ней ожили мечты о том, что вот-вот раздастся глас с небес, и её Александр встанет из саркофага. Она бросилась к одетому в чёрное человеку:

– Что значат твои слова?! Ответь мне! Прошу.

Но жрец лишь промолчал в ответ и, пятясь назад, отступил в тёмный коридор.

Анна не видела, как монахи погрузили саркофаг на покрытую чёрным, мрачным балдахинном, траурную колесницу. Силы оставили её, и, измученная долгими ночными бдениями, женщина уснула. Он продолжит свой путь без неё, да и к чему ей видеть, как траурная процессия идёт сквозь море людских слёз. Придёт время, и их души соединятся по ту сторону, нужно лишь дождаться своего часа.

Окружённая жрецами, колесница выехала через ворота дворца на площадь. Путь им преграждало огромное людское море, но едва появилась процессия, все, как один, расступились, освободив дорогу. И, едва колесница двинулась в путь, толпа издала единый, наполненный болью, тяжкий вздох. Плакали навзрыд женщины, многие мужчины, особенно ровесники королю, плакали, не стесняясь своих слёз.

А саркофаг продолжал медленно, но неумолимо продвигаться к Северным воротам. Впереди – окружённая монахами колесница. Следом за ними те, кто все эти годы был другом семье короля. Среди них и Эйнар. Он ехал, стараясь держаться у самой колесницы и не сводил своих глаз с саркофага. Он уже не замечал лившиеся из его глаз слёзы. Эта смерть по-прежнему не укладывалась в его разум. Он все ещё не хотел верить в то, что друг, с которым он делил все радости и невзгоды двадцать лет подряд, уходит от него навсегда. Но, чем ближе процессия подходила к воротам, тем яснее он понимал, что это не сон. Пелена спадала с глаз, разум принимал случившееся. Нужно смириться с потерей, нужно жить дальше. Эйнар тяжело вздохнул. На ум пришли слова старинной баллады, такой же печальной, как и нависшее над городом серое небо.

...Уходим в туман, где капли дождя
Слезой прохладной омоют бриллиант.
Уходим в туман, где скорбь и печаль
Тяжелую ношей надавят на нас.
Пусть труден наш путь, но воля богов
Оковами клятвы опутала нас.
Пусть цель не ясна, но это наш рок,
И против него нам не устоять...

Из забытья его вывели негромкие слова Сантилии:

– Эйнар, попридержи коня. Дальше живым пути нет. Пусть идут.

Он открыл глаза и увидел, что уже находится за стенами города. Перед ним устремилась к лесу серая лента мощёной камнем дороги, по которой уходила всё дальше и дальше колесница с саркофагом.

Мелкий дождик, сыпавший с небес, укрыл туманным занавесом уходящую процессию. Ещё мгновение, и она растворилась в серой мгле непогоды.

– Уходим в туман... – прошептал Эйнар и, повернув коня, поскакал назад во дворец.

В тёмном, грязном помещении дешёвого трактира, располагавшегося неподалеку от порта, сегодня было тихо и немногочисленно. Облитые вином и заляпанные жиром столы не ломались, как обычно, от обилия выпивки. Несмотря на час, когда в трактир набегало прилично народу, сейчас никто не спешил заходить в скрипучую дверь заведения. Трактирщик, злой, как чёрт, сидел за стойкой, подперев голову ладонями, и ругался вполголоса, чтобы не услышали скучавшие на кухне стряпухи.

– Чёрт бы побрал эти похороны. Все, как распоследние идиоты бросились смотреть на дохлого королька, чтоб ему пусто было. И чего нашли интересного...

Видимо, он хотел сказать что-нибудь ещё, да в выражениях покрепче, но дверь неожиданно скрипнула, распахнулась, и в трактир вошли двое в видавших виды плащах с надвинутыми, на самые глаза, капюшонами. Чистые разбойники, ну да ладно. Как раз такие и не скупилась на деньги. Правда, бывало, наоборот забирали всё подчистую. Они сели в самый дальний, тёмный угол, и один из них окликнул трактирщика:

– Эй, человек! Принеси-ка нам кувшин вина и перекусить.

Тот встрепенулся – наконец то хоть какой-никакой доход – достал с полки вино получше, два кубка и поставил всё это перед посетителями.

– Перекусить что желаете? – спросил он елеинным голоском. – Жаркого можно приготовить, или супца из горшочка откусаете?

– Принеси ветчины и хлеба, времени у нас нет твой супец дожидаться, – и, заметив, что трактирщик продолжает стоять, добавил. – Иди, иди.

– Ваше высоче... величество?

– Что, Самит?

– Мне кажется, мы зря вернулись в город.

– Не волнуйся, нам ничего не грозит. Большая часть армии на нашей стороне, дворяне тоже. Король Александр слишком увлёкся развлечениями и путешествиями и забыл о людях, которые хотят кушать и жить, не думая о завтрашнем дне. Если что, нас через час освободят. Если сразу не повесят, – Эдвард засмеялся.

– Кто-то всё-таки поддержит Эйнара.

– Все, кто против нас – полк гвардейцев-ветеранов. Старики, которых оставили на службе из жалости, всего лишь пять тысяч. Дворяне – герцог Лаурда рискнет поддержать Эйнара, сибийцы – но они далеко. Может кто-нибудь ещё. А за мной уже точно восемь полков и почти вся дворянская молодежь.

– Но столица ещё не наша, а её стены крепки.

– Нам не придётся лезть на крепостные стены, Самит. Мы возьмём город без шума, пока все во дворце будут оплакивать короля. Тем более, Флардия уже в наших объятиях. Нужно лишь нанести последний удар.

– То есть?

– Ну, Самит. Помнится, раньше ты был самым осведомлённым человеком во всём дворце. Что с тобой теперь?

Тот лишь пожал плечами и поспешил отпить немного вина.

– Да ладно тебе. Тебе грех не сказать – два полка и около тысячи дворян окружили город. Эйнар всё это прохлопал и теперь ему придётся несладко. Этой ночью ему поспать не удастся.

Принц замолчал, обернулся к двери – она с шумом распахнулась, и в таверну вошли человек десять горожан, судя по одежде, из гильдии плотников. Не обратив внимания на сидевших в углу двоих, они уселись за длинный общий стол в центре залы и позвали шинкаря:

– Эй, давай нам сюда вина побольше да покрепче. Пора выпить за упокой короля Александра, мир его праху.

Слишком много глаз – подумал принц. Остаться здесь рискованно, могут и узнать, тем более его лицо давно примелькалось на городских улицах. Он встал и, бросив на стол серебряную монету, направился к выходу. Следом поплёлся озадаченный Самит.

Наступил вечер, тучи рассеялись, но солнце уже спряталось за черепичными крышами домов. Эйнар бросил взгляд на высокое стрельчатое окно – последние лучи отозвались багряными бликами на стекле. Он поднялся, подошёл к пылающему камину. В такие минуты, как эта, когда не знаешь, что делать, за что взяться, он любил посмотреть на огонь. Огонь помогал забыться, и, хотя бы немного, привести мысли в порядок. Сантилия и Лита утешали Анну. Она держалась молодцом, но чувствовалось, если не помочь ей, она долго не протянет.

Покои дворца опустели. словно по мановению волшебной палочки, куда-то исчезли почти все гости и большая часть дворцовых завсегдатаев. Лишь герцог Лаурда и послы из Малонто остались, ожидая решения Эйнара, который хотел на время убрать из столицы жену, дочь и Анну. Его не волновал отъезд старых товарищей, они не подведут. Гораздо больше волновало исчезновение молодёжи из компании Эдварда. Оставив все свои вещи и прислугу, они словно испарились.

В глубине души Эйнар и раньше чувствовал опасность, нависшую над ним и его семьёй, но теперь каждая новая догадка не просто беспокоила его – она приводила в ужас. Пахло междоусобицей. Сейчас армия Острова насчитывала четырнадцать полков. За гвардейский полк ветеранов в Фарнадо он не беспокоился, но из оставшихся тринадцати, восемь находились под началом тех, кому он в сложившейся ситуации не доверял. Оставались ещё пять, но они были далеко, слишком далеко, чтобы успеть в столицу.

– Вот ведь... – Эйнар, в сердцах, ударил кулаком по столу.

На мгновение задумавшись, он схватил колокольчик и позвонил. На зов немедленно явился его личный слуга.

– Зови ко мне герцога и послов.

– Сию секунду, ваше высочество, – слуга поклонился и вышел.

– Придётся бежать, – прошептал Эйнар. – Другого выхода нет. Не ради себя самого, ради моих красавиц.

Не прошло и пяти минут, как дверь вновь раскрылась, и в кабинет вошёл герцог и оба малонтийца.

– Присаживайтесь, – Эйнар указал на кресла.

– Что-то случилось?

– Ещё нет, но скоро случится. Я считаю, что Эдвард предпримет попытку захватить трон, заручившись поддержкой молодых дворян. И это произойдёт очень, очень скоро.

– Ну, я думаю, что не стоит этого бояться, – проговорил один из малонтийцев, улыбаясь. – У вас сильная и хорошо обученная армия. Она легко поставит на место горстку бунтовщиков.

– Я тоже так думал... сначала. Но чем дальше, тем больше убеждаюсь, что всё гораздо хуже. У меня четырнадцать полков, а в командирах восьми из них я не уверен. Вот такой расклад.

– Но остальные шесть? Да и Малонто всегда придёт на помощь друзьям.

– Эдвард не так глуп. Он сумеет обезвредить их и без пролития крови. Тем более, я уверен, он начал готовиться давно.

– Ну, мой полк и полк ветеранов ему не обдурить, – вставил герцог, до сих пор молча следивший за говорившими.

– Да, ты прав. Но два полка – слишком мало. Тем более, им уже не успеть. Я чувствую, что это произойдёт скоро. И, хотя мне противна такая мысль, но я думаю о бегстве. Сейчас это единственный шанс избежать кровавой междоусобицы.

– Ради своей семьи можно пойти и на это, – сказали послы. – Мы с радостью предоставим убежище в Малонто.

– Спасибо, я буду рад воспользоваться вашим приглашением. Ну, собственно, вот и всё, что я хотел обсудить. Если у вас нет вопросов то, спокойной ночи.

Герцог и послы поднялись с кресел, поклонились и удалились в свои покои.

– Да, Эйрен, – окликнул герцога Эйнар. – Передай начальнику стражи, чтобы его люди не спали сегодня на постах и были готовы ко всему.

– Думаешь, Эдвард сделает это сегодня?

– Да.

Эйнар остался сидеть перед камином, глядя в пляшущие языки оранжевого пламени. Он никак не мог свыкнуться с тем, что всё так быстро изменилось. Еще каких-нибудь десять дней тому назад он думал, что никакая сила не сможет сломать уклад их жизни. А теперь...

Эйнар тяжело вздохнул, поднялся с мягкой медвежьей шкуры, накинутой на кресло и, надев пояс с ножами, направился к Анне. В полутёмном коридоре было пусто, пугающе пусто. Гулкие шаги отдавались в стенах, словно бой полковых барабанов. Он вздохнул ещё раз, прогоняя подкравшийся липкий страх, и направился дальше. Остановившись перед дверьми в королевские покои, он осторожно постучал.

– Входите, – послышался из-за двери голос Сантилии.

Эйнар вошёл. По стенам тёмной комнаты плясали оранжевые блики пламени, горевшего в топке камина. Женщины сидели рядом с огнём на толстой шкуре, негромко разговаривали о чём-то, видимо вспоминали былое.

– Что случилось, дорогой? – спросила Сантилия, поднявшись навстречу.

– Плохи наши дела, – ответил Эйнар. Он старался тщательней подбирать слова, чтобы не пугать жену, но получалось не очень. – Я тут подумал и решил – нам придётся бежать в Малонто. Сегодня...

– Но почему?!

– Скоро город будет захвачен верными Эдварду войсками. Солдаты считают его наследником престола и новым королём. К сожалению, мы ничего не сможем противопоставить им.

– И что нам делать? – Лита вскочила на ноги и схватила за руку мать. Лишь Анна осталось сидеть на своём месте, никак не отреагировав на это известие.

– Одевайтесь, собирайте вещи, чтобы быть готовыми в любой момент покинуть город. А я пока пройдуся, проверю посты.

На улице было прохладно, задувал лёгкий, но совсем не приятный ветер. Эйнар пожалел, что не взял с собой тёплого шерстяного плаща. Дорожки с трудом проглядывались сквозь темноту – гвардейцы предусмотрительно погасили лишние огни. Так, на всякий случай. Вновь набежавшие тучи закрыли собой луну и звёзды. Темно, хоть глаз выколи. Хотелось поскорее добраться до ближайшего поста, присесть вместе с солдатами у костра. «Мда, сотня гвардейцев против нескольких полков», – мрачно усмехнулся Эйнар.

Он дошёл до крепостной стены, вдоль которой росли густые заросли колючего кустарника. Рядом показался навес, где на скамьях рядом с костром сидели трое караульных.

– Привет, соколы мои, как дела? – спросил Эйнар, подсаживаясь рядом.

– Спокойно всё, – ответил один из них. – Мы пока на смене, остальные дорожки патрулируют. А разрешите спросить? – вдруг сказал солдат, подавшись вперёд.

– Спрашивай.

– Правда, что на дворец могут напасть? Командир предупреждал, чтобы все начеку были.

– Правда. К сожалению, правда.

Гвардеец, не стесняясь Эйнара, витиевато выругался, сломал попавшуюся под руки палку и бросил обломки в костёр. Тот не обратил внимания на подобную вольность – сейчас

не до этого, пусть облегчат душу крепким словечком, пока в драку идти не пришлось. Там уж не до этого будет. Он посидел с солдатами ещё немного и, поднявшись, медленно пошёл обратно.

Спать не хотелось, нервы были на пределе, хотя, внешне, и не сказать, что человек был на грани нервного срыва. Это томительное ожидание. Лучше идти в бой, лучше стоять в первом ряду со щитом перед летящей на тебя конной лавой, чем ждать. Особенно, если то, чего ждёшь никак нельзя предотвратить. Знать, и не иметь возможности повлиять на ход событий. Эйнар сам позволил себе пару крепких фраз, пнул попавшийся под ноги камушек. В голову пришла мысль, вовремя пришла – подземным ходом пользоваться нельзя, Эдвард прекрасно знает о нём, и грош ему цена, если он не поставит там стражу.

Уже у дверей покоев его нагнал слуга, вытянулся в струнку, доложил:

– Герцог Лаурдский отбыли. Просили передать вам, что немедленно поднимут полк и поведут к столице. Кроме того, один из послов спешно отбыл в Мил, чтобы приготовить корабль. Что прикажете, сир? Готов разделить с вами все трудности.

– Спасибо, Арлон. Иди домой, во дворце уже небезопасно.

– Разрешите не согласиться с вами, сир. Я не покину вас и останусь до конца.

– Воля твоя, ты свободный человек и сам можешь решать, что делать.

Эйнар разрешил ему уйти и прошёл в свои покои. Огромная комната была пугающе пустой, особенно сейчас, когда вместо пламени, в камине светили багровым отсветом горячие угли. Раньше она всегда казалась ему уютной, но теперь совсем наоборот. Эйнар кожей чувствовал, как от стен, от гобеленов исходила непонятная скрытая угроза, давившая на сознание тяжёлым грузом.

Он взял со столика канделябр, подошёл к очагу и приложил свечи к раскалённым углям. Крохотные жёлтые огонёчки весело заплясали на кончиках фитилей. Тьма немного рассеялась, страх немного отпустил. Эйнар вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух, поставил канделябр обратно, а сам сел на постель.

Спать по-прежнему не хотелось, но он всё-таки лёг, закрыл глаза и попробовал подумать о чём-нибудь приятном. Не получилось, в голову лезли дурные мысли, спокойствия не прибавилось, скорее наоборот. С каждой минутой беспокойство нарастало с ужасающей быстротой. Сердце кольнуло.

– Они в городе, – прошептал он, сам не понимая, с чего взял это.

Но в подтверждении его мысли, дверь резко распахнулась, вбежала Сантилия, а следом за ней Лита, Анна и, надевший кольчугу, и с мечом на поясе Арлон.

– Эдвард в городе, – проговорил он. – Они заняли ближайшие к дворцу кварталы. Около тысячи юнцов уже движутся к воротам.

– Какие юнцы? – не понял Эйнар.

– Тысяча молодых дворян, дети тех, кто стоял с вами бок о бок под Фарнадо, – дрожащим от гнева голосом ответил Арлон. – Эти щенки захотели власти.

– Эдвард, видимо, многого наобещал им, как всегда, накормил их своей ложью, – вздохнула Анна. – Они посчитали, что ты узурпировал власть, отнял трон у законного наследника.

– Им нужно сказать правду. Может получится вразумить их?

– Едва ли, Эйнар. Александр даже не успел написать завещания, а словам они не поверят.

Лицо Эйнара посуровело. Пришёл час, когда на землю Острова вновь прольётся кровь. Он решительно встал и, подойдя к стене, снял с крюка подготовленный доспех.

– Арлон, помоги.

Он оделся, опоясался мечом.

– Нас мало, и мы не сможем оказать Эдварду достойного сопротивления. Придётся бежать в Малонто.

С малонтийским посланцем и его людьми Эйнар встретился около дворцовой конюшни в условленное время. Сюда же подошёл и начальник дворцовой стражи. Все были готовы отправиться в путь. Эйнар принял рапорт и, отпустив офицера, подошёл к малонтийцу.

– Посадим женщин в карету вместе с вами, лучше не брать вторую. Ваши люди будут сопровождать её. А я со своими расчищу дорогу.

Карета, запряжённая шестёркой лошадей, уже стояла наготове. Эйнар попрощался с Сан-тилией и Литой, словно боялся, что не увидит их больше, и помог им сесть в экипаж. Дверца захлопнулась, изнутри щёлкнул замочек. Открылись ворота конюшни, и карета выехала на улицу. Эйнар вскочил на поданного коня и, махнув рукой своим гвардейцам, поехал следом.

Королевские гвардейцы расположились в авангарде и арьергарде, стражники посла заняли места поближе к своему патрону. Небольшой отряд, возглавляемый Эйнаром и Арлоном, набирая скорость, помчался к воротам. Заранее предупреждённая воротная стража, раскрыв створки в самый последний момент так, чтобы беглецы промчались в проём, не сбавляя ходу. Отряд вихрем вылетел на площадь.

Первое, что бросилось в глаза Эйнару – множество горящих на площади костров. Отовсюду доносились громкие разговоры, песни, смех. Стояли наспех возведённые шатры, между которых прохаживались не совсем трезвые повстанцы. Появление противника стало для них неожиданностью. Никто не ожидал, что окружённые во дворце люди отважатся двинуться на прорыв. Беспечные молодцы даже не удосужились поставить стражу, они уже праздновали победу, провозглашая тосты в честь их нового короля – Эдварда. Доспехи лежали в сундуках, лошади стояли рассёдланные.

Эйнар невольно усмехнулся – эти способны только на турнирах дубасить друг друга тупыми мечами, плохие из них солдаты. Если они не удосужились закрыть городские ворота, то это просто непостижимое везение. Беглецы вихрем преодолели площадь – никто даже не пытался их задержать. Так и есть, повезло. Ворота раскрыты настежь, заходи, выходи, кто хочет. Эх, Эдвард, Эдвард, сам за всем не уследишь, а помощники твои сущие бездари. Празднуют, хотя ещё нечего праздновать. Попробуй, нагони теперь.

Впереди лежала дорога на Альвару. Кавалькада, не сбавляя ходу, преодолела расстояние от ворот до леса и, только скрывшись за деревьями, Эйнар позволил сбавить скорость. Путь был не близок, нужно побережь силы коней. Сбоку послышался топот – кто-то из арьергарда нагонял его. Он обернулся – так и есть. Воин, придерживая рукой сбивавшийся шлем, прокричал хриплым голосом:

– Они переполошились. Погоню снарядили.

Вот ведь. Смелчаки, нечего сказать. Наверняка, успели лишь кольчуги накинуть, да мечи прихватить. Без полного вооружения они становились обычной лёгкой конницей. Эйнар вспомнил, как на одном смотре встречал рыцарскую конницу – все сплошь в железе: и кони, и люди. А теперь, теперь посмотрим. Они догонят их, обязательно догонят. Пусть карета и запряжена шестёркой лошадей, она здорово задерживает отряд. Придётся встретить их, чтобы дать карете уйти.

– Нужно где-то преградить дорогу! – прокричал вдруг Арлон.

– Знаю, сам сейчас думаю об этом.

– Есть место одно, после Лаурдской развилки. Там дорога болотами окружена, ни слева, ни справа не обойти. Лучше не придумашь. Им придётся бить нас в лоб, а они едва ли успели надеть полное снаряжение.

– Помню, только нескоро оно.

– Они нас вряд ли успеют догнать. Да и рассветёт уже к тому времени. Лучше, чем в темноте драться.

– Хорошо, сделаем так.

Гонка продолжалась. Правда, часа через два сделали небольшой привал – противник, наверняка, тоже будет отдыхать, иначе рискует загнать коней, а перед боем – это верное поражение. Немного перекусили, хотя еда в глотку не лезла. Все были на нервах. Затем продолжили путь.

Прошло ещё четыре часа. Солнце встало, наполнив бледными утренними лучами лес. Длинные тени деревьев медленно укорачивались, следом за тем, как светило поднималось всё выше и выше. Наконец и развилка. Отряд промчался мимо неё даже не остановившись для того, чтобы скрыть следы – противник знал, куда направляются беглецы. Теперь сосновый лес сменили заросли осоки, из которой торчали чахлые одинокие берёзки. Слева и справа от дороги сквозь траву виднелась чёрная болотная жижа. Сразу пахнуло гнильём – болота здесь были старые и глубокие. Едва ли кто рискнёт сунуться в топи, а если найдётся такой смельчак, вряд ли его кто увидит в живых после.

– Стой! – скомандовал Эйнар.

Он подъехал к карете, сказал:

– Дальше едете одни. Стража поедет с вами, а мы останемся здесь. Поспешите, они скоро нагонят нас.

Едва он произнёс эти слова, возница щёлкнул бичом, и кони сорвались с места, увозя за собой экипаж. Эйнар даже не успел последний раз взглянуть на жену и дочь. Он тяжело вздохнул. Может, это и лучшему. Смертельная усталость навалилась на него. Вот он, конец, мелькнуло в голове. Эйнар отбросил от себя дурные мысли, распрямился и громко скомандовал:

– Всем строиться! Им не обойти нас.

Не мешкая ни секунды, воины построились в ряды по пятнадцать человек в каждом. Безмолвные, словно изваяния, они застыли в седлах, глядя вперёд, на поворот из-за которого вот-вот должен был появиться враг. Наверно, каждый понимал, что в этой схватке они не выживут. Это был их последний бой в, к сожалению, братоубийственной войне. Но никто не дрогнул, не попытался бежать. Здесь были те, кто прошёл с Эйнаром бок о бок фарнадское поле. Такие не дрогнут, такие умрут, но не сойдут с этой дороги.

Карета с беглецами давно скрылась вдаль, но преследователей ещё не было видно. Может они оставили попытку нагнать их? Слабая искра надежды. Но она угасла. Прошло около часа, когда из лесного полумрака показались рыцари. Они сразу заметили преграду и придержали своих взмыленных коней. Подъехав поближе, они остановились в сотне шагов от занявших оборону гвардейцев. Вперёд выехал высокий, широкоплечий воин в кольчуге, но без шлема.

– Сын герцога Парайского – один из храбрейших, – проскрежетал зубами Эйнар, узнав того. – Эдвард и его сманил. К счастью, они не успели нацепить на себя и малую часть своего железа.

– Боги сегодня благоволят нам, – ответил Арлон. – Иначе бы они попросту разбросали нас по сторонам.

– Эй, вы! Сдавайтесь, – прокричал воин. – Одумайтесь, воины. Выдайте лжеправителя справедливому суду, и вам всё простят, вы вернётесь к семьям.

Но в ответ лишь лязгнули вынимаемые из ножен мечи. Преследователи поняли, что дальнейшие разговоры лишь позволят *той* карете уйти и устремились в атаку.

Двадцать лет Остров не слышал звона мечей, двадцать лет земля его не пробовала вкуса крови. Время пришло.

Удар рыцарей оказался силён, но воины Эйнара не дрогнули. С яростью обречённых на смерть, они сами бросились на противника, и две силы столкнулись в страшном ударе. Яростные крики, звон оружия разбудили этот тихий болотный уголок, спугнув птиц со своих гнёзд.

Молодые и сильные воины с пугающей лёгкостью расправлялись с противником. Пропешие войну гвардейцы, несмотря на свой опыт, с трудом сдерживали мощные, быстрые удары, с трудом отражали хитроумные финты. Доспехи не спасали от точных ударов в незащищённые места, и уже трое упало с коней, обливаясь кровью. Противник потерял лишь одного.

Эта потеря не испугала, напротив, ещё больше разозлила жаждущих настоящего боя, настоящей крови, рыцарей. Они усилили свой натиск. Не жалели ни своих сил, ни себя, ни, тем более, дерзнувших встать у них на пути. Прошло каких-то минут двадцать боя, а три линии обороны Эйнара, почти полсотни, лежали на земле, истекая кровью в предсмертной агонии. Рыцари потеряли лишь троих.

– Мы потеряли половину, – прошептал Арлон. Он и Эйнар стояли позади, в ожидании своего часа.

Эйнар ничего не ответил. Он и сам всё видел, видел, как падают под ударами мечей его товарищи. Слезы текли из его глаз, душила ярость, но он понимал, что ничего нельзя поделать. Только ринуться туда, в круговёрт схватки и умереть, отправиться следом. Он посмотрел на Арлона. Тот понимающе кивнул, перехватил получше меч. А впереди продолжали гибнуть их товарищи.

Эта резня продолжалась недолго. Путь рыцарям теперь преграждали лишь трое – Арлон, Эйнар и командир сотни.

– Сдавайтесь, – вновь предложили им. – Или вы хотите умереть? Посмотрите, вы потеряли почти сотню, мы – лишь десяток.

– Мы не сдались под Фарнадо, не сдадимся и сейчас, – ответил Эйнар.

Он поднял меч и погнал коня вперёд. С бешеной яростью три воина врубались в ряды противника. С быстротой молнии, Эйнар нанёс несколько ударов, каждый из которых достиг своей цели. Двое упало, зажимая руками зияющие раны, а воин продолжал прорываться сквозь ряды рыцарей, щедро раздавая удары направо и налево.

Его товарищи продвигались следом, тоже сразили по паре противников, но своим умением едва ли могли сравниться с Эйнаром. Он остался один в окружении врага. Больше никому было прикрывать ему спину. Эйнара окружили со всех сторон и, хотя он двигался так быстро, как едва ли кто бы смог, хотя обученный боевой конь бил подковами врага, сталь клинков настигла его. Сразу три меча пробили его кольчугу и вонзились в спину.

– Будьте прокляты, – прохрипел воин и, из последних сил метнул в чьё-то уже торжествующее лицо свой зазубренный меч.

Солнце миновало полдень, когда на дороге показались две повозки. Скрипя колёсами, они медленно катились на север. Худые, заезженные клячи, вздрагивая от укусов надоевших слепней, размахивали жиденькими хвостами, стараясь прогнать голодных мух. Путешественники – две семьи с кучей детишек – миновали поворот перед болотами. Матери ещё раз рассказали непосадам о страшных болотах, о водяных и леших, которые легко могут утащить неслухов к себе. Запуганные дети присмирели, осматриваясь по сторонам.

– А это что?! – удивлённо спросила женщина на первой повозке, сидевшая рядом с мужем.

– Эгей! Тпрууу! – мужик натянул поводья.

Впереди, шагах в ста, на дороге колыхался живой чёрный ковер. То и дело оттуда раздавалось злобное карканье.

– Вороны?! Они то что там делают? – мужик почесал затылок и, не долго думая, тронул вожжи.

Повозка медленно приблизилась и, едва оказалась рядом, лошадь внезапно заартачилась, захрапела. В этот момент, испуганное воронье, с шумом и криком сорвалось с места и ринулось в небо.

– О боги! – в ужасе воскликнула женщина. – Дети, спрячьтесь, не смотрите.

– Что это! – мужик подскочил, испуганно схватился за висевший на поясе нож.

На земле лежали мёртвые тела, около сотни. Все в доспехах, в руках окровавленные мечи. Лица многих уже исклѣваны птицами, и страшные безглазые, безносые лики смотрели в голубое небо. Залившая дорогу, потемневшая кровь, коркой покрыла землю.

– Что было здесь?! – путешественники остановились, вылезли из повозок, чтобы осмотреть это страшное место.

Обе женщины и оба мужчины разошлись по полю боя, осматривая одно за другим бездыханное тело. Все были мертвы, обезображены так, что невозможно стало распознать их лица. Вдруг на краю дороги, среди осоки, раздался слабый стон. Чей-то едва слышимый, сдавленный голос произнёс:

– Кто здесь? Помогите.

Женщины кинулись на звук – в осоке, наполовину погрузившись в болотную жижу, лежал уже немолодой, лет сорока, воин.

– Кто вы? Что случилось?

– Я ранен, помогите мне, – еле-еле прошептал тот.

– Сейчас, сейчас, поможем, потерпите только.

Его достали из болота, осторожно сняли измятые, изрубленные доспехи и шлем. Наскоро обработав страшные раны на спине, перевязали и положили в одну из повозок. Путешественники поспешили покинуть это страшное место, увозя с собой единственного свидетеля кровавой бойни.

4

– Танис! Танис, где ты! – кричал шедший по берегу реки старик, лет шестидесяти.

Рядом с ним ехал на коне молодой воин, видимо посыльный. Он вертелся в седле, озираясь по сторонам, и даже немного нервничал.

– Папаша Арстин, да где же он, – стонал то и дело. – Дело-то срочное, я его в полк привезти должен, а то опять выпорют. Второй раз на неделе – лишка.

– А что за спешка то? – спросил старик.

– Кто его знает. Говорят лишь, что уходим из Параи в Мил.

– Танис! Отзовись, паршивец ты этакий, – снова закричал старик.

Они прошли ещё шагов сто. Солдатик на коне уже начал хлюпать носом в предвкушении обещанных палок, как вдруг, из ивняка, раздался в ответ голос Таниса:

– Здесь я, что случилось?

– Приехали за тобой, сынок.

– Сейчас.

Танис встал с охапки сена, брошенной на землю там, где ветви ивы, склонившись, скрывали это место от посторонних глаз. Жаль, день так хорошо начинался, но его всё-таки смогли испортить.

– Ты уходишь? – спросила молодая красавица, томно раскинувшаяся на душистом сене.

– Да, – Танис бросил ей блузку.

Красотка обиженно надула губки, отвернувшись. Танис, не обращая внимания на её выходки, проговорил:

– Иди к дороге, а я на берег выйду – там меня ждут.

– Убирайся.

Танис усмехнулся, махнул рукой и, проломившись сквозь заросли, словно медведь, вышел к реке. Папаша Арстин, хитро улыбаясь, поглядывал то на него, то на кусты, откуда раздавался шорох. Догадался, да и ладно, сам то в молодости, что ли праведником был.

– В чём дело? – спросил он гонца. – Если из-за ерунды тебя прислали, голову оторву.

– В полк зовут. Говорят, в Мил уходим.

– С какого это... Чего там, в Миле, делать? – Танис огорчённо пнул песок.

– Не знаю, созывают всех.

– А без меня никак? Я бы потом подошёл.

– Ага, А мне отдуваться, палки получать по спине? Нет уж, я скажу, что нашёл тебя.

Танис погрозил гонцу кулаком и, выругавшись, направился в сторону города. Делать было нечего. Ослушаться приказа – сломать свою блестящую военную карьеру. Ему было всего двадцать, а он уже дослужился до сотника. Мало кто мог похвастаться такими успехами. Он громко свистнул, и из ивняка на берег выбежал осёдланный красавец-конь: белый, блестящий, словно высеченный из мрамора.

– Поехали, – сказал он гонцу и, прыгнув в седло, погнал коня вдоль берега реки.

В штабе полка, расквартированного в огромном, мрачном здании в центре города, было на редкость многолюдно. Старшие и младшие офицеры, все до единого, собрались здесь, чтобы услышать от своего командира приказ из столицы. Многие уже знали, что полку предстоит выступить из города и совершить переход в Мил, но о настоящей причине так никто и не догадывался.

Полкового командира ещё не было, все ждали его в большой комнате, ранее служившей для проведения дружеских застолий. Было душно, помещение наполнил тяжёлый запах пота, но никто не расходился. Раскрыли настежь три небольших окошка, но это мало помогло. Но,

наконец, появился командир. Уже немолодой, грузноватый, но он ловко прошёл через толпу и поднялся на припасённый в качестве трибуны ящик.

– Все собрались? – спросил он, окинув собравшихся цепким взглядом серых глаз. – Так, так, вижу, похоже, все. Думаю, уже слышали, что в Мил уходим. Не сегодня – завтра. Вот только, готов поспорить, что никто не знает, зачем.

Толпа зашумела, у всех на устах был лишь один вопрос – а, в самом деле, зачем? Всё-таки, служится лучше, когда знаешь, что делаешь.

– Расскажу, расскажу, – продолжал командир полка. – Так вот, пока мы прохлаждались, наследника покойного короля чуть было не лишили власти Сегиталы. Подумать только, затаились, как пауки, выждали момент. Да и королева Анна, кто бы мог подумать, сама помогала им. Но справедливость восторжествовала, наследник на троне, Сегиталы и Анна бежали в Малонто. И нам выпала почётная обязанность поддержать закон и порядок. Мы пойдём в Малонто и приведём ослушников к подножию трона нашего короля, чтобы он вершил над ними справедливый суд.

– То есть война? – громко спросил Танис.

Гул голосов смолк, все обернулись к нему. Танис ощутил на себе полные любопытства взгляды, говорившие, мол, вот умник, выпендриться решил.

– Ну да, война, – вздохнул командир. – Она уже началась. Два полка осаждают Лаурд.

– Неужели Лаурд снова принялся за старое? – послышались голоса.

– Увы, но это так. Ну, а теперь не буду вас задерживать, идите домой, прощайтесь с родными, отдохните перед дорогой. Но завтра, чтобы все до единого, в семь утра были на плацу.

Офицеры медленно расходились, обсуждая только что услышанное. Не стал задерживаться и Танис. Он вышел из здания на улицу, с облегчением вдохнул прохладный августовский воздух. Повернул в сторону дома, но его окликнули – товарищ, десятник из лёгкой пехоты. Они вместе отправились в ближайшую таверну – после услышанного не мешало и выпить немного, обсудить новость.

Они сели в углу, подальше от шума – в этот час в таверне всегда было многолюдно. Трактирщик принёс им бутылку вина покрепче, немного ветчины и хлеба и оставил их в покое.

– Что на сборе то было?

– Ты разве не был? – удивился Танис.

– Да был, только вышел потом. Стоять невозможно, душно и вонючка невыносимая. Знаю лишь, что в Мил уходим. Зачем? Учения?

– Эх, Салист, Салист. Мил – это только полдела, – Танис сделал большой глоток, наклонился поближе к другу и тихо проговорил. – Война началась. Во дворце власть делят.

– Ну, а в Миле то, что делать будем?

– Сядем на корабли и отправимся в Малонто.

Танис допил стакан и налил себе ещё. Отчего-то на душе было беспокойно, но он поставился не думать об этом. Просто это первая в его жизни война.

– А в Малонто что? – не унимался Салист.

– Сегиталы там спрятались.

– Сегиталы?! – громко воскликнул десятник, но тут же осёкся – все сидевшие рядом разом обернулись к нему.

– Не ори ты так, – предостерег его Танис. – Сейчас такое время, что из-за любого пустяка, из-за лишнего слова можно и головы лишиться.

– Но Сегиталы то – лучшие друзья короля! Как они могли?

– Расскажу тебе, друг мой, кое-что. Слышал, что король Александр и принц Эдвард в ссоре были, да и Эдвард вовсе не его настоящий сын, а так, найдёныш какой-то. Настоящего похитили сразу после рождения, и он живёт теперь где-то на Острове. Не хотел король, чтобы принц Эдвард власть принимал, вот, похоже, оттуда всё и пошло.

– Тебе папаша Арстин рассказал? – Салист усмехнулся.

– Ну, так если бы и он. Что такого?

– На выдумки силён старичок.

– Ладно тебе, может и напридумывал он, но неладное твориться сейчас. Так что, давай не будем головы себе забивать, а то лишимся их раньше времени.

– Да уж. Кстати, я от тётки слышал, в столице сейчас тюрьмы переполнены. Властники хватают всех, кто высказывает хоть что-то против нового короля.

– Хватит, Салист, идём отсюда и не будем больше говорить об этом. На нас уже народ вон косо смотрит.

Танис оставил на столе несколько медяков, и друзья быстро вышли на улицу. Здесь они попрощались и разошлись. Дом Таниса располагался в Новом городе, вне крепостной стены. Он стоял на самой окраине, у реки, в тихом тенистом месте. В добротном бревенчатом доме он жил со своим приёмным отцом – папашей Арстином. Папаша Арстин был уже стар и целыми днями предпочитал прохаживаться по берегу реки с длинной удочкой, чем заниматься домашними делами. Несмотря на это, Танис очень редко выдел рыбу – старик так и не научился ловить её и занимался этим лишь из удовольствия. Иногда, правда, он что-нибудь готовил, но это у него получалось весьма посредственно. Единственный талант, которым блистал папаша Арстин, так это умение рассказывать истории из своей молодости. Это у него получалось настолько хорошо, что рядом с ним частенько собирались соседи, с благоговением слушавшие эти рассказы.

И сегодня, когда Танис прискакал домой, папаша Арстина дома не было. Старик опять занимался рыбной ловлей. Молодой сотник оставил коня в конюшне и пошёл искать горерыбака вниз по течению.

Широкая река медленно несла свои белёсые воды на юг. Танис перепрыгивал небольшие лужицы, внимательно глядя на мокрый песок, где отчетливо отпечатались следы знакомых подошв. Папаша Арстин не мог уйти далеко, староват он стал для дальних прогулок.

Нашёл он старика довольно скоро. Тот сидел на торчащей из песка коряге, сосредоточено глядя на поплавок. Танис направился к нему, но он, так и не повернув головы, проговорил:

– Тихо, сынок, не подходи. Ты распугаешь мне всю рыбу, а она, вон, рядом с крючком кругами ходит, думает, хапнуть червяка или не стоит.

Танис остановился шагах в десяти и сказал:

– Наш полк завтра уходит из города.

– Надо же, впервые за пятнадцать-то лет, – усмехнулся старик.

– Ничего смешного тут нет. Всё серьёзно, очень серьёзно – мы отправляемся на войну.

Арстин отложил удочку, медленно встал, растёр затёкшие ноги и подошёл к Танису.

– Что за война?

– Сегиталы пытались лишить власти законного принца, но их побили, и они бежали в Малонто. Наш полк отправляется туда, чтобы вернуть их для справедливого суда.

Старик покачал головой, сморщил недовольную гримасу.

– Ты не должен идти на эту войну. Откажись, подай рапорт и уходи из армии. Работа в городе тебе найдётся, сам понимаешь. А сколько девок по тебе сохнет, олух. И все с приданным.

– Это ещё с чего!? Да и хватит женить меня! – рассердился Танис.

– Ты не должен выступать на стороне Эдварда, он не наследник, а... – Арстин осёкся, замолчал.

– А кто он? Я уже слышал от тебя что-то похожее, но ты всегда не договаривал, отмалчивался. Может, хоть сейчас скажешь, что знаешь?

– Нет, ничего. Ничего важного.

– Ну, уж нет. Давай, говори!

– Ну, если тебе от этого станет легче, то скажу. Он сын дочери одного из многочисленных на нашем Острове трактирщиков.

– Чушь, – Танис замотал головой. – Не говори ерунды. Как он тогда во дворце, да ещё в королевской семье очутился. А настоящий принц? Может, ты знаешь, где он?

– Знаю, Танис, знаю, поверь мне, – вздохнул старик. – Я многое знаю.

– Тогда лучше молчи! Молчи, если хочешь сберечь свою голову. Властники не посмотрят на твои седины, мигом в расход пустят. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь.

– Я молчу, я должен молчать... ваше величество, – тихо проговорил в ответ папаша Арстин.

На следующее утро Парайский полк вышел из города и отправился по дороге на Флардию. Первой, никого не дожидаясь, ушла конница в тысячу мечей. Пехотинцы проводили всадников завистливыми взглядами. Ещё бы, два дня пути, да ещё в седле, и они в столице. А им, ноги стаптывать, не меньше недели. Эх, конница, конница, пока пехота ползёт, вы успеете забрать себе всех девочек в трактирах столицы. А кому нужны буду они – уставшие, грязные и потные.

Оставшиеся четыре тысячи человек, из которых три тысячи составляла лёгкая пехота, около полусотни фуражиров с повозками и стражей и пять сотен тяжеловооружённых секироносцев, не спеша, двинулись в путь. А куда спешить им – за конницей не угнаться, бежать никто не заставлял, благо Малонто никуда не денется. Зато их провожало едва ли не полгорода. Родственники, друзья и подруги, просто жители окрестных домов, все построились вдоль улицы.

Командир полка, сев на вороного красавца, встал во главе и, приветственно махая рукой то направо, то налево, двинулся вперёд. Толпа что-то кричала наперебой, кто окликал друзей, кто просто желал удачи. Женщины бросали цветы, совали в руки солдат сладкие пирожки, молодые девчонки так и лезли в строй, чтобы обнять попавшегося под руку арбалетчика или лучника и поцеловать его в засос. Танис вертел головой – так и есть, пришли, одна, другая, третья. Четвертая увидела его во главе сотни, бросилась к нему, обняла, быстро чмокнула в губы и, сунув в руки фляжку, скрылась в толпе. Три первых состроили недовольные лица. Пусть, когда он вернётся, всё забудется.

Пехота вышла из города. Остался позади родной дом, впереди лежала пыльная, скучная дорога. Однообразие полей, лесов, небольшие речки с подгнившими мостиками, ручьи, которые переходили вброд. Где песок, где сухая и твёрдая, словно камень, глина, местами даже успели замостить камнем. Каждые четыре часа делали привал, затем снова вперёд, и так до темноты.

С наступлением ночи полк сходил с дороги на первое попавшееся поле и разбивал там лагерь. И так целых восемь дней. А к полудню девятого, полк подошёл к столице и встал лагерем рядом с северной стеной. Конницу здесь уже не застали. Она свернула свой лагерь ещё три дня тому назад и отправилась через Альвару в Мил. Везёт им. Успеют до одурения наотдыхаться в этом Миле.

У столицы решили надолго не задерживаться и выйти на следующий день. Солдатам особо разгуляться не дали, в городпустили лишь офицеров, кроме десятников. Правда, многие из них не обратили внимания на этот приказ, Салист в том числе. Он и Танис решили не терять времени и прошвырнуться по столице – когда ещё окажешься здесь. Однако перед уходом их предупредили:

– Если встретите властника – молчите, если шкура дорога.

Это обстоятельство отнюдь не испугало, даже не смутило двух друзей, и они смело прошли через ворота в город. Он почти ничем не отличался от родной Парай, разве что народу немного больше, да улицы и площади пошире. А так, всё одно. Нашли трактирчик на улице с большой и яркой вывеской, зашли – неплохо, чистенько так, да и не многолюдно. Никакого

сброда, публика кругом солидная. Танис и Салист облюбовали себе столик и заказали поесть и выпить.

Долго ждать не пришлось. Расторопный трактирщик мигом поставил им кувшин с вином и блюдо с мясной нарезкой и овощами. Оба, изрядно проголодавшиеся, набросились на мясо и вино. Памятуя о наставлениях товарищей, они намеренно избегали опальных тем, предпочитая говорить больше за жизнь, да об оставшихся в Параве красавицах. Салист, правда, больше вздыхал о своей молодой жене.

– Послушай, Танис, – сказал он, сделав изрядный глоток. – А что бы тебе женой не обзавестись? По тебе добрая половина парайских красавиц с ума сходит, а ты одну бросишь, другую найдёшь, затем третью. Сердца девчонкам разбиваешь.

– Не знаю, Салист, что-то пока ни с одной душой не сошёлся.

– Так и останешься один.

– Нет, не останусь. Где-то ждёт она меня, одна единственная, нужно лишь найти её.

– Ну, ты хватил! – рассмеялся Салист. – Долго же тебе с твоими запросами придётся искать её.

Танис улыбнулся, но ничего не сказал. Он налил себе ещё вина, посмотрел куда-то в потолок, словно там был написан ответ на все его вопросы, и медленно выпил содержимое стакана.

– Мечтатель, – хмыкнул товарищ.

– Постой, – Танис вдруг насторожился. – Посмотри, ни у кого не то, что мечей, даже ножей на поясах нет.

– Разве? И что? Это у нас в Параве всяких охальников по ночам встретить можно, а здесь столица.

– Думаю, не в этом дело.

– Да перестань, может, не видишь?

– Ну так приглядишься.

Салист обернулся в одну сторону, затем в другую и, удостоверившись, что товарищ прав, посмотрел на выглядывающий из-под плаща эфес своего меча.

– Так мы, всё-таки, военные. На плащах герб полка.

– Ладно, обойдётся.

Они продолжили своё скромное пиршество. Неожиданно гул голосов в трактире смолк, словно у всех одновременно отнялись языки. Все опустили взгляды в стаканы и тарелки, как будто это могло сделать их незаметными.

– Тс, властники здесь, – послышалось от соседнего стола.

Сидевшие спинами к входу, Танис и Салист обернулись – в зал заведения вошли пятеро. Облачённые в чёрные, кожаные одежды, они всем своим видом внушали страх. Едва ли кто отважился смотреть на них так бесцеремонно, как непонятно откуда здесь взявшиеся вояки из парайского полка. Властники медленно прошли между столов, направляясь к тем, кто дерзнул не прятать взгляд, как остальные. Один из них, по всей видимости, главный, пристально посмотрел в глаза Таниса, рассчитывая, что тот, всё-таки, опустит глаза к полу. Нет, этот лишь усмехнулся, да ещё развалился на лавке.

– Так, так, солдатня к нам пожаловала.

Властники подошли к сидевшим товарищам, окружили их.

– Почему при оружии? Для кого законы пишутся, или мы читать не можем? В столице, ровно, как и в других поселениях, имеющих крепостную стену, оружие носить запрещено. Только охотничий лук и топор, да и те в мешке.

– Откуда мы знали, – буркнул Танис. – Мы из Парайи и пока такого закона не слышали. Будьте уверены, если бы он до нас дошёл, услышали бы первыми, как-никак Парайский полк.

– Это ничего не значит. Вы должны сейчас же сдать ваши мечи, иначе будете арестованы.

– Да что ты говоришь, – Танис подмигнул другу, и оба медленно поднялись, готовые в любой миг выхватить оружие из ножен. – А ты попробуй, возьми.

Властники дёрнулись, схватились за мечи, но в этот момент в руках смутьянов неожиданно появились клинки. Оба вскочили на стол, взмах ног, и два блюстителя закона, зазевавшиеся ненароком, получили хороший пинок по носу.

– Сдохни! – закричал старший и с завидной яростью бросился в атаку, увлекая за собой остальных.

Но что такое пятеро бездарей, ещё вчера коловших дрова, либо пасших гусей, по сравнению с хорошо обученными солдатами. Неумелые, медленные удары их мечей легко отбивались смеявшимися от души Танисом и Салистом. Они, поначалу рассердившиеся и готовые заколоть этих глупцов, теперь просто развлекались. Какой-то, особо резвый, властник, выставив вперёд меч, бросился на Таниса, рассчитывая проткнуть тому живот, но сотник ловко спрыгнул на пол и быстрым ударом уколол противника в правую ключицу. Не опасно, тем более не смертельно, но больно и обидно.

Бедняга громко ойкнул, выронил меч и, схватившись за плечо, бросился в сторону. А Танис, не теряя времени, напугал свою следующую жертву ложным замахом, нацеленным в левый бок, и когда меч противника начал описывать нижнюю дугу защиты, Танис молниеносно перевёл остриё своего меча под правый бок и сделал короткий выпад. Ещё один властник выронил меч и, так же, как и первый, бросился наутёк. А рядом не отставал и Салист. Он не мог похвастаться таким изяществом владения мечом, как его друг, зато силы у него было немало. Отбив меч противника так, что тот вырвался из рук, он ударом кулака в челюсть развернул к себе властника спиной и хорошенько отшлёпал его плашмя под дружный хохот посетителей трактира.

Пораненные и униженные до слёз, властники испугались, поняв, что напоролись не на безобидных горожан, а на тех, кто спит в обнимку с мечом. Они попрятали оружие в ножны и, выкрикивая проклятия и просто грязную ругань, который бы мог позавидовать даже забулдыга-матрос, выбежали из трактира.

– Эй, храбрецы, – окликнул Таниса и Салиста сидевший неподалеку толстяк, с трудом оправившийся от хохота. – Молодцы, задали им жару. Только теперь лучше ноги уносите.

Они так и сделали.

Когда командир полка узнал о произошедшем, а Танис решил доложить ему, зная, что тот поймёт и поможет, он долго ходил кругами вокруг вжавшего голову в плечи сотника, и так громко чертыхался, что весь полк слышал его тирады.

– Танис, от тебя одни неприятности! В Парае на тебя всё жаловались мамыши бестолковых девчонок, здесь все местные властники по твою душу заявятся. Что делать намерен?! Не знаешь?! Вот и я тоже не знаю. Попробую сказать им, что накажу, поставлю в наряд на кухню, но, думаю, они этим не удовлетворятся. Хвала богам, хватило у тебя ума никого насмерть не заколоть, а то бы они голову потребовали, причём отдельно от тела. Короче, сам расхлебывай. По закону, я ведь тебя выдать им обязан.

Сотня разбила свои палатки напротив ворот, и они прекрасно видели, кто в них проходил, и что творилось на прилегавшей к ним площади. Танис рассказал своим подчинённым о том, что произошло. Солдаты немного посмеялись, но, понимая, что дело вполне серьёзное, обещали помочь и припугнуть властников, если те вдруг заявятся.

Да они и не замедлили этого сделать. Не прошло и часа, как конная сотня блюстителей порядка выехала из городских ворот и направилась к лагерю. Поверх их чёрной одежды на этот раз были предусмотрительно надеты кольчуги.

Не обратив внимания на попытавшихся преградить им дорогу часовых, они подъехали к располагавшейся в центре палатке полкового командира. Он вышел к ним навстречу, о чём-

то недолго поговорил с ними, разозлился, и, указав в сторону, где находились палатки панцирников, ушёл к себе, махнув рукой.

Люди Таниса уже были наготове, и когда непрошенные гости оказались в расположении их сотни, им преградил путь отряд закованных в броню воинов с острыми, тяжёлыми секирами в руках, способными легко располовинить человека в кольчуге. Властники остановились в нерешительности. Они и не ожидали, что в этот раз им рискнут оказать сопротивление. Никто из них и не думал атаковать – против такого противника шансов нет никаких. Оставалось одно. Старший отряда выехал вперёд и, стараясь, чтобы голос не дрожал, громко крикнул:

– Это что, мятеж?! Вы разве не понимаете, что за сопротивление власти все можете оказаться за решёткой, а то и на эшафоте.

– Ваши люди сами виноваты, – ответил Танис. – Решили силу показать, вот и получили. Называешь себя законом и властью? А мы кто? Мы те же закон и власть. Мы – армия короля.

Вокруг них уже начинала собираться толпа – однополчане, солдаты столичного гарнизона, охранявшие ворота, да случайно проходившие мимо горожане. Над попавшими в такую неловкую ситуацию властниками все откровенно смеялись.

– Танис, сдавайся. Добром сдашься – простят. Посидишь месяцок в камере и всё, – уговаривал властник упрямого сотника.

– Да шёл бы ты знаешь куда, – Танис смачно плюнул под копыта его коня. – Проваливай отсюда, ты находишься в расположении парайского полка, а чужим здесь не место.

– Да я пожалуюсь на тебя королю! Лично до короля дойду!

– Ха! Напугал!

Толпа вокруг с нетерпением ждала развязки. Казалось, разгорячённые спорщики вот-вот бросятся друг на друга, но никто пока не решался перейти к делу. Властники знали, что их порубят на куски в пару минут, а солдаты Таниса понимали, что подними они оружие на представителей закона, их сразу же назовут мятежниками. Внезапно толпа зрителей метнулась по сторонам, освобождая кому-то дорогу. Небольшой отряд всадников въехал в круг.

– Король, король, – раздался вокруг шёпот.

Властники тот час соскочили с сёдел и, преклонив колено, поклонились чуть ли не до земли. Танис и его сотня лишь склонили голову – тяжёлые доспехи с трудом позволяли большее. Король, одетый лишь в кольчугу, правда, превосходного плетения, в сопровождении закованных в латы дворян подъехал к нему.

– Кто Танис? – спросил он – видимо, кто-то уже успел доложить ему о происходящем.

Танис сделал шаг вперёд, постарался поклониться пониже и проговорил:

– Это я, ваше величество.

Король соскочил с коня и медленно подошёл к нему. Откуда-то из-за телохранителей появился ещё один, одетый в точности как правитель, видимо советник, и встал рядом.

Эдвард лихорадочно думал. Надо принимать какое-то решение, иначе люди вокруг скажут – король не знает, что делать, может он слаб или глуп? Хорошо, что рядом оказался Самит. Встав рядом, он прошептал на ухо:

– Сир, мы здесь для того, чтобы подружиться с командиром этого полка и удостовериться в его преданности. Карать сейчас его подчинённого, причём одного из лучших – поступок рискованный и, честно говоря, неразумный и не нужный сейчас. Вокруг люди, мало кто из них любит властников. Они ждут, что вы милуйте ослушника.

Эдвард до боли прикусил губу, внимательно осмотрел Таниса с головы до ног. Но едва он посмотрел ему в глаза, какая-то сила заставила его отшатнуться. «Вот ведь. Просто поразительно», – прошептал он. – «Может, это он?»

Король ещё раз взглянул в глаза Таниса и громко, чтобы слышали все вокруг, сказал:

– Я люблю смелых солдат, но, кроме того, люблю, чтобы мои приказы, мои законы исполнялись.

– Простите, ваше величество. Я не знал о законе, запретившем ношение меча... даже для солдат короля.

– Для солдат короля... Такого, действительно, в этом законе не было. Солдат, он ведь на то и солдат, чтобы носить меч, которым должен защищать своего повелителя и его народ. Я не считаю тебя виновным, Танис. Настоящие виновные будут наказаны, а ты служи, служи во славу короля и государства.

Танис поклонился, а король легко запрыгнул в седло коня и, развернувшись, поскакал прочь, уводя за собой и свою свиту и властников.

– Ну как, Самит, я правильно всё сделал? – спросил он советника.

– Неплохо, неплохо. Такие поступки нравятся народу.

– Вот только, знаешь что? Отбери среди властников пятерых парней потолковее, и пусть они отправляются вместе с полком. Они будут следить за этим Танисом, как за невинностью родной сестры. Если он опять выкинет какой-нибудь фокус, пусть его арестуют и отправят на галеры, можно даже убить, если он подымет шум.

– Зачем? – удивился Самит. – Обычный сотник, немного взбалмошный, горячий, но он просто солдат.

– Нет, друг мой, он не обычный сотник и не просто солдат. Он... сын короля Александра.

– Как?! Этого не может быть?! Вы не ошиблись?!

– Едва ли, его лицо, его глаза, его взгляд. Всё в точности.

На следующее утро полк свернул лагерь и ушёл по дороге к Альваре. Вновь пыльные мили, лес по обочине. В полдень остановились пообедать и передохнуть. Как обычно, каждая сотня готовила себе отдельно, получая провиант от фуражиров, а затем и столовалась сама по себе. В этот раз Салист присоединился к товарищу, оставив своих. Забрав порции, они вместе сели в сторонке, чтобы никто не мешал их разговору.

– Знаешь, Танис, – тихо проговорил он. – К нашей сотне присоединилось пятеро каких-то непонятных. Все скрытные, молчаливые. Попытались заговорить с ними, те отмалчиваются, а наш сотник наорал на нас, приказал не трогать их.

– Я видел. Кольчуги плохонькие и мечи неважные. Сам удивился, откуда такие взялись.

– Это властники. Точно тебе говорю, властники. И, похоже, послали их следить за тобой.

– Да брось! Ты же сам слышал, что сказал король.

– Слышал. Но, ты не забывай, ты поднял свою сотню против тех, кто представляет власть. Думаю, у короля на словах одно, а в уме совсем другое. Будь осторожен.

– Да и пусть следят. Что я, людей бунтовать понуждаю? А если они мешать будут, то на войне всякое случиться может. Не отдыхать идём, наверняка, драться придётся.

На седьмой день пути полк вошёл в Альвару. В этот раз расположиться им разрешили на одной из городских площадей, так что все таверны были прямо под боком. Погулять разрешили всем – всё-таки не столица, нарваться на неприятности возможностей здесь поменьше. Полк стоял в городе опять до утра – к счастью всё, действительно, обошлось без неприятностей – а утром выступил в Мил.

До Мила было рукой подать, всего три дня пути, да по хорошей дороге. Шагалось споро. Погода стояла великолепная, а в воздухе чувствовался запах морских волн, прибрежных скал. Настроение у солдат поднялось и, даже предстоящие испытания были на время позабыты. В Миле их ждала конница, наверняка, хорошенько отдохнувшая за эти дни, успевшая опробовать все местные трактиры и притоны с весёлыми девицами.

Мил появился неожиданно, из туманной дымки. Очертания крыш домов, крепостных стен, башен на фоне морской лазури, сияющее солнце. Дружный вздох восторга издали разом сотни ртов.

Полк встал в порту, на самой его окраине, подальше от любопытных глаз. Надолго ли, никто не знал. Шестьдесят галер, которые требовались для перевозки полка, были ещё на пути из Сирато. Их ждали на следующий день, поэтому солдатам вновь разрешили отправиться в город.

Салист и Танис давно забыли неприятный инцидент в столице и, как и все, направились на поиски подходящего трактирчика. Город был небольшой, гораздо меньше Параи и, тем более Альвары или столицы, но заведений в нём оказалось гораздо больше. Трактиры, дома терпимости, встречались здесь на каждом шагу. Казалось, во всём городе не было такого дома, где на первом этаже, либо в цоколе не располагалось бы подобное заведение. Искать долго не пришлось. Друзья быстро нашли подходящий трактир, как обычно, сели подальше от шумных компаний, заказав себе жаркого и вина.

– Смотри-ка, – тихо проговорил Салист, указывая на открывшуюся входную дверь. – Эти пятеро тоже здесь.

Танис повернулся – действительно, те самые, которых он видел в сотне Салиста. Властники остановились при входе, повертели головами, словно искали свободные места, коих в заведении было предостаточно. Взгляд одного из них упёрся в Таниса, он что-то тихо сказал своим, и они сели за соседним столиком, видимо, чтобы расслышать всё, о чём будут говорить эти два смутьяна. Танис и Салист переглянулись – что ж, хотят погреть уши, да пожалуйста. Мало ли тем для разговоров, хотите про девочек, получите.

На следующий день, около полудня, к причалу Мила пришвартовалось шестьдесят галер. Это были средние по величине, одномачтовые суда, пригодные как для моря, так и для полноводных рек Острова. В основном, они передвигались при помощи двадцати пар вёсел, но когда задувал попутный ветер, на мачту поднимали огромный прямоугольный парус. Галеры считались боевыми, поскольку на носу и на корме находилось некое подобие башенок с бойницами для лучников и арбалетчиков.

Гребцы размещались под палубой в низком, душном помещении, пропахшем морской солью, потом и помоями. Их работа была ох как тяжела, и во времена короля Александра, когда на боевые суда брали вольнонаёмных, гребцам платили немалые деньги, что ощутимо било по трещавшей по швам казне.

С воцарением Эдварда, вольнонаёмные гребцы мигом исчезли – зачем платить такие деньги за тупую работу, если их можно заменить на практически бесплатных заключённых тюрем, да тех, кто не очень доволен новым правителем. Кормить только, чтобы ноги могли волочить, и хватит. Что про это сказал командовавший флотом Риз, знал лишь он сам и новый правитель, но все эти слова явно могли повергнуть в обморок не одну сотню приличных девушек. С тех пор, Риз покинул флот и попросту исчез, не дожидаясь, пока король прикажет отрезать ему язык за такое сквернословие.

Меньше чем за час полк погрузился на корабли, и они, один за другим, отчалили от пристани и вышли в море, держа курс на север. Танис и Салист, два неразлучных друга, оказались вместе. Они стояли на палубе возле левого борта и молча смотрели, как тяжёлые дубовые весла вспарывают искрящееся под ярким солнцем море. Вверх летели солёные брызги, рядом носились крикливые чайки, выпрашивающие подачки. За кормой постепенно растворялся в туманной дымке Мил, а впереди поднималась из моря тёмная полоса приближающегося острова, на котором стоял город Малонто. Совсем близко, рукой подать. Часов шесть пути, и они на берегу.

Всё это время Танис простоял у борта. Его взгляд приковало к себе море, оно чем-то манило, завораживало. Что кроется там, в его глубинах? Мириады рыб, место которым на сковородке или таинственные морские чудовища, истории о которых он слышал от всё того же папаши Арстина. Изредка они перебрасывались с Салистом отдельными, малозначительными фразами.

Наконец, впереди стали отчётливо видны пустынные, скалистые берега. Сверкающие, отливая багрянцем в заходящем солнце, волны с грохотом обрушивались на серые глыбы скал и разбивались на множество водяных брызг. Затем море отступало назад, обнажая тёмно-жёлтый песок, чтобы набрать силы для нового удара и вновь бросалось на скалы.

– Ну и где здесь на берег сойдём? – проговорил кто-то. – Нас же, как щепки, на эти камни выбросит и разнесёт в клочья.

Однако эскадру вёл умелый лоцман, хорошо знавший этот берег. Корабли свернули на восток и, вскоре, подошли к небольшой, но спокойной бухте, проход в которую даже не загромаждали рифы. Один только минус – лишь по шесть-семь кораблей могло уместиться там. Пришлось разгружаться по очереди. Сначала, разумеется, сошла на берег конница.

Танису повезло, примерно через час, во втором заходе, покинула корабль и его сотня. Танис очутился на россыпи камней. Между ними хлупала вода, которая так и норовила подняться повыше с каждым ударом волн и залить ноги. Он кое-как построил свою сотню в колонну и, навьюченные доспехами и оружием, люди направились к проторенной в скалах тропинке, ведущей наверх. Следом за ними поднималась и сотня Салиста. Тропинка проходила по длинной расщелине, поэтому не была очень крутой. Солдаты легко поднялись наверх и, найдя местечко по нраву, уселись отдыхать.

– Посмотри туда, – Салист потянул товарища к краю скалы. – Где ещё такое увидишь.

Перед ними билось о скалы море цвета сапфира, в котором, словно игрушечные кораблики, плясали на волнах галеры. Танис лишь вздохнул, обернулся назад. Там раскинулось бескрайнее поле. Невысокая, изумрудная травка и крохотные жёлтые цветочки пригибались под порывами холодного ветра. Неизвестно как оказавшиеся здесь кусты шиповника тихо шелестели, роняя розовые лепестки. Всё это уходило далеко-далеко, в туманную даль, туда, куда и им предстоит уйти за неизвестностью.

– Везёт морякам, – проговорил Салист. – Сейчас выгрузят всех, и домой, кто жинке под бок, а кто к весёлым девицам да заставленному яствами столу.

– Как же, – ответил подошедший к ним десятник конницы. – Они сейчас пойдут к Малонто, чтобы запереть его с моря. Полная блокада по всем правилам военного искусства.

– Да что им, посидят на кораблях, поплуют с палубы в воду, вот и вся блокада. А кровь то нам с тобой придётся проливать, – неожиданно сказал Танис и, резко повернувшись, отошёл прочь от обрыва.

Солнце клонилось с заката, когда последний солдат ступил на землю Малонто. Темнело, но полк не остался на продуваемом всеми ветрами берегу. Решили найти хотя бы маломальскую ложбинку, чтобы встать в ней лагерем. Воины построились в нестройные колонны и двинулись вперёд, по направлению к долине.

Там, в низине, жили все местные жители, поскольку жить на безлесных скалах, на холодном, пронизывающем ветру было просто невозможно. В долине текла небольшая речушка, питавшаяся из родников, вокруг неё шумел лес. Там и находилось семь небольших посёлков, а в устье реки, на северном берегу острова между двух холмов находился Малонто.

Берег остался далеко позади, а воины всё шли и шли, попирая тяжёлыми солдатскими сапогами траву и жёлтые цветы. Все шли молча, настороженно оглядываясь по сторонам, словно ждали, что вот-вот путь им преградит малонтийское ополчение. Солнце скрылось за горизонтом, стало совсем темно. Идти дальше никто не рискнул, и решили встать лагерем

прямо здесь. На счастье, немного приутих ветер и стало немного теплее. Палаток не ставили, все, включая офицеров, наскоро поужинав сухим пайком, завернулись в тёплые шерстяные плащи и улеглись на траве.

Утро выдалось холодным и пасмурным. С неба лил мелкий дождь, промочивший всю одежду. Капли воды стекали за шиворот, обжигая холодом продрогшее тело. Было ещё очень рано, до подъёма оставалось около часа, но никто уже не спал. Люди ругали дождь, ёжились на холодном ветру. Самое время развести костры, но дров, как назло, не было. Фуражиры раздали всем по трети фляги крепкого вина, чтобы солдаты хоть как-то смогли согреться.

Вокруг по-прежнему никого. Бескрайнее поле уходило в даль и исчезало в пелене густого тумана. Полк вновь построился и пошёл дальше. Дорога вела под уклон, так что хоть идти стало намного легче. Никто уже не заботился о порядке строя, все шли нестройной ватагой, лишь бы спуститься быстрее в долину, нарубить дров и прогреться рядом с жаркими кострами, поесть горячего.

Прошёл час, затем второй. Стало теплее, да и туман рассеялся. Минул ещё час, и впереди показался долина. В зелёной чаше, между холмов, тусклым зеркалом светилось под пасмурным небом небольшое озерцо, на противоположном берегу которого стоял дворов в пятнадцать, посёлок. Из озера брала своё начало речушка, а рядом с истоком, по обеим сторонам реки, начиналась огромная, вплоть до Малонто, дубовая роща.

Жители посёлка уже проснулись, несколько человек мелькали на его улице. Где-то громко замычала выгоняемая из стойла на пастбище корова, к озеру, наперебой гогоча, спешили гуси. Следом за ними поспевали утки. В двух крайних домах уже вовсю дымили трубы.

Полк был ещё далеко, но жители поселка уже заметили солдат. Никто, конечно, не побежал в лес, а уж, тем более, готовиться к обороне. Глупо предполагать, что два-три десятка мужчин способны противостоять пяти тысячам опытных бойцов. Люди спокойно вышли из домов и стали наблюдать за приближавшимися солдатами.

Полк обогнул озеро и вошёл в посёлок; прошёл по его единственной, идущей вдоль берега улице и расположился на лесной опушке под кронами высоких, ветвистых деревьев. Нужно было привести себя в порядок, отогреться, поесть. Только потом можно продолжить поход.

Два дня полк продвигался по тракту, ведущему сквозь лес к Малонто. Дорога проходила вдоль реки, которая, благодаря впадавшим в неё ручьям и родникам становилась всё шире и полноводнее. Становились больше стоявшие на ней деревеньки. Люди, всё так же, спокойно, смотрели на солдат, словно каждый день мимо их дома проходили парайские полки. А вечером второго дня полк подошёл к последнему перед Малонто, седьмому поселку. Ещё не было темно, но решили остановиться, чтобы хорошенько отдохнуть перед решающим переходом.

5

Два месяца прошло с тех пор, как Николай Сартаков и его сын вернулись из Франции. Стоял душный август.

Хлопнула входная дверь, в просторном холле послышались чьи-то шаги.

– Саш, ты? – выглянул из кухни Николай.

– Да я, я.

– Отлично, иди сюда.

Александр кинул на диван стопу книг, набранных в университетской библиотеке к началу последнего курса и, пройдя на кухню, сел к барной стойке рядом с отцом.

– Пей, – тот протянул сыну стакан апельсинового сока.

– Ты что-то хотел сказать?

– Да.

– Ну, так я весь во внимании, – Саша отхлебнул немного из стакана.

– С тех пор, как мы вернулись, я занимался улаживанием своих дел, чтобы к осени на пару месяцев освободиться от работы и взять отпуск.

– Решил снова нырнуть куда-нибудь?

– Нет, – ответил Николай и, расстегнув верхние пуговицы рубашки, достал висевший на прочной цепочке медальон. Тот самый, что нашёл Александр.

– М-да, – тот скривил на лице гримасу неудовольствия.

– Не понял. Ты всё ещё не веришь? Или тебе мало этих находок, чтобы поверить?!

– Пока не верю. Я, всё-таки думаю, что это лишь старинное золото.

– Хорошо-хорошо, можешь не верить, ради бога, но это не изменит моих планов. Мы с Иваном Сергеевичем всё равно возьмём тебя с собой, чтобы показать Остров.

– Ладно, допустим, это так. Но учти, мне через неделю учиться идти. Да и Иван Сергеевич... он ведь уже староват для таких забав.

– Хочу тебя порадовать. Я договорился с Топосовым, объяснил ему всё...

– С нашим деканом?! – удивился Саша. – И что ты ему сказал?

– Сказал, что нашёл медальон и собираюсь побывать там.

– Что?!

– Он всё знает. Мы же вместе тогда обследовали Сашу Давыдова. Он и перевязывал его один раз, когда тот вернулся назад весь изрубленный.

– Э...

– А во-вторых, Ивану Сергеевичу хотя и почти шестьдесят, а он и тебе даст фору. Силы, как в молодом.

– Ну ладно, хорошо. Попробуем, может, что и получится.

– Получится, обязательно получится. Так что готовься, отправляемся завтра.

Николай хлопнул ладонью по столешнице, так что зазвенели подвешенные на держателях бокалы и, прыгнув с табурета, вышел из кухни.

– Вот ведь... – только и смог прошептать ошарашенный Александр.

От известия, что завтра он, может быть, попадёт неизвестно куда и неизвестно зачем, ему стало не по себе. В памяти тот час всплыли рассказы отца о многочисленных опасностях, о непрекращающихся поединках и сражениях, о льющейся рекой крови, и у него от страха засосало под ложечкой. Конечно, он был далеко не робкого десятка и мог постоять за себя, но этот... этот дикий мир, где единственным весомым аргументом выступал не разум, а меч, пугал его.

Он подошёл к кухонному столу, открыл ящик. Там, холодно поблёскивая сталью, лежало десятка два различных по длине ножей. Саша выбрал самый длинный и тяжёлый, которым при-

ходившая по утрам домохозяйка резала капусту или кабачки и, встав в центр кухни, подальше от мебели, попытался изобразить что-нибудь. Нож едва не вырвался из его влажной от пота руки, но, несмотря на это, получилось, вроде, неплохо. Хотя, это на его взгляд. Наверняка, любой из тех, кто населял тот легендарный Остров, засмеял бы его сейчас... и отрубил бы голову. Тьфу! Что за мысли в голову лезут.

– Тренируешься? – в кухню снова зашёл отец.

В его руках были потемневшие от времени деревянные ножны.

– Это меч? Впервые его вижу, – удивился сын.

– Да он с тех пор всё время на чердаке лежал. Там ещё одежда и доспехи. Только всё это можно выкидывать. Одежда почти сгнила, доспехи проржавели насквозь – чердак сыроват.

– А меч?

– С ним, думаю, ничего не случилось. Если есть ржавчина, то можно взять брусок и почистить.

Брусок оказался в том же ящике с ножами. Николай сел на стул и, с трудом, вытащил из ножен клинок.

– Ого, – Саша с интересом оглядел довольно широкий, но коротковатый, всего в длину руки, меч.

Сталь его потемнела и, в основном, уже покрылась уродливыми пятнами ржавчины.

– Работы здесь много, но ничего, справимся, – отец улыбнулся и принялся скрести бруском по лезвию.

Раздался скрежет наждачного камня о сталь, и на камень пола посыпались коричневые хлопья сдираемой ржавчины.

– Ещё один вопрос, – Саша подсел рядом.

– Валяй.

– А где ты к завтрашнему дню раздобудешь одежду и оружие?

– Не волнуйся, все привезёт Стрижевский. Надеюсь, тебе не придётся применять его.

Неожиданно трелью пропела валявшаяся у плиты телефонная трубка. Взял её Александр.

– Да.

– Алло, Саш, это ты? – проворковала трубка мягким женским голосом.

– Я. Привет, Таня. Сам тебе собирался перезвонить. Извини, но мои планы неожиданно изменились.

– Как? Что-то случилось?

– Я уезжаю и... – Саша взглянул на отца, – и видимо надолго.

– Жаль, а я так на тебя рассчитывала, я хотела... чтобы с тобой пойти...

– Извини, ещё раз извини, но только полчаса назад узнал.

– Если не секрет, куда уезжаешь?

– Да... с отцом.... По делам.

– Ну, ладно. Постараюсь забежать к тебе сегодня, попрощаться. Но не обещаю. Удачи.

В трубке раздалась гудка. Саша расстроено вздохнул и кинул замолчавшую трубку на стол.

– Проблемы с девушками? – спросил его отец, продолжавший елозить наждаком по лезвию.

– Хотел завтра вечером сходить в кино на премьеру. Она хотела идти со мной.

– Таня?

– Таня Сандовская.

– Случайно не стройная шатенка с волосами до плеч? – усмехнулся Николай, но вдруг вздохнул, улыбка сошла с его лица, и добавил. – Анна такая была, вспомнилось что-то.

– Нет, па, она блондинка, она такая... Как увидишь, сразу сердце начинает из груди выскакивать...

Остаток дня прошёл на редкость скучно. Николай упорно правил меч, видимо хотел, чтобы клинок блестел как зеркало. Александр, в мозгу которого до сих пор не укладывалось происходящее, беспечно проводил время перед телевизором. Он машинально переключал с канала на канал, но не воспринимал того, что происходило на экране. Его мысли были заняты словами отца об этом удивительном путешествии. Сказка вот-вот станет реальностью, или это просто сон, просто бред или глупый розыгрыш. Нужно подождать лишь до завтра, и всё выяснится, всё встанет на свои места.

Он не заметил, как уснул, а когда проснулся, было ещё очень рано, лишь половина седьмого. Глаза открылись, и сон тут же ушёл, словно его и не было. Саша сразу поднялся, хотя любил десяток, другой минут понежиться в кровати. Он быстро умылся, оделся и спустился в гостиную. Так, сегодня они должны отправиться на этот непонятный Остров. Или всё это приснилось? Уже на лестнице до его слуха донёсся голос Ивана Сергеевича. Нет, не сон.

– Здорово, Сашка, – Стрижевский поднялся навстречу.

Он почти не изменился. Седины в волосах прибавилось немного, подбородок украшала всё та же аккуратная борода. Может, лишь морщины на лице стали немного глубже.

– Здравсте, Иван Сергеич.

– Ну, что, неверующий. Думал, сказки это, которые старики придумали для мальчика. Я, вот, тебе сюрпризы принёс.

Он порылся в стоявшей у дивана вместительной дорожной сумке и достал оттуда увесистый свёрток.

– Держи, – Стрижевский сунул его в руки Александра.

Тот положил свёрток на столик. Ещё даже не развернув его, он догадывался, что там. Так и есть, добротные сапоги, прочные кожаные штаны, в которых и на гвоздь сесть не страшно, рубашка и кожаная куртка на шнуровке с, до смешного, короткими, по локоть, рукавами. И меч, короткий, широкий в деревянных ножнах, похожий на тот, что у отца.

– Одеваемся.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Он надел на себя одежду – удобно, ничего не жмёт, ничего не мешает, не сковывает движения. Оделись и Иван Сергеевич с Николаем. Каждый закинул на плечо похожие на котомки рюкзаки с припасами.

– Да, выпьем по стаканчику вина и в путь, – предложил Стрижевский.

Они прошли на кухню. В руках Ивана Сергеевича появилась бутылка красного вина, он ловко вернул в пробку штопор, выдернул её и разлил по бокалам тёмно-бардовую жидкость.

– Ты дверь не запер? – тем временем спросил Саша отца.

– Соседи должны зайти попозже, рыбину в аквариуме покормить. Я им ключи оставил, они закроют.

Стрижевский раздал бокалы, посмотрел на спутников.

– Ну, за возвращение, – сказал он тост.

Все выпили.

– Пора, – дрогнувшим голосом проговорил Николай.

– Пришло время вернуться, – ответил ему Иван Сергеевич.

Сартаков достал медальон и положил его на ладонь. Александр растерянно оглянулся на Стрижевского. Тот улыбнулся, кивнул и положил руку на плечо Николая, говоря взглядом – делай то же, что и я. Саша судорожно вцепился в куртку отца, и тот медленно, словно смакуя каждый момент движения, опустил руку на медальон и сжал его.

В последний момент перед ослепительно-яркой вспышкой Александр почувствовал, что кто-то тронул его за плечо и произнёс: « ...Саш». Но мгновение спустя все очутились в лесу. Когда прошли разноцветные круги перед глазами, он увидел вокруг себя стройные золотистые сосны. В воздухе стоял круживший голову запах хвои, свежей смолы, лесных трав. Светило

солнце. Над землёй стелился лёгкий белёсый туман. То тут, то там раздавались весёлые птичьи трели.

– Это... это Остров? – неуверенно спросил Александр.

– Только этого не хватало, – почему-то произнёс отец, глядя за спину сына. – Откуда... откуда она взялась?!

Саша обернулся и ахнул. Под его ногами, на мягком ковре зелёного мха лежала в обмороке девушка – Таня Сандовская.

6

По длинному тёмному коридору, топая деревянными сандалиями, бежал человек в чёрной сутане монаха. Попадавшие ему навстречу братья благоразумно уступали дорогу, прижимаясь к стенам. Тот бежал, что было сил, не разбирая дороги, спотыкался, падал, вставал и снова бежал. Наконец, он остановился перед одной из дверей и, отдышавшись, утёр со лба пот и постучал в неё кулаком так, что загремели петли.

– Кто там? – послышалось из кельи.

– Это я, Эстиан.

– Входи, сын мой.

Монах, ещё совсем молодой, лет шестнадцати отроду, открыл дверь и, переступив через порог, поклонился, положив руку на сердце.

– Доброе утро, Эстиан, – поздоровался с ним сидевший на койке уже немолодой, но крепкий на вид жрец.

– Доброе утро, отец Валиар.

– Что случилось, сын мой? Я услышал твой топот, едва ты поднялся в коридор.

– Он проснулся! – истово выдохнул молодой монах. – Свершилось великое чудо! Он проснулся!

Валиар вскочил с постели, словно его ужалила змея. Он подошёл к ученику, тряхнул его за плечи и, подняв глаза к потолку, покачал головой.

– Идём скорее.

Оба монаха вышли из кельи и направились по коридору к лестнице, ведущей в нижний ярус, где жили неизлечимо больные и находились усыпальницы. Вскоре они очутились перед тяжёлой и прочной, запиравшейся на замок, дверью. Эстиан открыл её, и они вошли вовнутрь. В точно такой же, как и у Валиара, келье на постели лежал человек.

На вид ему было около сорока, правда густая щетина набавляла ещё с десяток. Глаза неизвестного были открыты, взгляд лихорадочно бегал по комнате. Было видно, что он совершенно не понимает, где находится и что с ним. Валиар подсел рядом и посмотрел в глаза. Тот ответил взглядом на взгляд и вдруг тихо, с трудом, проговорил:

– И... ли... ар.

– Эстиан, – Валиар повернулся к юноше. – Беги ко мне и принеси бутылку из тёмно-зелёного стекла. Там она одна, над кроватью моей стоит.

Едва тот убежал, монах снова повернулся к лежащему на кровати человеку, положил свою руку на его и пристально взглянул в глаза. Их взгляды вновь встретились.

– Илиар... Ты мёртв... Ты же умер, – снова проговорил неизвестный. На этот раз слова дались ему легче.

– Ты ошибаешься... Александр Давыдов. Моё имя Валиар.

– Нет, не обманывай меня. Твой взгляд – взгляд Илиара. Твоя душа раскрыта передо мной. Я же во второй раз переступил за грань смерти, но вернулся. Можешь называть себя хоть Валиаром, хоть кем-то ещё, но ты Илиар... Нет... Постой... Сомнений нет, я вижу... Вижу. Тело лишь смертная оболочка, ненужный хлам. Истина внутри, настоящее лицо внутри этого уродливого облачения, это душа, душа бессмертная и свободная. Ты... Ты Лабек!

– Осторожнее со словами, у стен могут быть уши.

Александр ничего не ответил. Он закрыл глаза, усталость и слабость пока ещё брали своё. Наконец прибежал Эстиан. Он вручил Валиару бутылку и спросил:

– Что это? Пахнет не очень.

– Нюхал, бездарь? Ладно, не накажу. Это настой из трав. Хорошо поднимает силы.

Жрец взял с деревянной полки запylённый глиняный стакан, протёр его о полу сутаны и, налив в него до краёв густой, почти чёрного цвета жидкости, протянул его Александру.

– пей; ты должен выпить это.

Тот приоткрыл глаза, попытался приподняться, но силы оставили его, голова не смогла оторваться от подушки. Тогда Валиар осторожно приподнял его голову левой рукой, а правой поднёс к его губам стакан. Уже после первых глотков зелья с лица сошла нездоровая бледность, взгляд прояснился. Немного морщась от горечи, Александр выпил всё до последней капли и, после этого, самостоятельно смог сесть, свесив ноги на пол.

– Что произошло со мной? Что за чертовщина происходит?

– Тебя отравили, – ответил Валиар.

– Но почему я опять вернулся с того света?

– Божественный Аклостин спас тебя.

Валиар поднялся и достал из тайника в одном из углов ножны с мечом. Он пристально посмотрел на гостя опечаленным взглядом и попытался достать клинок. После нескольких сильных рывков из ножен появилось нечто, обросшее густым слоем ржавчины. Местами она проела сталь насквозь, проделав страшные, зияющие дыры. Не успел Валиар подать его Александру, как лезвие, точнее то, что было им когда-то, обломилось у рукояти и, упав на каменные плиты пола, сломалось.

– Божественный меч спас тебя, пожертвовав собой.

– Ты сможешь его возродить? – с надеждой в голосе, спросил Александр.

Валиар посмотрел на Эстиана и сделал знак ему удалиться. Как только мальчишка вышел, он немедленно плотно прикрыл дверь и повернул в замке ключ.

– Я всего лишь Лабек. Меня хватило на медальоны, а здесь нужна вся сила всех богов-созидателей. Только так под силу возродить меч.

– Для меня это был не просто меч, – вздохнул Саша. И, вдруг спохватился. – Да, не знаешь, что происходит сейчас? Что с Анной? Ты в курсе событий?

– О, да. На это я могу тебе ответить, может не на всё, но на многое. События, скажу я, происходили совсем для тебя не радостные. Анна, Сантилия и Лита бежали в Малонто, когда Эдвард захватил власть. Сейчас туда направляется парайский полк, чтобы вернуть их в столицу. Сам же новый король осаждает Лаурд, однако Эйрен пока держится. Риз с верными ему людьми у Хиц-Эргоса. Вот и всё.

– А Эйнар?

– Про Эйнара пока сказать ничего не могу. Даже не знаю точно, погиб он или жив, – вздохнул Валиар-Лабек.

– Но что могло с ним случиться... Эдвард... Его рук дело.

– Может быть. Живи надеждой. И помни, сейчас ты монах.

– Но зачем?! Почему я не могу покинуть храм и занять своё законное место.

– А как думаешь, что случится с Островом? Хочешь ввергнуть его в пучину гражданской войны? Сейчас это проще всего. Подожди, пока всё успокоится, а там и можно действовать. И не пытайся встретиться со своими друзьями.

– Лабек, ты жестокий бог. Разве ты не можешь сделать что-нибудь. Ты же бог. Мановение руки, и всё вернулось на круги своя.

– Я жестокий?! Не спеши с выводами. Или люди хотят быть рабами создавшей их силы? Вам дана свобода, вы вольны выбирать, что делать, как жить. Я дал тебе советы, ты, конечно, можешь послушаться меня, но тогда ты не проживёшь и недели. И вернуть тебя назад уже никто не сможет.

– Хорошо, уговорил, – Александр, в сердцах, стукнул кулаком по постели. – Я буду слушаться тебя.

7

Светало. Поёживаясь от утреннего холодка, Танис выбрался из своей палатки, поставленной у небольшого ручейка, впадавшего в реку. Он сладко зевнул, потянулся, разминая затёкшие мышцы. Ещё рано, утренний туман пока скрывал реку своей белой пеленой. Стояла тишина. Лишь редкая проснувшаяся птица робко подавала свой голос. Люди ещё спали. Спал посёлок, спал и расположившийся рядом с ним полк. Даже часовые, и те прикорнули на своих постах – сладкий сон и их окутал своим покрывалом.

Танис редко просыпался так рано. Он любил понежиться в постели до полудня, в те дня, когда отпускали со службы. Сегодня что-то разбудило его. Непокойный сон поднял его на ноги. Казалось, это неприятное ощущение сейчас пройдёт, стоит только умыться холодной водой из ручья, но нет. Беспокойство не проходило, скорее наоборот. Сотник постоял, осмотрелся. Прошёлся в сторону леса, где стояла палатка Салиста.

– Эй, проснись, – Танис тряхнул полог, но ответа не последовало. Друг спал как убитый, пожалуй, только сигнал побудки был в состоянии разбудить его.

Тогда он сунул руку вовнутрь, нащупал ногу и сильно дернул за неё. Салист мгновенно вскочил, схватился за нож.

– Кто здесь? – хриплым голосом спросил он.

– Тихо, я это. Вылезь.

– Что случилось? Напали?

– Да тихо ты.

– На кой ты разбудил меня в такую рань. Сам, что не спишь?

– Не знаю. Не спится, что-то гложет меня. Не подумай, что я сошёл с ума, но я чувствую опасность.

– Успокойся, просто нервишки пошаливают. Идём к реке, я хоть умоюсь.

Они спустились к реке и, пробравшись сквозь камыши, устроились на замшелом брёвнышке у кромки берега. Салист зачерпнул полной горстью холодной воды, слегка попахивающей тиной и, заразительно фыркнув, опустил в неё лицо.

– Хороша водичка.

Он встал на колени, нагнулся пониже и принялся плескать себе на лицо, на шею, обдавая брызгами и Таниса.

– Тихо, – тот вдруг замер. – Перестань, прислушайся.

– Да что ещё?

Танис бесцеремонно прикрыл Салисту рот ладонью. Оба прислушались. По глади реки, снизу по течению доносился странный, неясный шум. Какой-то гул, словно катит телега с пустыми бочками или... Танис ахнул, едва не упав в воду – топот конских копыт, а вот, вот и позвякивание, которое ни с чем не спутаешь. Так позвякивают плохо подогнанные доспехи.

– Салист. Это же малонтийцы!

Он дёрнул товарища за шкирку и бросился в лагерь, крича на ходу:

– Вставайте! Тревога!

Его громогласный голос разбудил полк не хуже горна. Часовые встрепенулись, забеспокоились. Что за крики? Кругом ни души, а какой-то дурак орёт, как резанный. Спокойно спавшие в своих палатках, люди начали быстро вылезать наружу. Ещё не понимая, что происходит, они надевали на себя доспехи, хватали оружие и бежали строиться по сотням.

– Танис, что кричишь?! – заметив горланящего сотника, подбежал к нему командир полка в сопровождении офицеров. – Что случилось? Никого нет? Ты пил, что ли?

– Да не пил я, – возмутился Танис. – С севера войско идёт. Я на реке умывался, а звуки по воде хорошо разлетаются. Вот и услышал. Так войско ходит, ни с чем не спутаешь.

Командир на мгновение задумался, взглянул на собравшихся вокруг него людей. Времени в его распоряжении было немного, и было бы ещё меньше, если бы не Танис.

– Тяжёлой пехоте перекрыть участок от реки до дороги, встать в две линии.

– Все не уберёмся, – проговорил кто-то. – Только три сотни там встанут.

– Остальные две пусть встанут ударными колоннами сзади, – пояснил командир. – Сами не разобрались бы что ли? Только в камыш не залазьте, увязнете. Там пусть стоят полсотни с луками и арбалетами. Ещё сотню лучников вперёд – постреляйте немного и отходите. Тысячу в резерв, остальные, справа от секироносцев. Конница в лес и раньше времени не суйтесь. Всё, выполняйте.

Сотники разбежались по своим сотням. Тот час весь отряд перешёл в движение, все забежали, засуетились. То тут, то там раздавались отрывистые слова команд. Становились по позициям споро. Не даром всё время в обучении тратили не на шагистику и наведение внешнего лоска, а на умение быстро выполнять команды по перестроению. Не прошло и получаса, а все стояли на своих местах. Теперь оставалось лишь ждать.

Прошёл час, а на выходящей из леса дороге, там, откуда должен появиться противник, так никого и не было. Беспокойство в рядах росло. А что, если враг задумает каверзу, обойдёт их стороной и ударит в тыл. А может никакого врага и не было вовсе, всё это почудилось не проспавшемуся после вчерашнего Танису.

– Послушай, – командир вновь подошёл к сотнику, стоявшему во главе ударной колонны и, нетерпеливо, переминавшемуся с ноги на ногу. – Тебе не почудилось?

– Нет, конечно, нет. Они будут скоро. Похоже, далеко были, когда я их услышал.

Прошло ещё с полчаса томительного ожидания. Танис уже начал думать, что и в самом деле ошибся, а все эти звуки просто почудились ему с недосыпа, как вдруг на лесной опушке напротив показались стройные шеренги малонтийской тяжёлой пехоты. Первая шеренга была очень длинная. Она начиналась от поросшего камышом берега и заканчивалась почти на опушке леса. За ней угадывалось еще несколько таких шеренг, между которыми находились лучники и арбалетчики. Не было видно лишь конницы. Видимо, пряталась где-то в ожидании команды на решающий удар.

Противники не стали тратить время на переговоры, на поединки, а просто сошлись. Враг, не мудрствуя лукаво, шёл вперёд всеми своими шеренгами, охватывая всю ширину фронта. Однако парайцев не испугала накатывающаяся на них стена стали. Эка невидаль. Такое и на занятиях проходили, когда учились стенка на стенку идти. Передовые отряды двинулись вперёд. Взметнулись в небо стрелы, били по настильной стальные болты арбалетов, пробивавшие с пятидесяти шагов любой доспех. Шеренга ударила в шеренгу, зазвенели мечи, поднялись острые, тяжёлые секиры, чтобы, опустившись, вмять в плоть и кольчугу, и броню. Яростные крики огласили поле боя, пролилась кровь.

Сотня Таниса пока оставалась в резерве, внимательно наблюдая за происходящим. Стоявший во главе отряда сотник смотрел то на ставку командира, то на ряды его однополчан, так и не прогнанных под первым, самым сильным ударом. Нельзя было пропустить команды. В любой момент могли подняться сигнальные флаги. Но, флаги флагами, а и самому нужно думать, смотреть по сторонам.

Малонтийцы хотели смять врага, обратить его в бегство, ударив широким фронтом. Но не тут то было. Парайцы не растерялись. Стрелки быстро отстрелялись и освободили дорогу секироносцам, а сами, сместившись влево, ударили во фланг противника. Тяжёлая пехота мгновенно перестроилась в клин и ударила всей своей мощью.

Острые секиры легко разрубали толстые древки копий, которыми оцетинились малонтийские панцирники, позволив воинам подобраться к противнику вплотную. Секиры ударили в щиты, разнося их в щепу, рвали и вминали доспехи, кромсали живую плоть. Клин легко разорвал первую шеренгу, разметал следующую за ней лёгкую пехоту и ударил во второй ряд.

Неплохо шли дела и на правом фланге. Град стрел и дротиков легко остановил врага, а мечи храбрых воинов заставили малонтийцев шаг за шагом отступать назад. Пришло время конницы. Взметнулись два флага – первый со знаком конных сотен, второй со знаком полной атаки.

Тот час лесные сумерки извергли из себя стремительную конную лаву. Отчаянные всадники неслись вперёд, не жалея ни себя, ни коней. Время шло на мгновения, каждое из которых лишь играло на руку врагу. Он ни в коем случае не должен успеть перестроиться, не должен успеть поставить перед конницей стену копий.

Враг не успел. Конница на полном ходу врубилась во фланг, сметала на своём пути прогибавшиеся под ударами пехоты шеренги, сеяла вокруг себя панику. Малонтийцы ещё сопротивлялись, но уже очень неохотно. Ещё немного, и они обратятся в безудержное бегство.

Танис торжествовал при виде успеха товарищей, но в этот момент взгляд его упал на противоположный берег реки. Сердце екнуло. Вот и конница. Идут к броду.

– Конница! – закричал он в располагавшуюся неподалеку ставку командира полка. – Они на противоположной стороне! К броду идут!

– Бери обе сотни и встреть их на ручье! – закричал в ответ командир. – Давай быстро, сейчас на тебя вся надежда!

Послали сигнал и резерву с приказом занять оборону около брода. Кто знает эту конницу, может, через посёлок сунется. А секироносцы построились двумя шеренгами и быстрым шагом направились к берегу ручья. Всего две сотни шагов, не так много, чтобы бежать сломя голову. Всё равно противник ещё даже до брода не добрался.

Танис шёл на левом фланге первой шеренги и, уже на подходе к ручью, заметил, как между домов поселка замелькали бежавшие к броду воины легкой пехоты. Он облегчённо вздохнул – теперь их сбоку не обойдут.

– Стой, – скомандовал он своим.

Шеренги остановились на берегу ручья. Место весьма удачное, чтобы встретить в лоб конную лаву. Состоявший наполовину из песка, грунт легко осыпался под ногой, а дно ручья было вязким, словно горшечная глина. Здесь всадникам не ударить на всём скаку, придётся сбавить ход. Ну, а если они не сделают этого, что ж, им же хуже.

Малонтийцы начали переправляться. Шли красиво, держа строй. Кони, громко фыркая, с размаху влетали в реку, поднимая фонтаны брызг. Не боятся, да и что им бояться – брод то, наверняка, хоженный, знают, куда коней гонят. Их было около двух тысяч, не больше. Разделившись на два, примерно одинаковых отряда, они бросились в атаку. Одна половина устремилась в посёлок, прямо в ловушку. Наверняка, парайцы догадались засечь вдоль улицы с луками и арбалетами, учёные. Другая, развернувшись широким фронтом, ринулась на сотню Таниса.

– В охват возьмут, как пить дать, в охват возьмут, – бормотал сосед Таниса, нервно перехватывая секиру из одной руки в другую.

– Да разуй глаза, – отчего-то рассердился Танис. – Видишь, к самому ручью ограда идёт, огород там чей-то. Эти то пока не видят, да только сейчас их размах под нашу ширину аккуратно подровняется.

Так и случилось. Только-только раскинувшей свои фланги коннице пришлось входить в узкий проход между заросшим травой берегом реки и высоким забором из толстых жердей, сужая свой фронт. Но они не сбавили хода, а лишь сильнее настёгивали коней. То ли не знали, какой сюрприз им приготовил безобидный, с виду, ручеек, то ли рассчитывали перемахнуть его. Танис прикинул расстояние от противоположного берега до них – нет, не перепрыгнуть.

А малонтийцы мчались вихрем. Конный вал накатывался молча, ни единого крика. Ещё мгновение, и первые ряды конницы влетели в ручей и... Копыта несчастных животных провалились в ил и основательно завязли в нём. Ломая ноги, они, с истошным ржанием, падали, а их

седоки кубарем перелетали через лошадиные головы, едва не долетая под ноги солдат сотни Таниса.

Перед ними возникло кричащее, храпящее месиво из грязи, лошадиных и человеческих тел. Никто и не сдвинулся с места, чтобы врубиться туда своей секирой, этим уже хватит, они едва ли смогут держать в руках меч в ближайшие пару недель. Следующие ряды конницы успели остановиться, они скупились и встали на берегу коварного ручья, ожидая, пока им освободят дорогу.

– Эх, жаль, луков у нас нет, – вздохнул Танис.

Он подвёл первую шеренгу вплотную к ручью, чтобы не дать атакующим выйти на сушу. А противник, выждав немного, аккуратно, шагом, вошёл в воду. Они медленно приблизились к отряду Таниса. Взмахнулись тяжёлые секиры и, со свистом, обрушились на укрывавшихся за щитами малонтийцев. Страшные удары сразу выбили из седел десятка полтора-два всадников. Те попытались достать противника копьями, но их острия не могли пробить прочную кирасу. Лишь редкие удары попадали в сочленения лат на плече или локтевом сгибе, но тогда выручала кольчуга. А особо ловкие секироносцы умудрялись одновременно наносить одной рукой мощные удары и успешно отбивать надетым на левую руку небольшим стальным щитом все выпады конников.

Жза-г – щит Таниса со скрежетом отклонил сильный удар копья. В то же мгновение сотник сделал шаг вперёд, и удар его секиры обрушился на открывшийся при выпад бок всадника. Прочное лезвие без усилий прорубило кольчугу и нашитые на неё накладки из толстой кожи. Брызнула кровь, малонтиец жалобно вскрикнул и рухнул в ручей. На поле битвы стоял неимоверный шум, такой, что, порой, не было слышно свой голос, но в следующий момент Танис услышал:

– Берегись!

Он повернул голову влево – забрало сильно сужало поле зрения, и едва успел прикрыть голову щитом. Страшный удар меча разбил на куски щит, загудела онемевшая левая рука. Опешивший Танис уже ожидал следующего, возможно, смертельного удара, но мелькнула секира стоявшего рядом товарища и выбила из седла этого всадника. Сотник решил больше не искушать судьбу и сделал шаг назад, в строй.

Тяжело вооруженный пехотинец, несмотря на всю кажущуюся неуязвимость и мощь, не мог долго сражаться. Пришла пора поменять шеренги. Танис подал рукой сигнал, и воины второй линии втиснулись в первый ряд. Ещё мгновение, и стоявшие в первой линии, сделали три шага назад. Перестроение сделали так быстро и правильно, что враг не смог усилить своего натиска. Недаром их до седьмого пота гоняли на плацу, вдавливая премудрости этих маневров.

Танис перевёл дыхание. Всего в четырёх шагах впереди него кипел бой, а он чувствовал себя так, словно находился за сотню шагов от этой мясорубки. Но, не успел он отдышаться, враг дрогнул и начал пятиться назад.

– В атаку, – скомандовал Танис.

Теперь, несмотря на усталость, нужно было хорошенько надавить. Пока конница идёт шагом, пока пехота может её догнать, надо бить. Воины дружно шагнули вперёд, в ручей. Не обращая внимания на заливающую сапоги воду, они ускоряли шаг, чтобы достать набирающих скорость всадников. Враг отступал всё быстрее и быстрее, и секироносцы уже не успевали.

– Не угонимся – сотник уже начинал задыхаться от бега. Много в железе не побегаешь, особенно, если перед этим полчаса секирой махал.

Малонтийцы, добравшись до брода, развернули своих коней и, не оглядываясь, бросились наутёк. Бежали и те, кто пытался прорваться через посёлок. Видимо, лёгкая пехота хорошо сжала их на узких улочках деревеньки.

– Это победа, – проговорил Танис.

Он обернулся – там, около леса уже раздавались восторженные крики его однополчан.
– Победа!

Душа пела, самому хотелось и петь, и плясать от радости. Они одержали победу, парайский полк победил. Его первое сражение, и победа. Да и все остальные, кроме тех, кому уже было за сорок, впервые участвовали в сражении. Победа! Вокруг радовались, обнимались друг с другом люди. Танис рассеяно принимал поздравления, пожимал чьи-то руки. Он во все глаза искал Салиста, который должен был быть где-то в резерве. Устав, он присел на лежавшее у дороги бревнышко.

– Эй, Танис! – услышал он.

Салист со всех ног бежал к нему. Подбежав, он отдышался, хлопнул друга по плечу и присел рядом.

– Нет, ты видел? Ты видел, как они побежали у нас?! – восторженно заговорил он, не давая Танису и слова вставить. – Зашли в деревню, а мы их из-за всех углов, с крыш и дротиками, и стрелами, и всем, что под руку попадалось. А они хотели проскочить. Наивные. Завернули в сторону и уперлись в арбалетчиков. Те – залп. И полсотни сразу с коней на землю. Развернулись и деру дали.

– То-то они и у нас побежали, – усмехнулся Танис. – Испугались, что вы им в зад зайдёте.

– «Сбор» играют, идём, – Салист услышал доносившиеся с поля сигналы горна.

– Ну, пойдём.

Танис собрал свою сотню, которая, тоже, расположилась на отдых неподалеку, и направился к ставке.

Полк отдыхал до полудня. За это время воины привели в порядок себя и своё снаряжение, похоронили у лесной опушки убитых – парайцы потеряли сто пятьдесят три человека, малонтийцев насчитали шестьсот двенадцать тел. Тяжело раненых, а их было ровно тридцать, оставили в посёлке на попечение местных жителей вместе с охраной из десятка солдат. Остальные же, в полдень, построились в колонну и двинулись дальше, к Малонто.

8

Девушка ещё не открыла глаз, но уже начала жалобно стонать, тереть виски.

– Я сейчас её обратно отправлю, – Николай шагнул к ней, взялся за медальон. – Вот чёрт, – выругался он и, в сердцах, пнул попавшийся под ногу гриб.

– Что такое? – встрепенулся Иван Сергеевич.

Тот показал медальон. Он был серым.

– М-да, – покачал головой Стрижевский.

– Что с ним? – испуганно спросил Саша.

– Теперь он заработает, когда ему вздумается, – пояснил Николай. – С тем так же было. Пока мы не можем воспользоваться им.

– А я думал, это только у Давыдова медальон такой был. Ладно, девушка с нами пойдёт. Надеюсь, ей понравится это путешествие, – Иван Сергеевич подошёл к Тане и слегка потряс её за плечо. – Кстати, посмотри, может, что на нём написано?

– Думаешь, прочитатъ смогу? – пожал плечами Николай, но, всё-таки, посмотрел. – Эх ты! А я понимаю, что написано здесь! И кое-что здесь есть... ха! Инструкция!

– А я и не сомневался. Что хоть там?

– Ну, если вкратце, то этот медальон набирает силу за двадцать восемь дней, придерживается лунного цикла, так сказать.

– Мы здесь на месяц?! – схватился за голову Саша.

– Спокойно, парень, твой подруга уже открывает глаза. Поговори-ка с ней, объясни, что к чему.

Таня открыла глаза, огляделась. Александр заметил, как в них появился сильный испуг. Ещё мгновение, и она просто вскочит и побежит, куда глаза глядят. Он, тот час, подсел рядом, взял её руку в свою и улыбнулся.

– Где я? – спросила девушка, поняв, что находится совсем не там, где была несколько минут тому назад.

– Ну, я сам не очень знаю это, но попробую объяснить. Надеюсь, мой отец поможет мне.

Таня встала, отряхнула джинсы от прилипшей старой хвои.

– Ещё минуту назад мы были у тебя дома. Потом вспышка, и я ничего не помню. А сейчас... сейчас вокруг лес.

– Помнишь, мы как-то говорили о родителях. Я говорил, что у моего отца, иногда, – он оглянулся – Стрижевский погрозил ему кулаком. – Иногда едет крыша, он начинает рассказывать сказки об Острове.

– Ну, помню, было такое.

– Мы на Острове.

– Где?! На том, про который твой отец говорил?! Но это... бред какой-то, ты разыгрываешь меня, – она закатила Александру хорошую пощёчину.

– А вспышка? – Саша потёр щеку. – Припомни, есть ли около моего дома такой лес?

– Это невозможно.

– Таня, успокойся, – заговорил Иван Сергеевич. – Возьми себя в руки. Если ты не веришь, что очутилась на Острове из наших сказок, то скоро тебе придётся поверить в это. Доберёмся до какого-нибудь города, и ты сразу поверишь.

– Хорошо, допустим, – она ущипнула себя за руку – нет, не сон. – Но мы здесь надолго?

– Всего лишь на месяц.

Николай бесцеремонно прервал грозивший затянуться разговор.

– Хватит болтать. Идти пора. Нужно к ночи в городе быть, чтобы в лесу не ночевать. Тебя, Таня, переодеть нужно будет, а пока возьми плащ, если что, прикроешься, а то твои джинсы и кроссовки не подходят для этих мест.

Таня взяла плащ, растерянно посмотрела на себя, затем на спутников, и только сейчас обратила внимание, что они одеты далеко не так, как требует современная мода.

– А где мы денег то возьмём, чтобы одежду купить, чтобы в гостиницах останавливаться? – уныло спросил Александр.

В ответ, Иван Сергеевич достал из потайного кармана два больших кристалла искусственного рубина.

– Снова за старое? – засмеялся Николай.

– Проверенный способ.

Они наугад выбрали направление и двинулись в путь. Найти хотя бы дорогу, или тропку. А там и до жилья недалеко, там люди, у которых дорогу в столицу прознать можно будет.

Шли долго, но по-прежнему вокруг стояли только лишь сосны. Правда, мягкий зелёный мох сменился на серый. Хоть от болота отошли. То и дело останавливались, чтобы поесть черники, встречавшейся на пути в неглубоких ложбинках. Сладкая, ароматная ягода так и соблазняла задержаться подольше, но Стрижевский всякий раз едва ли не за шкурку оттаскивал от черничника. Несколько раз попадались дикие звери. Пару раз, к счастью вдалеке, ломая кусты, пробежали кабаны. Видели лося – тот, заметив человека, сразу ринулся подальше, в чащу. Видали и медведя. Хозяин леса с аппетитом уплетал душистую малину и не заметил их, а путешественники благоразумно ретировались.

Давно миновал полдень. Подкрепившись консервированной ветчиной и соком, передохнув немного, четверо пошли дальше. Уже начинали болеть непривычные к долгой ходьбе ноги, зудели, покусанные злющими комарами, руки.

– Куда мы идём? Мне надоел этот лес, эти комары, – ныла Таня. – Я обратно хочу, домой. Угораздило меня придти к тебе, Сашка.

– Перестань, скоро куда-нибудь да выйдем, – зло оборвал её Стрижевский, хотя прекрасно понимал недовольство девушки. Ему самому совсем не нравилось то, что до сих пор не видно и следа человека, не то, что бы тропинки или дороги.

– Если мы попали к востоку от озера, можем долго проплутать, – тихо сказал Николай на ухо Ивану Сергеевичу.

– Ничего, припасов у нас на пять дней хватит, куда-нибудь выйдем.

Вдруг впереди показался просвет. Все прибавили шаг, казалось, что там конец их мучениям: дорога, а то и деревня или даже город. Но это была лишь река, точнее речка, несущая свои тёмные воды между обрывистых, поросших тальником берегов.

– Река, всего лишь река, никакая не дорога, – разочарованно произнёс Александр. – Вернее, ручей. Можно перепрыгнуть и пойти дальше, едва ли мы на его берегу найдём людей.

– Подожди, распрыгался, прыгун, – проворчал Стрижевский. – Идём вниз по течению, маленькие речки впадают в большие, а на их берегу полно деревень. Да и на этой, может, стоит что-нибудь.

Возражать никто не стал. Повернули и пошли вдоль берегов, продираясь сквозь заросли, стараясь не уходить далеко от русла. Им повезло. Прошло лишь около двух часов, и путешественники вышли к опушке леса.

– Стойте, осмотреться надо, – Николай достал небольшой бинокль.

Впереди простиралось широкое пшеничное поле, ограниченное с трёх сторон рекой и лесом, а с четвёртой, небольшим, дворов в двадцать, посёлком.

– Вот и дошли. Идём туда, – Николай убрал подальше бинокль. – Какие ни есть, но люди. Попробуем узнать у них, как добраться до Флардии, заодно постараемся выпросить одежды для Тани.

– Идём, – легко согласился Иван Сергеевич.

– А на нас не нападут? – в один голос спросили Александр и Таня. Они не разделяли оптимизма спутников.

– Так ведь мечи есть, – усмехнулся Стрижевский. – Да не бойтесь, в деревнях народ тише воды, ниже травы.

В любом случае, делать больше было нечего, и путешественники направились к домам по протоптанной вдоль берега реки тропке. Вокруг не души, можно не таиться, но когда они уже подходили к окраине, из пшеницы на тропинку выскочили, размахивая палками, трое мальчишек, лет десяти-двенадцати. Увидев чужаков, они не испугались, но замерли, опустив свои «мечи», с любопытством уставившись на них. Чем-то эти четверо расположили к себе детвору, и они даже заулыбались. Путешественники, не зная, что и предпринять, тоже изобразили на лице глуповатые улыбки. Наконец, один из мальчишек, видимо, постарше остальных, подошёл ближе и спросил:

– Лантело лим а катен?

В этот миг Александр, да и все его спутники почувствовали, себя так, словно окунулись в дурманящий туман. Мысли поплыли, как будто рассудок вот-вот помутится. Но в следующее мгновение всё прояснилось, стало чётким и ясным.

– Ой, – Таня зажала рот ладошкой. – Я говорю на этом языке.

– И я тоже, – растерянно пробормотал Саша.

– Что, обалдели? – спросил Стрижевский на языке Острова. – Я тоже был просто в шоке, когда мгновенно освоил этот язык во всех его тонкостях.

– Куда вы идёте? – спросил снова мальчик.

– Послушай, дружок, а ты не мог бы проводить нас к своим родителям? – спросил Николай. – Мы тут заплутали, хотим найти дорогу в столицу.

Мальчишки о чём-то пошептались между собой и, с важным видом, взяв за руки незнакомца, повели его к посёлку.

Домики в деревне стояли совершенно беспорядочно, словно людей совсем не интересовала прямизна их главной улицы. Вокруг них не было никаких оград, их отделяли друг от друга протоптанные пыльные тропинки. Вокруг было немногочисленно, в основном дети, да и те копошились в зарослях смородины, кусты которой росли у каждого дома.

– Где все взрослые? – спросил Николай.

– А кто где. Одни в лес ушли, охотиться, ягоды и грибы собирать, другие в столицу поехали, остальные на поле работают, не на том, где мы сейчас были, на другом, с той стороны, – мальчик неопределённо махнул рукой. Затем указал пальцем на добротный бревенчатый дом и добавил. – Я здесь живу.

На крыльце этого дома сидел человек. Лицо его окаймляла небольшая русая бородка, небольшие морщины пересекали лоб и щеки. На вид ему было лет пятьдесят, правда, если сбрить бороду, можно дать на десяток меньше. Они подошли ближе.

– Здорово, дядя Брон, гостей привёл, – мальчик бросил руку Николая и подбежал к мужчине.

– Привет, малыш, – ответил он, в то же время, пристально глядя на гостей.

Услышав эти два слова, Николай похолодел – голос был ему знаком. Да и глаза мужчины, его лицо, хотя и постаревшее, были знакомы.

– Да это же Эйнар, – прошептал Стрижевский. – Это он!

Николай подошёл ближе и, присев, негромко проговорил:

– Здравствуй, Эйнар.

Тот вздрогнул, но, быстро совладав с собой, промолчал, продолжая пристально рассматривать гостей.

– Ты не узнаешь меня, – Николай указал на Стрижевского. – Или его?

– Твоё лицо мне знакомо, очень знакомо, – проговорил, наконец, Эйнар. – Пытаюсь вспомнить, где я видел тебя.

– Я помогу тебе. Это должно быть тебе знакомо, – Коля достал из-под рубашки медальон.

– О боги! – Эйнар попытался подняться, но не смог, задрожавшие ноги отказались ему повиноваться. Из поблёкших глаз брызнули слёзы. – Иван, Николай! Это... это вы?!

Он закрыл лицо руками и зарыдал, ухватившись за руку смущённого мальчика, который никак не мог понять, что же произошло с дядей Броном.

– Как я рад видеть вас снова. Уже не надеялся, что увижу хоть кого-нибудь из друзей, а тут вы! И кто бы мог подумать! Медальон короля ведь превратился в прах в тот вечер, когда он вернулся после того, как отправил вас назад.

– Мы нашли утерянный жрецами Лабeka в нашем мире медальон.

– А это? Это ваши дети? – Эйнар пристально посмотрел на Таню, и губы его вновь задрожали, а по щеке скатилась слеза.

– Парень мой, Александром зовут, – ответил Николай. – А девушка – подруга его, Таня. Решил воспользоваться случаем, показать им этот мир, а то они упорно не хотели верить в наши рассказы. Познакомлю их с тобой, с Сашей и Анной.

Лицо Эйнара вдруг исказила болезненная гримаса.

– Вы ведь ничего не знаете, что случилось здесь, – глухо проговорил он и начал свой рассказ о событиях последних месяцев.

Николай и Иван Сергеевич растерянно оглядывались друг на друга. Лица их были бледны, словно мел, слова застревали в горле. Да и что говорить, всё перевернулось, и теперь их путешествие может закончиться не просто плачевно.

– И что делать? – спросил Сартаков, сам не зная кого. – Что нам сейчас делать? Что мы можем предпринять?

– Сейчас не те времена, – ответил Эйнар. – Здесь нет врага, как тогда. Все считают, что Эдвард – законный правитель. И многие поддерживают его. Лишь Сибия закрыла свои перевалы. Что вы можете сделать? Армия за него – он щедр на обещания и, похоже, приложит все силы, чтобы их выполнить. Насколько я его знаю, парень он умный и упорный, но жестокий и беспощадный. Многого сможет добиться, если не озлобит народ.

– Ты так говоришь о нём? После того, что он натворил.

– А как ещё о нём говорить? Говорю то, что есть. Я ненавижу его, но говорить про него неправду не могу. Хотя бы потому, что вы теперь будете знать, с кем столкнётесь, если решитесь искать справедливости.

Эйнар замолчал, но было видно, что он хочет спросить что-то ещё. Так и не решившись, он, немного неуверенно, проговорил:

– А я вот, как получил в спину тремя мечами, так едва хожу. Знахарка, правда, говорит, что за год-полтора поправлюсь... Повезло. Эх, да что мы на пороге стоим, давайте в дом пройдем. Хозяйка скоро придёт, накормит вас, да и Таню переоденем.

Эйнар с трудом, преодолевая сильную боль, встал на ноги и, опираясь на палку, осторожно, выверяя каждый шаг, поднялся по ступенькам и вошёл в дом. Путешественники прошли за ним через забитые одеждой и прочим хламом, сени и оказались в просторной, светлой комнате. Слева, рядом с окнами, стоял большой дубовый стол, вокруг которого располагались лавки и табуреты. Справа, рядом с дверью, вела наверх крутая лестница, за которой находилась печь. Полы и обшитые досками стены были отмыты так, что блестели, словно зеркало. Сразу чувствовалась хозяйская рука. Если в сенях и был небольшой беспорядок, в самом доме каждая вещь лежала строго на своём месте. Все разулись рядом с дверью, оставив обувь на сплетённом из лыка половике, и прошли за стол, где продолжили разговор.

– Надолго здесь? – спросил Эйнар.

– Медальон будет накапливать силу двадцать восемь дней, – ответил Николай. – Так что, хочешь или нет, а придётся побыть на Острове с месяц.

– Не решили, что делать будете?

– Пока не знаю. Хотелось бы попутешествовать, поглядеть города...

– Опасно это сейчас, – Эйнар вдруг указал на Таню своим узловатым пальцем. – Особенно с ней.

– Это почему же?! – возмутился молчавший до сих пор Александр.

– Она, как две капли воды, похожа на Литу – мою дочь. Я сам, когда увидел вас, просто обомлел, издали увидел, подумал – она. Но ближе, если приглядеться, глаз отца заметит различия. Пригляделся, понял, что ошибся. Только вот другие не заметят разницы.

– А ты и виду не подал, – усмехнулся Стрижевский.

– Я умею сдерживать свои эмоции. Да, по поводу ваших мечей. Во-первых, с такими вас засмеют – в ходу длинные и узкие. А во-вторых, запрещено сейчас мечи носить, особенно в городах. Да и вне городов, если заметят, тоже неприятностей не оберёшься.

– Ну и порядки пошли.

– Если вы, всё-таки решитесь попутешествовать, рискну предложить вам вот что.

– Мы тебя слушаем, – Николай придвинулся ближе.

– Сейчас Анна, а вместе с ней Сантилия и Лита в Малонто. Найдите их и заберите с собой. Здесь нечего больше делать. Обещаете?

– Хорошо, Эйнар, мы сделаем это, – не раздумывая, согласился товарищ. – Но как же ты? Может, и тебе отправиться с нами?

– Нет, друг мой. Я оправлюсь от ран и тогда припомню Эдварду всё, что он сделал.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась женщина лет сорока. Моложавая, розовощёкая, она приветливо улыбнулась гостям. Те дружно поздоровались в ответ, вскочив со своих мест.

– Вот, Айяра, нашли меня старые товарищи, – сказал Эйнар.

– Ну, старые – это ты слишком уж загнул, – засмеялась та, поглядывая на Александра. – Может, хоть познакомишь с друзьями, а, Брон. А то встал столбом, растерялся, что ль?

9

– Александр, пришло время молитвы, – в келью вошёл одетый в сутану Валиар. – Нам нужно спуститься в храм.

– Сейчас, подожди, – Саша тяжело поднялся с постели, держась рукой за стену. – Скажи мне, что чувствуешь, когда молишься самому себе?

– Может мне занять место идола? Мне, Валиару, стать образом для молений?

– Но ты же не Валиар.

– Нет, ты ошибаешься, я Валиар. Это *тело* зовут Валиар.

Саша пожал плечами. К чему вести бесполезный спор. Он одел такую же, как у остальных монахов, чёрную сутану и вышел в коридор. Оба монаха спустились по лестнице в подземный храм. В огромном тёмном зале стояла ярко освещённая со всех сторон факелами золотая статуя Лабека. У её подножия уже распростёрлись на истёртом каменном полу около сотни монахов.

Валиар и Александр расположились в стороне от толпы. Морщась от боли, оба тяжело встали коленями на пол.

– И что делать? – шёпотом спросил Давыдов.

– Молись, – последовал ответ.

– Но... Но я же не могу молиться тому, кто сидит рядом со мной и молится сам себе.

– Здесь каждый молится так, как хочет. Совсем не обязательно возносить молитву Лабеку.

Последовало молчание. Валиар что-то шептал, едва шевеля губами. Что говорил он? Кто знает. Саша подумал об Анне. И почему его держат в этом проклятом храме? Он должен быть там, где его друзья. Они вместе смогут здесь горы свернуть и, тем более, поставить на место зарвавшегося Эдварда, этого ублюдка из рода трактирщиков. Найти бы только настоящего сына.

– Почему я должен оставаться монахом? – прошептал он на ухо Валиара.

– Так нужно.

– Так нужно? Опять эти игры? В прошлый раз ты подсунил мне медальон, сводил с ума проклятыми снами. Не мог найти себе игрушку здесь? А что же в этот раз, какую игру затеял опять, бессмертный?

– Я мог найти другого и здесь, – немного помедлив, недовольно проворчал Валиар. – Но едва ли этот другой смог сделать то, что сделал ты в Чёрном ущелье и на фарнадском поле.

– Отчего же? Чем я такой особенный?

– В других нет той силы, которая переполняет тебя.

– Сила? Во мне?! Почему? С чего во мне эта сила?

– А дело в том, дорогой мой прапрапраправнук, что я – твой далёкий предок, правнук которого застрял в вашем мире. Что? Не ожидал услышать это? Или, думаешь, всё так просто – живёт простой смертный, и раз, ему с небес падает слава и богатство? Такого не бывает. Только по очень большому благу.

Александр хотел что-то сказать в ответ, но так и застыл с отвисшей от изумления челюстью. Не каждый день узнаёшь подобное. Но, совладав с собой, он, всё же, спросил ещё раз:

– Что же мне делать?

– Ждать, пока – ждать.

Давыдов махнул рукой и отвернулся. Кто знает, что ещё откроется, если он продолжит задавать Валиару вопросы. Может, лучше не знать всех секретов, будь, что будет? Хотя, он прав. К чему суета, зачем покидать эту безопасную, гостеприимную обитель. Для всех он умер. Но придёт время, и он обязательно вернётся к той, что любит его. И обрушится справедливое возмездие на головы всех предателей.

10

Длинной пыльной змеей полк выходил из леса. Впереди простиралось, прорезаемое синей лентой реки, поросшее густой, высокой травой поле. Протоптанная дорога вилась вдоль берега по направлению к проступавшему сквозь туманную дымку силуэту города. До него оставалось всего мили полторы. Полк не дошёл до городских стен на два-три полёта стрелы и расположился лагерем.

Пока солдаты ставили палатки, Танис и ещё несколько офицеров прошли вдоль городских укреплений. Держась подальше – мало ли лучник меткий на стене их подкарауливает – они прошли до самого берега, не пожалев на это полтора часа времени. Как Танис и ожидал, ничего особенного укрепления собой не представляли. В центре невысокой, около трёх человеческих ростов, стены, находилась арка, под которой река втекала в город. Рядом с ней – деревянные двустворчатые ворота.

– Даже железом обить не удосужились, – проворчал кто-то.

Далее, вправо и влево, следовал ряд стен, в которых, через каждые сто шагов, находились башенки. Затем, стены взбирались на сжимающие по краям город, холмы, охватывали их вершину, после чего поворачивали и спускались к берегу моря уже обычным высоким деревянным забором. Не крепость, а какое-то недоразумение.

Вернувшись с прогулки, Танис встретился с Салистом, подробно рассказав ему о увиденном.

– Они же за этими стенами и дня не продержатся, – поразился тот. – Я, конечно, слышал, что укрепления здесь мощью не отличаются, но чтоб так!

– Укрепления укреплениями, да только сил у них поболее наших будет.

– Да ладно. Что их силы против нас. Забыл, что ли, как мы их сегодня утром побили.

– Но только в этот раз нападать нужно нам, а они за какими-никакими, но за стенами.

Темнело. Неестественно огромный, кроваво-красный солнечный диск зашёл за холм, и мрачная тень накрыла всю долину и город. В лагере зажигались костры – наступил желанный для всех солдат час ужина, после которого не будет ни занятий, ни работ по обустройству лагеря. Будет отдых, если только ты не стоишь на страже и не несёшь наряд. Солдаты собрались около костров, слышался весёлый, беззаботный смех, разухабистые песни. Отряд отдыхал от того, что накопилось за день. Лишь заступившая в охранение сотня, окружив живой стеной лагерь, вглядывалась в даль сквозь сгущающиеся сумерки.

На следующее утро свежий северо-западный ветер сменил тёплую августовскую погоду на мелкий, морозящий дождь, многим подпортивший настроение. Пришлось делать навесы, и уже под ними разводить костры.

Впервые за последние дни Танис ощутил на себе чей-то долгий и пристальный взгляд. Мгновенно очнувшись от дрёмы, он обернулся на соседний костер. Там сидели те самые пятеро. Четверо что-то поджаривали на углях – видимо разжились в лесу какой-то дичиной, а пятый, исподлобья, смотрел на Таниса, буравил его взглядом своих чёрных, словно ночь, глаз.

– Следят? – раздался рядом голос Салиста.

– Следят, – ответил Танис, подвинувшись в сторонку, чтобы дать другу присесть рядом с огнём.

– Ты только скажи, мои головорезы прикончат их в первом же сражении.

– Зачем? Я же пока ничего плохого не сделал.

– Думаешь, их это волнует? Они найдут повод, даже самый пустячный, чтобы добраться до тебя.

– Не беспокойства, Салист. Они пока для меня не опасны.

– Как знаешь.

День прошел без происшествий. Так же тихо и спокойно прошли и последующие три дня. Парайский полк мок под непрекращающейся моросью в поле, а гарнизон Малонто так и не предпринял ни единой вылазки. Лишь часовые прохаживались по стенам, с любопытством взирая с высоты укреплений на противника. На четвёртый день небо прояснилось. Стояла тихая, чудная погода, море было спокойно, как никогда. В этот день из-за левого холма донеслось пение боевых труб. А вскоре, большой отряд поднялся на вершину и начал спускаться в долину.

Танис даже издали видел, что это шествие возглавляют всадники в дорогой, украшенной золотом и серебром, броне. Следом за ними поспевали знаменосцы, державшие в руках знамёна с гербами и гордыми девизами. Самым первым ехал воин, закованный в воронёные доспехи со сверкающей на них золотой насечкой. Над ним реяло красное знамя с силуэтом атакующего жертву чёрного ястреба.

– А вот и король Эдвард, – пробормотал Танис. – Лично пожаловал.

– Повезло им, – Салист вновь был рядом. – Море спокойное, около города высадились.

– А их много. Рыцари, тысяча точно будет. Как же без них, этим соплякам то дома скучно, развлечься пришли. А там, смотри-ка! Точно, флардийский полк. Даже их сюда притащили. Вот дела!

О флардийском полку ходили всяческие слухи. Что-то – правда, что-то – безбожное враньё. Попасть в него было почти невозможно. Брели туда лишь тех, кто узлами завязывал гвозди и разгибал подковы. Как на подбор, все солдаты были силачами ростом под два метра и выше. Из-за этого и считали этот полк страшной, непобедимой силой.

Конечно, в отличие от парайцев, он пока ещё не принимал участия ни в одном сражении, но людская молва про это и не упоминала. Много разговоров было и о выучке солдат, умевших совершать перестроения так, словно каждый был винтиком этого механизма. Да и о доспехах и вооружении. Все, как один, были закованы в лучшую броню, ковавшуюся для них в кузницах королевского дворца, и вооружены, подобно солдатам Таниса, секирами.

Подкрепление расположилось на противоположном берегу реки. Центр лагеря занимал огромный шатёр короля, вокруг которого расположились шатры поменьше, где обосновались дворяне. По периметру поставили свои палатки солдаты и офицеры флардийского полка. Лагерь разбили, на удивление, быстро, всего за час. И, едва это было сделано, король, не теряя времени, созвал на совет всех, начиная от тысячников. Сотников не позвали, хотя, раньше любой совет не обходился без их участия. Танис, правда, даже не расстроился – не велико удовольствие. Страдающие от продолжающегося безделья, он и Салист расположились на берегу реки с удочками в руках.

– Ну вот, теперь город точно долго не продержится, – Салист зевнул. – Даже знаю, как действовать будем. Наш полк захватит ворота, а потом этих запустят чистить улицы от тех, кто рискнёт сопротивляться. Правда, не думаю, что найдутся такие безумцы.

– Умгу, – лениво пробубнил Танис.

– Хотя, может, и с переговоров начнут.

– Наверно.

– А те, думаю, сдадутся.

– Так что войне конец.

– Точно, конец.

Королевский совет продолжался долго, офицеры уже начинали нетерпеливо ёрзать на жёстких скамьях, а король и советники продолжали говорить. Говорили, в основном, между собой, и военные недоуменно переглядывались – их то для чего позвали.

Солнце начинало клониться к закату, когда в лагерь, наконец, вернулись командир полка и тысячники. Он приказал позвать к себе Таниса и, когда тот пришёл, сказал:

– Собирай свою сотню, пойдёшь в сопровождении.

– В Малонто? Переговоры?

– Да, они самые, – поморщился командир. Он не стал рассказывать сотнику, что послать его, Таниса, была идея короля. Решил припомнить ему то, что произошло в столице? Будем надеяться, что нет. Жаль потерять парня, ему прямая дорога в военные советники, лет эдак через двадцать.

Пока сотня Таниса собиралась, начищала доспехи и секиры – сопровождать посланника, миссия почётная, не дай бог на железе будет заметно хоть одно маленькое пятнышко ржавчины – с противоположного берега, на раздобытой где-то лодке, переправилось посольство. Советник короля – Самит и трое дворян. Все одеты в доспехи, причем не в бестолковые парадные, а настоящие, боевые. Пояс каждого оттягивали ножны с мечами, опять же не с красивыми, усыпанными камнями, игрушками, а ничем внешне не примечательными. Правда, достаточно было одного взгляда знатока на их лезвия, чтобы понять, что это за клинки.

Сотня Таниса собралась и построилась на дороге к городу в колонну. Послы одолжили у парайцев коней и, встав во главе отряда, пошли к воротам. Самит держал в руках древко с большим белым полотнищем, размахивая им, чтобы привлечь внимание на стенах.

К удивлению Таниса, в город их пустили без лишних разговоров и расспросов. Малонтийцев даже не смутила целая сотня панцирников, а ведь и ребёнок бы понял, что этим только дай уцепиться за ворота, и они точно смогут продержаться до подхода основных сил. Ворота бесшумно распахнулись, отряд прошёл в них и очутился на довольно большой, вымощенной камнем, площади. С трёх сторон её окаймляли добротные каменные дома в два, а то и в три, и даже в четыре этажа, а слева ограничивала заключённая всё в тот же камень река.

Их уже ждали. Трое офицеров гарнизона Малонто стояли в центре площади. Никаких приветствий, лишь короткий, сдержанный кивок головы, никакой враждебности – лица воинов были спокойны и бесстрастны.

– Мы проводим вас, – сказал старший и, развернув коня, направился по идущей вдоль берега улице.

Танис изумлённо вертел головой по сторонам. Город показался ему очень красивым, не то, что их парайское захолустье. Правда и там дома строили в основном из камня, но они были какими-то неуклюжими и слишком разными. Каждый старался перещеголять соседа, отчего любая улица напоминала винегрет.

Здесь же всё совсем по-другому. Всё строго, всё чётко продумано, ничего лишнего, никакого разнобоя. И, хотя всё делали из одинакового жёлто-серого камня, это не казалось однообразным. Конечно, дома не были одинаковыми, разнообразия и здесь хоть отбавляй, но каждое отдельное здание дополняло, подчёркивало соседнее, составляя вместе прекрасную архитектурную композицию. Вдоль домов росли красивые и пышные, ухоженные деревья, в основном липы, причём каждое было окаймлено бордюром.

Дорога повторяла лёгкие изгибы реки, казалась её дополнением. Они никуда не сворачивали, так и шли до тех пор, пока не вышли к морю. Приморская набережная представляла собой огромную площадь. Длинные каменные пирсы, около которых стояли пришвартованные суда – военные, торговые, уходили от неё в море. С противоположной стороны находился дворец – огромное четырёхэтажное здание, фасад которого украшали бесчисленные колонны.

– Можете пройти туда, – проговорил малонтиец. – Из охраны дозволено взять собой десяток солдат и офицера. Остальным велено ждать на площади.

Недолго думая, Танис отобрал тех, кого давно знал и в ком был уверен, как в себе и направился во дворец следом за послами. Их провели на третий этаж, где располагался зал для аудиенций. В большой, светлой комнате стоя длинный стол. За ним, вдоль противоположной

от двери стороны уже сидели три женщины и пятеро мужчин. За их спинами стояло два десятка солдат с мечами наголо. Хотели показать, что владеют ситуацией или, действительно, боялись подвоха? Танис так и не понял, да и не стал забивать свою голову подобной ерундой. Послы сели, а он со своими людьми расположился сзади, внимательно следя за малонтийцами.

– Приветствую тебя, Самит, – проговорила сидевшая в центре женщина.

Она поразила Таниса тем, что нельзя было догадаться об её возрасте. Внешне, незнакомка выглядела лет на тридцать-тридцать пять, даже слегка поседевшие пряди в висках не меняли такого ощущения. Но её глубокий, сильный голос и поразительные, мудрые глаза говорили о том, что она прошла долгий и трудный жизненный путь.

– Привет тебе, Анна.

– Королева Анна, – строго поправила она. – От трона я ещё не отреклась.

Самит даже не отреагировал на это замечание, словно пропустил его мимо ушей.

– Так в чём же цель вашего визита? – продолжала королева.

Танис тем временем перевёл взгляд на сидевшую справа от Анны. Это была Сантилия. Несмотря на возраст, она оставалась по-прежнему очень красивой, обворожительной, каковой и была в прошлом. Но лицо её дышало печалью. Танис заметил, что она даже не вслушивается в разговор королевы с послом, а безучастно смотрит в стену.

– Наша цель – уладить недоразумения, которые возникли между вами и вашим царственным сыном, – распинался Самит. – Он жаждет вернуть вас во дворец, чтобы вы вашей мудростью и опытом помогли ему править страной. Он не будет и против того, чтобы с вами вернулись госпожа Сантилия, – Самит нарочно упустил титул, – и прекрасная Лита, законная супруга нашего повелителя.

Лита. Она во все глаза смотрела на него. Танис нервно сглотнул и бросил на неё быстрый, робкий взгляд. Ослепительно голубые глаза девушки словно прожигали его насквозь, а окаймлённое светлыми, золотистыми волосами, прекрасное личико слегка порозовело от волнения. Душа Таниса, наверно, впервые в жизни, попросту ушла в пятки.

Разговор, тем временем, продолжался. Теперь в нём участвовали не только Анна и Самит, но и пришедшие с Саммитом дворяне и малонтийские нобили – члены совета, который правил независимым Малонто.

Отвлекаясь на мгновение, Анна заметила, как Лита пожирает взглядом молодого, вполне привлекательного офицера в сопровождении послов.

– Лита, – шепотом проговорила она. – Что с тобой?

– Вон тот офицер, – так же тихо ответила девушка. – Я никак не могу оторвать от него своего взгляда. Что-то в нём манит меня, притягивает, словно бабочку к огню.

Анна внимательно посмотрела на молодого человека. Тот почувствовал её взгляд, их глаза встретились.

– О, боги, – Анна вздрогнула и тихо, почти про себя, проговорила. – Не может быть. Я узнаю эти глаза, глаза Александра. Это ни с чем не спутаешь, этот взгляд... Быть может это всё-таки он, мой сын? Увидеть бы его плечо. Если там есть знак, это он.

– Вы что-то сказали? – спросила Лита.

– Ничего, девочка моя. Ничего.

Танис вздрогнул, когда глаза королевы встретились с его глазами. Сначала он даже испугался, почувствовав на себе строгий, даже суровый, взгляд, но он вдруг резко изменился, странно потеплел. Почему-то, Танис в этот миг почувствовал огромную симпатию к смотревшей на него женщине. Он сам не знал, что с ним происходило, каким колдовством опутали его, но ощущал направленную на него доброту, и ему хотелось платить ей тем же. Это продолжалось всего лишь мгновение. Королева едва заметно улыбнулась и продолжила разговор.

– Итак, подытожим, – проговорила Анна. – Ваше предложение – разоружение всего гарнизона и подчинение нобилитета Эдварду.

– Королю Эдварду, – поправил было Самит, но осёкся.

Анна поднялась с места, гневно посмотрела на него.

– Во-первых, он не король, верховный жрец храма Лабека ещё не возложил на его голову корону, а во-вторых, он не может быть королем, поскольку он не королевской крови.

Все остоленели. Конечно, это мало для кого было секретом, многие знали эту историю, но чтобы заявить так, на переговорах. Дворяне вскочили со своих мест, схватились за мечи, но королева бросила на них такой взгляд, что они смутились и поспешили сесть на свои места.

– Продолжим. Я, Сантилия и Лита вернёмся в столицу, где мне предстоит отречение от престола. Вроде бы, всё.

– Совершенно верно, – подтвердил Самит. – Это все наши требования. Обдумайте, но учтите. На ваш отказ король Эдвард применит силу.

– Хорошо, я всё поняла. Мы обдумаем и пришлём вам ответ завтра утром, – Анна резко поднялась и вышла из зала. Следом за ней вышли и остальные малонтийцы.

Самит устало утёр со лба пот, окинул взглядом пустой зал, затем бросил странный взгляд на Таниса и тихо сказал:

– Стерва. Ну ничего, припомним ей эти переговоры. Ладно, идём обратно.

Час спустя, пройдя той же дорогой, отряд вернулся в лагерь.

Эдвард немедленно принял Самита в своём шатре. Усадив его рядом с собой, он налил ему кубок вина.

– Рассказывай.

– Особо нечего рассказывать. Все гладко прошло. Сразу они ответ не дали, попросили времени до утра, но, мне кажется, они сдадутся. Она умная женщина, давно поняла, что против нашей силы им не выстоять.

– Это хорошо. Если они отправятся со мною в Флардию, то может и Эйрен в Лаурде прекратит свои чудачества, да Брон в Фарнадо перестанет дуться.

– Они – может быть, – согласился Самит. – Но Сибия – никогда. А ведь туда ушло три полка, причём не худших.

– Сибию я не трону. Связаться с ней – обречь себя на тяжёлую войну, которая сейчас никому не нужна. Это тебе будет не прогулка по малонтийским лугам.

Заметив, что Самит выпил вино, он подлил ему ещё.

– Как Танис вёл себя?

– Анна и Лита во все глаза смотрели на него. Может, узнали?

– Едва ли, хотя, сердце матери, говорят, всегда признает родную кровь. Знаешь, я не хочу никаких осложнений. Найди повод, арестуй этого Таниса и отправь гребцом на мою галеру. Иди.

Самит кивнул головой, допил вино и вышел из шатра.

11

Айяра снарядила путешественников всем необходимым. Дала Тани подходящую одежду, а чтобы путники не голодали, дала им вяленого мяса и хлеба. Эйнар надавал кучу советов, из которых следовало, что сейчас лучше идти не в Мил, где полно военных, а в Фаон.

– Там тихо должно быть, спокойно. Ювелирам местным легко продадите свой камушек и наймёте целый корабль. Только держитесь подальше от больших дорог.

Уже два дня они были в пути. Сначала Стрижевский хотел идти по тракту из столицы в Альвару, но там, как и предупреждал Эйнар, оказалось небезопасно. Когда путешественники пару раз едва не попались патрулю властников, Николай решил не слушать Ивана Сергеевича и свернул в лес, на едва заметные тропы. Так, к концу второго дня, они вышли на заросший ивняком берег Альвары, примерно милях в десяти выше по течению от одноимённого города.

– Переправляться как будем? – спросил Саша отца. – Это не та лесная речушка, не перепрыгнешь.

– Вплавь можно попробовать. Здесь всего метров пятьдесят.

– Вещи замочим, – отозвался Стрижевский.

Николай задумался. Преграда, конечно, пустяковая, но некоторые, на первый взгляд мелочи, создавали проблемы.

– А если плот сделать? – робко предложила Таня.

Сартаков в ответ разочарованно покачал головой. В их распоряжении был лишь небольшой топорик, годный разве для веток. Этим плота не построишь.

– Тогда к городу пойдём, – предложил Иван Сергеевич. – Там ведь мост был. К тому же, он от города в стороне, там нас никто не заметит.

На том и порешили.

На следующее утро путешественники направились вниз по течению и, часов через пять, дошли до моста. Стрижевского ждал весьма неприятный сюрприз. Если двадцать лет назад вокруг переправы ничего не было, лишь поле с кустиками, то теперь весь противоположный берег был густо застроен деревянными домами.

Добротные, одно- и двухэтажные строения принадлежали простому люду, в основном рыбакам, охотникам и смолокурам. В городе не хватало места для бежавших из лесных деревенек, и им разрешили селиться вокруг города с тем лишь условием, чтобы они строили себе нормальные дома, а не развалюхи из гнилых досок. Это чтобы перед заезжими гостями стыдно не было.

И всё бы ничего, разросшийся город – не помеха, скорее наоборот. Только перед мостом находилась застава – небольшой рубленый домик, рядом навес, под которым постоянно горел костер. Стражу там несли четверо властников и подчинявшиеся им, конечно с большой неохотой, десяток солдат.

Целыми днями они, страдая от скуки, дотошно проверяли каждого незнакомого им прохожего, особенно проявляли рвение, когда на заставе появлялся караван виноделов. Само собой, после этого бочки на подводах становились немного, совсем немного легче.

– Вот и пришли, – разочарованно проговорил Николай.

Они засели в кустах у реки, шагах в пятидесяти от моста. Отсюда прекрасно было видно заставу и что на ней происходит. Да, проверяли всех, кто не был знаком. Их проверяют точно, а когда увидят лицо Тани, начнётся такое...

– Не прорываться же с боем, – пробормотал Стрижевский. – Хотя, попробовать можно.

– Иван Сергеевич! Вы в своём уме?! – испуганно прошептала Таня. – Может, обойдемся без крови?

- Плохая мысль, – согласился Александр, озираясь на отца.
- Почему же? Я ведь не предлагаю делать это прямо сейчас, среди бела дня. Сделаем это ночью, часа в четыре утра, когда их там точно сон сморит.
- Чтобы нас потом гнали до самого Фаона? – усмехнулся Николай. – Нет, это не выход. Про нас никто не должен знать, особенно те, кто может быть нашим врагом.
- Насколько я помню, двадцать лет назад мы всегда так поступали.
- Не забывай, нас тогда побольше раза в два было, да и каждый владел мечом так, словно родился с ним.
- Ну, тут с тобой не поспорить. Пожалуй, ты прав, погорячился я немного. Тогда будем брать хитростью. Есть у меня мысль одна.

Остаток дня путешественники провели в тех же кустах в ожидании темноты. Негромко переговаривая между собой, они обсуждали, что будут делать дальше. Николай и Иван Сергеевич всё предвкушали встречу с Анной, хотя и понимали, что наверняка она окажется безрадостной.

Когда опустились сумерки, хорошенько перекусили остатками консервов и вяленным мясом. Вскоре на землю опустилась тёмная августовская ночь. Пришедшие с севера тучи скрыли начавшую убывать луну. Густой мрак сразу поглотил всё, что было видно при лунном свете. Лишь слабые огни города немного рассеивали темноту, но, всё равно, не было видно ни зги.

На заставе в костёр подбросили большую охапку дров. Только что пришедшая новая смена расположилась у огня и что-то готовила на ужин. Они перегородили дорогу рогаткой и, совсем забыв о службе, принялись выпивать из большого кувшина, передавая его по кругу. Какая уж тут служба. Да и ночь на дворе, едва ли кто пойдёт, разве что влюблённая парочка в лесу у речки засиделась.

- Ну, выкладывай свой план, – спросил товарища Николай.
- Да план простой. Я их пугаю, а вы, тем временем, пробегаете через мост.
- И как ты собрался испугать этих? Они уже не по одному стакану выпили.
- Стрижевский вместо ответа замотал себя с ног до головы чёрным плащом, да так, что лица почти не был видно. После этого он... вставил себе в рот фонарик и включил его. Детство в одном месте заиграло – подумал Николай, глядя на это выступление.
- У хах? – спросил Иван Сергеевич, не вынимая фонарика.
- Если честно, глупо. Для меня глупо. Если подумать, то, всё-таки, немного жутковато. Так может, и напугаешь их. Проблема только в том, что они могут и не разбежаться вовсе, а напиговать тебя стрелами, чтобы посмотреть, что это за чудо такое.
- Стрижевский улыбнулся и вытащил из-за пазухи пистолет.
- Не волнуйся, вот, взял, на всякий случай.

Николай покачал головой – такого он одобрить не мог, но выбора не было. Если его не пропустят и попытаются убить, то пусть лучше так.

Быстро собрали вещи и очень тихо, вплотную подползли к заставе. Повезло, никто не издал и малейшего шороха и их не услышали. Вновь расположившись в кустах, они приготовили оружие, а Стрижевский прополз ещё немного подальше и, встав в полный рост, вышел на дорогу.

- Эй, идёт кто-то, – один из сидевших у костра повернулся в сторону леса.
- Сколько их там?
- Вроде один.
- Тень приближалась.
- Монах, что ли, весь в чёрное одет?

– Да и чёрт с ним, давай лучше ещё выпьем.

Солдат бросил последний взгляд на неизвестного – тот спокойно шёл, не выказывая никакого желания бросаться на них или сделать что ещё недоброго – махнул рукой и отвернулся.

До сидевших у костра солдат оставалось всего шагов десять, и Стрижевский включил фонарик. Он ожидал, что на него, всё-таки, обратят внимание и, испугавшись, бросятся бежать. Может быть, бежать. Но на него даже не взглянули. Сидевшие у костра продолжали что-то весело обсуждать, видимо, один бродяга не вызывал у них служебного рвения, да и что взять с бродяги, кроме вонючих лохмотьев.

Иван Сергеевич подошёл совсем близко, и даже что-то свирепо прорычал. Страшный рык и светящееся кроваво-красным огнём лицо точно должны повергнуть даже храбрых солдат в панику. Сейчас они повернутся, и, увидев это страшилище, бросятся прочь...

– Большой какой-то, – сидевший среди солдат властник соизволил, наконец, повернуться и увидел перед собой в свете костра совершенно дурацкое лицо какого-то проходимца с палкой во рту.

– Ты немой? Говорить можешь? – спросил другой. – Палку то зачем в рот сунул?

– Бу-бу-бу, – вырвалось у Ивана Сергеевича от неожиданности.

– Иди, иди, бедняга, ночь на дворе, – солдаты потеряли к нему всякий интерес и, отвернувшись, продолжили разговор.

– Куда?! Куда пошёл! – рычал Николай, наблюдая, как Стрижевский прошёл через мост и скрылся в темноте.

– Может, лодку найдёт? – предположил Александр.

– Надеюсь, у него ума на это хватит.

Они притаились в кустах – оставалось лишь ждать. Полчаса спустя, рядом с ними раздались осторожные шаги, зашелестели ветки, и из-за них показалась тёмная человеческая фигура.

– Пошли за мной, я лодку нашёл, – проговорила она голосом Ивана Сергеевича.

Шагах в пятидесяти ниже по течению на недлинном песчаном мысе лежала небольшая лодка. Не теряя времени, путешественники побросали в неё свои вещи и, столкнув посудину в воду, уселись на скамьи. Саша и Николай сели на вёсла, и лодка быстро направилась к противоположному берегу.

Река оказалась не такая уж и широкая, и они в два счёта перемахнули её. Нос лодки ткнулся в деревянные мостки, которыми было уставлено всё левобережье. Путешественники решили не задерживаться в городе. Обойдя его вдоль берега реки, по городским окраинам, они очутились в лесу. Вдоль опушки, они прошли к дороге, ведущей в Фаон и, удалившись о города километра на полтора, свернули с дороги в чащу, чтобы переночевать.

В пути прошло ещё два дня. В этот раз путешественники шли по дороге, даже не пытаясь прятаться в лесу – она была практически безлюдна, лишь раз мимо них проехала повозка. Судя по соблазнительному запаху, источавшемуся из-под закрывавших её кож, в ней везли вяленую рыбу.

Вечером второго дня, когда дорога поднялась на вершину предгорий, вдалеке показалось уходящая за горизонт лазурная гладь моря. До Фаона оставалось часов пять-шесть пути. Ночевать в лесу уже не хотелось. В город всё равно придётся идти, так что лучше сделать это ночью, когда Таню никто не сможет толком разглядеть. Да и Эйнар говорил, что ворота этого города никогда не закрывались на ночь. Уже за полночь путешественники подошли к стенам Фаона.

Может, раньше городские ворота и не закрывались, но в этот раз они оказались на замке. Волей-неволей пришлось ещё раз заночевать в лесу. Не стучать же в калитку, а то доблестная стража, прервавшая свой сладкий сон, едва ли будет к ним дружелюбна.

На следующее утро Николай собрал всё имевшееся у них оружие и, завернув в тряпки, спрятал на самое дно вместительного вещевого мешка, оставив лишь короткие ножи, да и те убрали с глаз за пазуху. Путешественники слегка позавтракали остатками провизии – ничего, когда выручат за камушек деньги, они, как следует, покушают – и, очистив от дорожной пыли одежду, направились в город. До ворот оставалось всего сотня шагов, как Сартаков вдруг спохватился:

– Стойте, Таню то мы забыли замаскировать.

Он достал из мешка платок Айяры и одел его на голову девушки. Она ловко спрятала под него свои роскошные золотистые локоны и стала похожа на обычную деревенскую простушку.

Стражники даже не обратили на них внимания, когда четверо, как им показалось, бродяг, прошли через ворота в город. Да и пусть идут, что с ними связываться, вот уж если пакостничать начнут – другое дело.

Фаон был небольшим городком. Обнесённый невысокой, но добротной и прочной крепостной стеной, он представлял собой нагромождение каменных домов, меж которыми вились узенькие, грязные улочки. Было многолюдно, все куда-то спешили, несли тюки корзины, казалось, город стал большим рынком.

Путешественники с трудом продирались через толпу, стараясь не отбиться друг от друга. Стрижевский ежеминутно спрашивал у встречных, правильно ли он идёт на рынок, слово никак не мог вдоволь наговориться.

– Зачем на рынок, – какая-то красотка схватила его за руку. – Идём со мной.

Николай насилиу отбил друга, пообещав женщине, что обязательно зайдут к ней вечером. Ближе к морю разнообразие в общую картину внесла площадь, вокруг которой с трёх сторон располагались дома местной знати, а с четвёртой стороны – крепостная стена с разверзшимися в ней крепостными воротами. За ними и находился огромный, шумный рынок, где можно было купить товары со всего северного побережья Острова и из заморских стран, что лежали севернее. Рядом с базаром был порт с длинными каменными причалами и молами. Сотни кораблей сейчас стояло у них, тысячи людей возили товары с корабля на сушу, с суши, на корабли. Жизнь была ключом.

– Куда идём? – спросил Александр, едва они миновали ворота.

– Сначала на рынок, надо камни продать, – ответил отец.

– Так они же ненастоящие. Не заметят?

– Да ты что?! Думаешь, местные ювелиры знают об искусственных корундах? – усмехнулся Стрижевский. – Сейчас сам увидишь, как они, глядя на них, начнут слюной давиться.

– А мы по рынку погуляем? – робко спросила Таня.

– Конечно, красавица моя. Одежду тебе прикупим такую, что дух захватит.

Стрижевский остановил попавшегося навстречу, внушившего ему доверие, мужчину, чтобы расспросить, где находятся ряды ювелиров. Тот всё подробно рассказал, правда при этом очень подозрительно поглядывал на них, особенно на Таню.

– Ну, мы идём, – поспешил раскланяться Иван Сергеевич. – Спасибо, теперь найдём.

– Скорее, – подхватил Николай и негромко добавил. – Он что-то на Таню слишком засматривался. Может, за Литу принял?

– Ну да. Думаешь, её тут каждый встречный видел? – махнул рукой Иван.

Ювелирные лавки располагались в стороне от базарной суеты, рядом с крепостной стеной. Здесь было тихо и спокойно. Вдоль рядов чинно прохаживались богато одетые горожане, многие из которых вели под руку даму с закрытым вуалью лицом. Звенела звонкая монета, переливались всеми цветами радуги драгоценные камни.

Довольно потрепанный вид путешественников сразу обратил на себя внимание – такие сюда не заходили. Не успел Стрижевский обратиться к одному из понравившихся ему на лицо ювелиров, рядом, словно из-под земли, появился офицер городской стражи в украшенной серебряной насечкой кирасе и двое солдат. Офицер демонстративно положил руку на рукояти своего длинного меча, солдаты держали наготове алебарды.

– Что вы здесь делаете? – строго спросил он.

– Да так, – Стрижевский развёл руками. – Вот, колечко девушке покупаем.

– Здесь не продают дешёвых украшений, – покачал головой офицер.

– Хе! Думаешь, мы хотим покупать дешёвые? Думаешь, у нас денег нет, раз мы одеты так? Или мы очень на нищих похожи?! А тебе не пришло в голову, что мы только что с дороги, устали, как собаки, а ты ещё тут лезешь с глупыми вопросами!

– Вы тут не кричите, уважаемый. Мне всё равно, с дороги вы или нет. Потрудились бы одеться поприличнее, раз сюда собрались. А если будете перечить, я арестую вас, и эту ночь ты проведёшь не в «Весёлом толстяке», а в кутузке.

– Арестуешь меня?! – Стрижевский расхохотался. – Думаешь, испугал? А ты знаешь, что я – лучший друг королевы и покойного короля. Я прошёл с ними бок о бок битву при Фарнадо, я был с королём в Чёрном ущелье, я творил вместе с ним историю этой земли. И ты, сопляк, грозисься арестовать меня. Да я сейчас железяку твою тебе в одно место засуну.

Офицер, вероятно, должен был тут же попытаться если не зарубить строптивца, то, по крайней мере, приказать солдатам скрутить его и отвести в тюрьму. Но он растерялся. Он удивлённо смотрел на разбушевавшегося старика, не зная, что делать. Слова о короле и королеве словно парализовали его и, хотя сейчас было совсем не то время, память об их правлении была ещё жива в сердцах. А вокруг уже собралась толпа любопытных. Слышались робкие голоса:

– Посмотри... Это они, те двое... точно тебе говорю, я же там был... Нет, не может быть, они ведь ушли... Да разуй глаза... Как ушли, так и пришли...

Офицер нервно сглотнул, и робко спросил:

– Скажите... скажите ваше имя. Я ведь учился в офицерской школе, историю знаю.

– Я – Иван Стрижевский, а это – Николай Сартаков.

Вновь послышались голоса из толпы:

– Точно... Ты слышал, он имя назвал... Да я лицо то помню его... Он... Точно он... Ушедшие вернулись.

– Вы вернулись? – офицер приложил руки к груди. – Но как? Все знают, что вы никогда не вернётесь.

– Мы вернулись, – ответил Николай и достал из-за пазухи медальон. Одновременно с этим, Таня, словно по наитию, сняла с себя простой деревенский платок, и её золотистые волосы рассыпались по плечам, засверкав на солнце.

– Они! Они вернулись! – дружно загудела поражённая до глубины души толпа. – И с ними принцесса Лита! Они пришли восстановить справедливость!

– О ваше высочество! Простите, простите меня! И вы простите меня, благородные рыцари, – бедняга-офицер, на долю которого в это утро выдались такие испытания, упал на колени и, осторожно коснувшись рукой платья Тани, поцеловал его.

То, что происходило дальше, никто из них даже и не мог себе представить. Не успел Стрижевский обменять рубины на полторы тысячи новеньких золотых дукатов, как весь Фаон знал о том, что вернулись для справедливого суда «Ушедшие», а вместе с ними и принцесса Лита. Со всех сторон гремели громкие крики:

– Да здравствует королева Анна! Да здравствуют Сегиталы! – очевидно, в Фаоне Эдвард не пользовался популярностью.

Не прошло и получаса, а со шпиля на здании городского главы был сорван флаг Эдварда, и на его месте взвилось другое, белое знамя с переливающейся всеми цветами радуги восьмиконечной звездой в центре – Эльметором, как называли здесь Сириус. Это было знамя королевы Анны. Таню-Литу и её спутников буквально насильно привели на городскую площадь, где уже выстроились почётным караулом пять сотен городского гарнизона и тридцать восемь молодых дворян в тяжёлых рыцарских доспехах. Там же их встретил и городской глава – уже немолодой, но крепкий мужчина. Он низко поклонился гостям и начал свою речь:

– Я хочу сказать, что сам был в битве при Фарнадо, поэтому мне дороги все мои соратники. И я всегда был верен королю Александру. Мне стыдно, что я отступил перед сложившимися обстоятельствами. Но, в своё оправдание, скажу, что я не принял нового короля, и я не присягал ему на верность. И, я надеюсь, все, кому дорога справедливость, кто помнит, что такое честь, никогда не принесут присяги самозванцу. Отныне я заявляю, что город Фаон будет подчиняться только королеве Анне и её соратникам.

12

Густой утренний туман скрыл речную пойму, поднялся над землей. Казалось, что всё – деревья, камни, люди – парят в воздухе на облаках. Стояла тишина, всё замерло в ожидании рассвета. Солнце ещё не вышло из-за холмов, хотя ночная тьма давно рассеялась, оставив после себя лишь серые утренние сумерки. Люди, звери, птицы – все ещё спали. Даже часовые на стенах, да и в раскинувшемся неподалёку лагере погрузились в лёгкую дрему.

Преас – верховный консул совета Малонто и Анна вдвоём поднялись на стены города едва забрезжил рассвет. Они встали рядом с бойницей и тихо, стараясь не беспокоить часовых, говорили о делах.

– Сегодня нам нужно дать ответ, – проговорил Преас – сухой, жилистый, высокий, как жердь старик с располагающим, благородным лицом. – Совет разделился во мнении, решение теперь возложено на нас, ваше величество.

– Сколько у нас солдат? – спросила Анна.

– Порядка семи тысяч пехоты и около двух тысяч конницы.

– А у Эдварда тысяч одиннадцать, причём эти бойцы – одни из лучших на Острове. В открытом сражении у нас нет ни малейшего шанса. Да и в городе тоже – стены никуда не годятся, одно название.

– Вы рассуждаете как опытный полководец, – Преас поклонился. – Наши возможности, действительно, невелики.

– Да какой там опыт. Я лишь говорю, что есть на самом деле. Я не какая-нибудь наивная девочка. Я прошла достаточно много испытаний, чтобы видеть всё как есть, без прикрас.

С моря в долину устремился лёгкий ветерок. Туман над рекой начал рассеиваться. Наконец стало видно оба лагеря противника.

– А если напасть прямо сейчас? – пробормотала Анна. – Они все спят, как сурки.

– Мы не можем поступить так! Сначала надо дать ответ на ультиматум.

– Глупо вести войну по правилам.

– Когда потеряна честь, победа может стать поражением, – строго проговорил Преас. – Совет никогда на это не пойдёт.

Чёрт бы побрал этот совет. За редким исключением, все болваны, взяточники и трусы. Неужели придётся сдаваться? Впрочем, можно попытаться сбежать в Сибирь. Пожалуй, лишь там Эдвард не сможет достать их. Анна тяжело вздохнула. Что-то думалось лишь о плохом.

Первые лучи солнца позолотили верхушки деревьев темневшего вдалеке леса. То тут, то там начали раздаваться утренние трели проснувшихся птиц. Всё просыпалось. Анна бросила взгляд на лагерь Эдварда. Там тоже просыпались люди. Одни умывались в реке, другие начинали готовить себе завтрак. Люди как люди, которым не нужна война, которые не хотят умирать здесь, вдалеке от дома, неизвестно за что и неизвестно почему.

– Я приняла решение, – сказала Анна.

Преас поклонился.

Час спустя вновь созвали совет Малонто. Несмотря на раннее утро, пришли, как ни странно, все. Советники позёвывали, поёживались от утренней прохлады, но всё же, приготовились внимательно слушать королеву. Анна окинула всех собравшихся пристальным, испытывающим взглядом и, поднявшись с кресла, проговорила:

– Я оценила наши возможности в обороне города, сопоставила все за и против и приняла решение...

Все затаили дыхание.

– ... прекратить дальнейшее сопротивление и сдаться на милость победителя. Прошу совет уведомить об этом решении через гонца противоборствующую сторону.

Решение приняли без лишнего шума, без криков. Каждый понимал, что Анна права в своей попытке избежать бесполезного кровопролития. А она была готова поклясться, что сейчас большинство из присутствующих с облегчением вздохнули. Кто из них хотел войны? Единично. Остальные же, кто кричал, что врага следует скинуть в море... А ведь... Анна покачала головой и постаралась спрятать свой возмущённый взгляд. Эти хитрецы специально на прошлом совете разделились поровну. Решили всё целиком на неё свалить. Пусть, мол, королева сама решает, что ей делать, зато наша совесть будет чиста. А если бы она захотела войны? Впрочем, она не хотела её, а эти знали, что будет именно так, просчитали. Ну и пусть.

После совета Анна немедленно отправилась к Сантилии. Та ждала её вместе с дочерью в трапезной за завтраком. Увидев разочарованное лицо королевы, они замерли, ожидая слов, хотя понимали, что ничего хорошего она не скажет.

– Я решила сдаться, – Анна устало вздохнула и села рядом.

– Почему? – Сантилия всегда и полностью доверяла решениям своей подруги, но в этот раз её слова ввергли в удивление. – Что с тобой, Анна?

– Ты, я думаю, и сама понимаешь, что город не продержится и дня. К чему тогда напрасные жертвы, их и так уже было слишком много. Сантилия, пора остановить это. Он не оставит нас в покое. Даже если мы сбежим на материк, он пошлёт за нами и туда. А я устала, очень устала. Мне уже ничего не надо, я хочу лишь покоя, чтобы никто не трогал меня.

Сантилия молча покачала головой, налила себе горячего травяного настоя и сделала глоток.

– Что же ждёт нас? – спросила она, минуту спустя.

– Ничего нас не ждёт. Будем служить украшениями при дворе. Эдвард нас будет беречь, охранять, смахивать с нас пыль до тех пор, пока мы не сдохнем от скуки.

– Но, может что-нибудь есть ещё? – спросила Лита. – Нельзя же сдаваться просто так.

– Бегство в Сибирь. Но делать это сейчас уже поздно.

Пару часов спустя женщин навестил Преас. Вид его был несколько озадаченный, даже печальный. Стараясь не глядеть королеве и её спутницам в глаза, он, по-стариковски кряхтя, сел на табурет в углу комнаты, и, не поднимая глаз от пола, проговорил глухим голосом:

– Войска Эдварда вошли в город.

– А ещё что? – спросила Анна, чувствуя, что старик не договорил до конца.

– Эдвард просил передать, что вы должны немедленно собрать свои вещи и следовать на его галеру.

Женщины переглянулись.

– Что ж. На галеру, так на галеру. Надеюсь, нас не заставят грести.

Собирались они недолго. Почти все вещи были брошены во время бегства из столицы, а в Малонто, они так и не успели разжиться гардеробом. Одежда и предметы туалета разместились всего в одном, небольшом сундуке.

Они попрощались с Преасом, пожелали ему не убиваться так сильно. Старик, с трудом сдерживая слёзы, обнял каждую, прикоснулся к щеке Анны дрожащими от волнения губами.

– Может, свидимся ещё, – растроганная Анна едва сдерживала рыдания.

– Едва ли, – Преас покачал головой. – Я стар, Анна, мне недолго осталось. Боюсь, мы прощаемся навсегда. Иди, дочка, иди и не оборачивайся. Так легче будет, а у тебя впереди испытание посерьёзней, будет.

Анна кивнула и отвернулась, поспешив спрятать увлажнившиеся слезами глаза. Слуги подхватили сундук, и они вышли из комнаты, оставив в ней одного Преаса. Ни одна не обернулась, когда они спустились по широкой мраморной лестнице дворца. Провожаемые сочув-

ственными взглядами местной знати, они вышли на улицу. С высоты парадной лестницы Анна успела разглядеть произошедшие всего за несколько часов изменения.

Причалы пустыли. Все малонтийские суда, словно по мановению волшебной палочки, куда-то пропали. Лишь три галеры стояли у пирса. Две из них – обычные, боевые, с двумя мачтами, вооружёнными косыми парусами, третья – огромный, трёхмачтовый, украшенный позолоченной резьбой, корабль. Нос его украшала фигура ястреба, под которой сиял начищенной бронзой огромный таран. А на флагштоке развевалось красное, словно кровь, знамя Эдварда.

У подножья лестницы Анну ждал эскорт из десятка флардийских гвардейцев. Анна скривила губы в злой усмешке. Прислал своих цепных псов. Они спустились, королева подошла к десятнику.

– Имею честь проводить вас на корабль, – прогудел офицер из-под опущенного забрала.

– Провожай, – не слишком любезно отозвалась Анна. – А что, забрало сейчас не принято поднимать? Или боишься, что плюну.

Офицер никак не отреагировал на это замечание и, повернувшись, зашагал к галере. Следом за ним направились женщины со слугами. Шествие замыкали державшие оружие наизготовку солдаты.

Эдвард встречал их у трапа вместе со своим советником. Обычно мрачный, на сей раз, он был в прекрасном настроении, и приветствовал пленниц широкой улыбкой на лице.

– Здравствуйте, дамы, рад видеть вас.

Сантилия и Лита наградили его полным презрения, ледяным взглядом и, ничего не ответив, взойшли на палубу. Анна же, остановившись, тихо проговорила, так, чтобы больше никто не услышал:

– Не ломай комедию, это никому не нужно. Хочешь – держи нас при себе, только не заставляй нас делать вид, что мы тебе безумно рады.

– Хорошо, – легко согласился Эдвард, даже ничуть не огорчившись. – Если тебе нечего больше сказать, идите, располагайтесь в своих каютах.

Анна отправилась следом за подругами. Эдвард, не отрываясь, проводил её взглядом, пока она не скрылась за дверьми палубной надстройки, и сказал Саммиту:

– Давай теперь сюда, как там его, Таниса. Пусть гребцом поработает, может, умнее станет.

Парайский полк остался на прежнем месте. Флардцы уже давно собрали свой лагерь и вступили в город, а им так и не пришло приказа сниматься.

– Забыли про нас, что ли, – ворчал командир.

Сотники предлагали наплевать на все приличия, да и приказа оставаться на месте не было, и войти в город самим, но командир лишь отмахивался от них – присутствие здесь самого короля очень смущало его.

– Нет, нет и ещё раз нет. Это самоуправство. Пока король здесь, будем ждать приказа, а то ещё в опалу попасть не хватало мне.

Всё-таки, по прошествии двух с половиной часов, в лагерь прискакал королевский гонец. Вести он, правда, принёс не самые приятные. Полку разрешили войти в город, но приказали задержаться в Малонто на месяц. О возвращении домой и речи не было, а многие уже, радуясь окончанию компании, предвкушали встречу с родными. Но, делать нечего, приказ есть приказ, ослушаться его нельзя.

Вечер Танис и Салист встретили в местном трактире за кружкой эля – напиток совсем недавно пришёл сюда с материка и уже начинал пользоваться большой популярностью. Они медленно потягивали пенистую, янтарного цвета, жидкость, в пол-голоса говоря за жизнь. Ни тому, ни другому не хотелось оставаться здесь и тратить целый месяц на бесцельное патрулирование города. Танис, правда, перенёс это известие гораздо легче – в Парасе его ждал лишь

папаша Арстин, который едва ли успеет соскучиться. А после выпитой кружки, настроение его совсем улучшилось. Всё-таки целый месяц в незнакомом городе – безумно интересно. Закрутить несколько романов с местными красотками, а потом бесследно исчезнуть.

На улице темнело. Было ещё довольно рано, но наступивший сентябрь укоротил день и удлинил ночь. Товарищи уже собрались уходить, но дверь трактира внезапно с грохотом распахнулась, и в зал вошли десяток флардийских гвардейцев, в одних кольчугах и с мечами наголо. Десятник поднял забрало, осмотрелся, словно искал кого-то. Взгляд его встретился с взглядом Таниса, и он, отбрасывая по сторонам мешавшие ему лавки, порой вместе с сидевшими на них посетителями заведения, решительно направился к нему.

– Ты Танис? Сотник секироносцев парайского полка?

– Ну, я, – неуверенно ответил тот, холодея от дурного предчувствия.

– Отдай своё оружие, ты арестован.

Танис медленно прикоснулся к рукояти своего меча, всё ещё лихорадочно раздумывая, что делать. Решение пришло быстро – он, без доспехов, едва ли продержится и минуту против этих головорезов. Краем глаза он заметил, что Салист незаметно для остальных начал вытаскивать из ножен меч.

– Не надо, – проговорил он. – Остановись.

Но Салист, словно не слышал его слов. Резко встав, он запрыгнул на стол, зацепил ногой недопитую кружку и запустил её в голову флардийца. Облив всё вокруг, кружка пролетела рядом с плечом десятника, так и не попав в него. В руках Салиста сверкнул клинок.

– Бей их! – закричал он.

Танис не успел и глазом моргнуть, как двое гвардейцев распростёрлись в выпаде, ударив мечами в живот Салиста. Тот сделал молниеносное полукружье, отбивая атаку, но отбил лишь один удар. Второй, сделанный мгновением позже, ударил беднягу под рёбра слева.

Не обращая внимания на предостерегающий оклик десятника. Танис кинулся к раненому другу, поддержал его, не дав упасть, аккуратно уложил его на пол.

– Ты то хоть не дури, – услышал он над своей головой всё тот же голос.

Танис, не глядя, отстегнул ножны с клинком и бросил их в сторону.

– Идём, – солдаты ловко скрутили ему за спиной руки и потащили к выходу.

– Стойте! Стойте же! Там же Салист! Ему помочь надо! – Танис дёрнулся, постарался вырваться, чтобы броситься к истекающему кровью другу.

Но его не слушали. Закованный в железо кулак стукнул по голове так, что удар гулом отозвался в ушах. Ноги подкосились, и Таниса, практически бесчувственного, выволокли на улицу.

13

Бурный день в Фаоне сменила тихая, ясная ночь. Город замер, город смотрел сны. Лишь стражники вглядывались в темноту с высоты крепостных стен. Путешественники расположились в доме Ларнита – городского главы. Хорошенько накормив своих гостей, изголодавшихся за время странствий, он отвёл для каждого отдельную комнату в своём огромном доме.

Стрижевский, Саша и Таня, изрядно уставшие днём, сразу отправились спать, а Николай остался в трапезной поговорить с хозяином. Тот, как оказалось, довольно быстро раскусил подвох и догадался, что молодая, красивая девушка совсем не принцесса Лита, хотя и похожа на неё. Ларнит ничуть не обиделся и не рассердился. Однако, узнав, о цели их путешествия, он, всё-таки, огорчился.

– Возможно, это и верно, – проговорил он, тяжело вздохнув. – Но если вы заберёте их с собой, мы лишимся нашей королевы, нашего властителя и нашего символа. Я надеялся, что она возглавит борьбу.

– Эта борьба обречена на провал, Ларнит. Острову не нужна война, и мало кто поддержит вас. Думаешь, если люди на улице покричали, помахали руками, они пойдут за тобой? Едва ли. Единственное, что ты сможешь сделать – сделать Фаон свободным городом. А мы заберём Анну. Ей здесь не место.

Ларнит вздохнул, налил в кубок немного вина и выпил.

– Малонто осаждён, – проговорил он. – Вряд ли вы сможете попасть туда. Да и не продержится долго этот город. Возможно, уже сейчас он в руках Эдварда. Может вам лучше отправиться в столицу и искать её там?

– Мы проделали долгий путь, осталось немного. Попытаем счастья в Малонто.

– Кстати, справитесь с парусной лодкой?

– Ну, да, приходилось.

– У меня есть лодка, я, порой, выхожу на ней в море ловить рыбу. Можете взять её. Море ещё тихое, ветра – то, что надо. Быстро доберётесь до Малонто, а самое главное – незаметно. Если завтра утром отправитесь, ночью будете на месте. Согласны? Ждать попутного корабля сейчас придётся долго.

– Конечно, спасибо большое! – растроганный Николай крепко пожал руку Ларнита.

– Тогда иди сейчас спать. Нужно хорошенько выспаться. А как проснёшься, всё будет готово.

Утро выдалось на удивление ясным и тихим. Правда, на море гулял свежий юго-западный ветер, но он то, как раз нужен был путешественникам для того, чтобы попасть в Малонто. Они проснулись рано, солнце едва только встало. Холодный воздух наполнил комнаты через раскрытые окна. Слуги всегда распахивали их каждое утро, будь то лето или зима, чтобы проветрить дом, чтобы хозяева и гости просыпались со свежей головой. Так и сейчас, все четверо поднялись, даже не сделав попытки понежиться в постели.

Быстро одевшись, они перекусили уже приготовленным лёгким завтраком – гостеприимный хозяин позаботился и об этом. Хотелось погостить здесь подольше, но времени не было. Счёт шел на часы, если не на минуты. Путешественники попрощались с Ларнитом и, в сопровождении одного из его слуг направились в порт.

В городе знали о том, куда собираются они, и многие горожане в это утро отложили свои дела, чтобы проводить их. Пришлось пробираться сквозь толпу. Каждый норовил прикоснуться к ним, женщины пытались всучить пироги и фляги с вином. Однако путешественники с улыбкой на губах извинялись, но отказывались от угощений. У самих за плечами висели полные мешки припасов, так что обременять себя чем-нибудь ещё было ни к чему.

Пока они садились в лодку, толпа на пирсе не расходилась. Каждый, наперебой, желал удачи, мужчины изо всех сил махали руками, женщины бросали цветы. Наконец канат, соединявший лодку и берег, был отвязан; наполняясь ветром, хлопнул парус, и лодка, медленно набирая ход, направилась к выходу из гавани.

Николай сидел у руля и, то и дело, оглядывался назад. Причалы, люди, город постепенно исчезали в туманной дымке. Не прошло и получаса, как Фаон слился с фоном темнеющих позади него гор. Впереди маячил мыс, выдававшийся из тела Острова в море, который предстояло обогнуть, после чего повернуть строго на восток.

Иван Сергеевич и Александр тоже не сидели, сложа рук. Вдвоём, они вдоль и поперёк облазили лодку, начиная от ящика на носу, заканчивая небольшой, всего на две койки, надстройкой посредине. В ящике оказался запасной парус, плотницкие инструменты, верёвки и другой хлам, необходимый для поддержания должного вида судёнышка. А вот в каюте Стрижевский нашёл заботливо приготовленные Ларнитом лёгкие, одеваемые под одежду, четыре кольчуги, четыре длинных, около метра в лезвии, но изящных и почти невесомых мечей, а так же, бочонок хорошего вина и блюдо с жареным поросёнком.

– Наденьте кольчуги, – сказал Николай, узнав о находке.

– Зачем сейчас? – удивилась Таня.

– Потом можно просто не успеть, а даже эта рубашонка может спасти тебе жизнь.

Удивительно, но кольчуги оказались тщательно подобраны под каждого. Даже на Тане она сидела так, слово была сделана как раз для неё. Надел доспехи и Николай, как только Стрижевский сменил его у руля.

– Ну, а меч мне к чему? – вздохнула Таня, взяв в руки отполированные деревянные ножны.

Вынув из них меч, одна подняла его над головой, затем повертела немного, посмотрев, как отражаются на стали солнечные лучи, и вернула обратно.

– Не тяжело? – спросил Николай.

– Нет, вполне, – ответила девушка, разглядывая гарду, которая начиналась на крестовине и широкой лентой овивала рукоять к низу эфеса. – Да только я все равно фехтовать не умею, едва ли он пригодится мне.

– Не спеши так говорить. Всё может случиться, – ответил Сартаков, прикрепляя к поясу ножны с новым мечом.

В отличие от клинка Тани, он был немного пошире и не имел гарды. Старый, испытанный меч, который был раза в полтора короче нового, Николай приспособил на спине так, чтобы его легко можно было достать через правое плечо. Глядя на него, Александр и Иван Сергеевич сделали то же.

Примерно часа через четыре лодка миновала скалистый мыс и начала уходить в открытое море. Теперь приходилось сверять направление по компасу. Карты у них, само собой, не было, но Николай не боялся промахнуться. Этот большой остров должно быть видно издалека, а если, по словам Ларнита, плыть строго на восток, никак не промахнёшься. Ветер заметно посвежел, то и дело накатывались крупные волны, сильно раскачивающие лодку. Её пассажиры сразу почувствовали себя неважно. Приходилось держаться за что-нибудь, чтобы не вылететь за борт, а тут ещё лёгкие приступы морской болезни. У Николая и Ивана Сергеевича они быстро прошли, Александр тоже держался неплохо, особенно отлежавшись, с часик, на койке. А вот бедняжка Таня буквально падала с ног. Побледневшая, она, с трудом, добралась до койки и, упав на неё, быстро уснула.

– Надеюсь, шторма не будет, – взволновано проговорил Николай, заметив на западе, ещё далеко, тёмные тучи.

– Жаль, барометр не взяли, – усмехнулся Стрижевский. – Кто ж знал, что мы примем участие в регате.

Прошло ещё четыре часа, и берег практически исчез из вида. Лишь тёмная полоса вдоль горизонта виднелась на западе, но по ней нельзя было точно сказать – земля это или тучи. Кругом искрилось в лучах яркого солнца лазурное море. Оно несло свои пенные волны туда же, куда и плыло суденышко. Волны обгоняли его, проходили под килем, и лодка, то поднималась вверх, то падал вниз. И так много часов подряд.

Солнце начинало клониться к закату, нависло над уходящим за горизонт морем ярким алым диском. По-прежнему не унимались волны, уложившие Таню на все эти долгие часы в постель. К счастью, шторма так и не случилось, иначе путешественникам на такой лодке пришлось бы туго.

– Смотри, прямо по курсу! – крикнул стоявший на носу Саша отцу.

Впереди, из моря, показалась тёмная полоса берега Малонто.

– Часа три-четыре, и мы на месте, – отозвался Николай.

Сидевший рядом Стрижевский задал вполне своевременный вопрос:

– А что мы будем делать, когда высадимся на берег? Никто из нас толком не знает где Малонто.

– Город портовый, пойдём по берегу, как раз к нему выйдем.

– Ну да. А если направление спутаем? Придётся весь остров кругом обходить.

– Спросим кого-нибудь, – засмеялся Саша.

– Ну, хорошо, допустим, нашли город, и что дальше?

– Да брось ты. В городе, наверняка, знают, где остановилась королева.

С каждой минутой громада острова становилась всё больше и больше. Уходящее за горизонт солнце слегка окрасило прибрежные скалы в кроваво-красный, зловещий цвет. Казалось, что камень обильно полит человеческой кровью.

Сотни чаек летали над головами, опираясь крыльями на упругие порывы ветра. Их крик резал слух, хотелось даже заткнуть уши, чтобы только не слышать их раздражающие голоса. Птицы разбудили Таню. Она вышла из каюты растрёпанная, бледная, с тёмными кругами вокруг глаз. Никто даже не представлял, чего ей стоило держаться.

– Как ты? – спросил Николай.

– Ужасно, – кривясь от головной боли, ответила она. – Голова раскалывается, а тут ещё эти чайки. Долго нам?

– Часа полтора-два, берег уже видно.

Таня обернулась и посмотрела через плечо на приближавшуюся сушу. Внезапно, голова её закружилась, и она едва не упала за борт. Стрижевский вовремя подхватил девушку и усадил рядом на ящик для рыбы.

– Меня тошнит, – жалобно простонала она. – И вообще, я хочу домой. Мне надоела эта лодка, это море, эти паршивые чайки.

– Успокойся, недолго ещё терпеть, так что возьми себя в руки.

Таня пристыжено замолчала.

– С другой стороны, сама подумай, где ты ещё встретишь такое. Там, в нашем мире, ничего подобного не увидишь ни за какие деньги. Старинные города, их жители, а если доведётся сражение увидеть?

– Я ничего не имею против, мне здесь даже немного нравится. Но я боюсь, боюсь за свою жизнь, боюсь за ваши жизни. Боюсь, что может случиться так, что придётся убить, чтобы выжить самой. Неужели, вы сами не боитесь?

– Я боюсь, – ответил Саша. Он стоял рядом с мачтой, облокотившись на крышу каюты, и пристально смотрел Тане в глаза.

Николай и Иван Сергеевич молчали. Один смотрел вперёд, на землю, другой на игравшие за бортом волны, словно ни тот, ни другой не слышали слов девушки.

– Почему вы молчите? – с лёгкой дрожью волнения в голосе, тихо спросила Таня.

– Врать не хотим, красавица. Поступки скажут сами за нас, – так же тихо ответил Стрижевский.

Солнце скрылось за горизонтом, и всё вокруг окутала ночная мгла. Лишь на западе догорала тонкая полоска вечерней зари. Вместо огненного диска дневного светила небо усыпало множество ярких звёзд. Ясное осеннее небо сияло ими, словно кто-то бросил на чёрное покрывало горсть жемчужной пыли. А из-за горизонта уже поднимался белоснежный молодой месяц.

– Ничего не вижу, – ворчал Стрижевский. – Куда плывём? Сейчас уткнёмся в рифы и конец нам.

– Прислушайся, – ответил с носа Саша. – Всё слышно.

Впереди шумел прибой. Именно шумел так, как когда волны накатываются на песчаный берег. Скал впереди не было. Им повезло, потому что южный берег Малонто всегда славился рифами.

– Правь прямо, – сказал Николай. – Как раз на песок попадём.

Прошло минут пятнадцать-двадцать томительного ожидания, и, наконец, киль лодки зашуршал по дну. Набежали волны, лодка толчком – её пассажиры едва не попадали – продвинулась к берегу ещё ближе, окончательно застряв в песке.

– Всё, дальше никак. Давайте выгружаться и встанем на ночлег, – решил Николай.

Благодаря предусмотрительно захваченному Стрижевским электрическому фонарику, путешественники быстро перетащили свой багаж с лодки на берег, под нависающие над ним скалы. Ночная прохлада, да изрядно промокшая одежда заставили отправиться на поиски хвороста, но, как назло, вокруг не было ничего годного для костра. А у них уже зуб на зуб не попадал. Не хватало ещё замёрзнуть на этом пустынном берегу.

Иван Сергеевич вдруг встрепенулся, хлопнул себя по лбу и, не говоря ни слова, под изумлёнными взглядами товарищей, бросился к лодке и оторвал несколько досок обшивки каюты, сухих, словно порошок. Не прошло и пяти минут, а на берегу полыхал жаркий костёр. Путешественники сгрудились вокруг него, чтобы согреться и обсохнуть. Стало совсем хорошо, тепло, прочь отступила усталость. А когда Саша разогрел на углях взятые в Фаоне припасы, все с удовольствием поужинали, даже Таня, всё ещё оправляющаяся после морской качки. Обогретье и сытые, они достали из мешков плащи и, завернувшись в них, спокойно уснули.

14

Пока Николай и его спутники досматривали последние утренние сны, галера Эдварда отошла от пирсов Малонто и направилась в Мил, увозя с собой пленённых Анну, Сантилию и Литу.

Прошлый вечер и всю ночь Танис провёл в карцере корабля. Едва за ним, с грохотом, захлопнулась дверь и проскрежетал засов, бывший сотник упал на пук соломы в углу этого крохотного помещения и затравлено огляделся. То, что произошло с ним, ввергло его в глубокий, подавляющий всякую волю и стремление к свободе, шок. Вокруг были лишь перепачканные нечистотами деревянные стены. Зная местные порядки, он не ожидал ничего хорошего, кроме печальной участи умереть от истощения на вёслах.

Ночь прошла почти без сна, какими-то урывками. Под утро, всё-таки уснувшего Таниса разбудил грубый пинок надсмотрщика. Не говоря ни слова, он лишь лёгким кивком приказал выйти и следовать за ним. К чему ещё тратить слова для этого акульского харча.

Бывшему сотнику ничего не оставалось, как подчиниться приказу. Пройдя по узкому, невысокому коридору, где, помимо карцера, располагались и другие подсобные помещения, они оказались на верхней гребной палубе. В её центре шёл довольно широкий проход, посредине которого торчало толстое бревно средней мачты, уходившее через пол вниз, к самому килю. Вдоль обоих бортов тянулись скамьи на двух человек.

На палубе уже было светло. Свет проникал сюда через зарешеченные люки над проходом, сквозь которые, если задрать вверх голову, можно было увидеть щемящий сердце голубой небосвод.

Гребцы уже сидели на скамьях, точнее, они сидели здесь всегда и покидали место лишь по крайней нужде или мёртвыми. Многие ещё спали, другие просто сидели, тупо уставившись в одну точку, и молчали. Почти никто не отреагировал на появление Таниса. Лишь некоторые незаметно скосили взгляд, да и то, сразу отвернулись, опасаясь плети надсмотрщика.

Его посадили в правый ряд около измождённого, заросшего щетиной мужчины неопределённого возраста, лет от тридцати пяти до пятидесяти. Тот лишь покосился на Таниса и, снова закрыв глаза, погрузился в дрему. Тем временем, пленника приковали к скамье, и надсмотрщик предупредил:

– Будешь халтурить – огрею плеткой. Откажешься работать – камень на шею и за борт. И, слегка хлестнув для острастки Таниса по плечу, ушёл.

Корабль отчалил от пристани, когда на башне дворца Малонто куранты пробили восемь утра. Вёсла дружно опустились в прозрачную, зеленоватую морскую воду, сделав гребок. Галера быстро набирала ход.

В это утро Анна, проснувшись в своей небольшой, но вполне уютной каюте, вышла на палубу подышать свежим морским воздухом. Сантилия и Лита компанию ей не составили – не хотели встречаться с Эдвардом, который тоже любил утренние прогулки.

Анна оказалась на палубе одна. К её удивлению, новоиспечённый правитель ещё спал, видимо уставший после затянувшейся вчера вечером пирушки. Спала его свита, спали солдаты охраны, спали, свободные от вахты, матросы. Лишь вахтенные стояли по своим местам. Они не обратили ни малейшего внимания на появившуюся на палубе королеву, даже не удосужились поприветствовать её хотя бы кивком головы. Правда, Анну это ничуть не обидело, ей были безразличны любые знаки внимания от людей Эдварда.

Она подошла к левому борту. Вдалеке ещё был виден растворяющийся в утренней дымке Малонто. Его дома уже слились в единую, смутную серую массу. Прощай, несчастный город.

Прошло время твоей свободы, теперь ты под железной пятой молодого узурпатора. Больше не будет вольностей, к которым привык ты за годы правления короля Александра.

Анна повернула взгляд на прибрежные скалы, отчётливо видные невдалеке. Оставалось лишь безо всякого интереса рассматривать хаотичное нагромождение серых каменных клыков и жёлтую полоску песка между ними и морем. На мгновение внимание королевы привлекла небольшая, зарывшаяся носом в песок лодка. Рядом с ней, на песке, горел костерок, около которого сидели четверо. Судя по их движениям, они завтракали.

Рыбаки – подумала Анна и, потеряв всякий интерес, отошла от борта. Одолевала скука. Не оттого, что совсем нечем было заняться, напротив, хотелось что-то делать, хотелось бороться. Но, всё больше нарастающее ощущение безысходности губило любые мысли о борьбе.

Остановившись рядом с мачтой, она услышала лёгкий скрип, доносившийся из-под прикрывавшей отверстие в палубе, решётки. Анна знала, что это такое, но что-то подтолкнуло её подойти ближе и посмотреть. В сумраке нижней палубы, она с трудом рассмотрела блестящие от пота тела гребцов. Одни были уже худые, измождённые, другие пока ещё в хорошей физической форме. Только пока. Пройдёт лишь несколько недель, в лучшем случае, месяцев, и они станут такими же, если только доживут.

Внимание привлёк мощный торс в правом ряду. Это тело казалось тугим клубком мышц, ищущим разрядки от накопившейся в нём энергии. Гребец настолько легко управлялся с веслом, что его соседу оставалось лишь слегка поправлять движение, чтобы оно опускалось в воду аккуратно, без всплеска. Внезапно свет упал на левое плечо гребца. И тот час взор Анны впился в него. Женщина вздрогнула, побледнела.

– О, боги! Знак! Тот самый знак! – прошептала она, разглядывая тёмное, похожее на родимое, пятно на коже. – Это не может быть совпадением.

И словно подтверждая её мысли, это пятно начало переливаться всеми цветами радуги, и перед глазами Анны оно превратилось в узорчатое сплетение разноцветных цветов и трав. Несмотря на свои крохотные размеры, этот узор буквально резал глаза, каждая его деталь отчётливо предстала перед глазами королевы. Но вдруг всё прекратилось, когда рядом, тяжело переваливаясь, прошагал надсмотрщик. На плече вновь темнело обычное родимое пятно. Анна перевела дух, отдышалась и отошла от люка. И в это мгновение она мельком увидела лицо этого гребца.

– Это он! Тот самый офицер, который сопровождал посланников, – прошептала она.

Королева, стараясь, чтобы никто не заметил её волнения, быстро ушла с палубы. Нужно было посидеть немного одной, в каюте, чтобы никто не мешал, нужно обдумать, ну, а потом посоветоваться с Сантилией.

В каюте было тихо, сюда не доносились ни крики чаек, ни скрип уключин. Стояла тишина и наверху, где, палубой выше, находились покои Эдварда. Анна упала на постель и, вцепившись руками во взъерошенные волосы, тяжело вздохнула. Комок подкатил к горлу, женщина едва сдержала рвавшиеся наружу слёзы. Многие годы не оставляла она своих поисков. Меньше месяца спустя после похищения, её приказ разослал верных и надёжных людей по всем уголкам страны. Даже по прошествии десяти лет, когда её Александр устал от безнадёжных попыток найти настоящего сына и решил сосватать Эдварда Лите, сделав приёмышом своим наследником, она продолжала искать ребёнка.

Только тогда, когда прошло семнадцать лет, она, всё-таки, смирилась с потерей. Ну, а теперь, когда всё перевернулось, когда ушли в мир иной близкие ей люди, судьба преподнесла сюрприз – её сын нашёлся. Пусть он уже взрослый, пусть он выбрал жизнь солдата, и пусть судьба сыграла с ним злую шутку, закинув на галеры, но её настоящий Эдвард здесь. Эдвард. При одной лишь мысли об этом имени её передёрнуло в брезгливой гримасе. Имя запятнано.

Пусть он будет тем, как звали его все эти долгие двадцать лет. Она обязательно узнает его имя и поможет бежать, пусть даже ценой своей жизни.

Анна резко поднялась – даже немного закружилась голова – и вышла из каюты, чтобы зайти в соседнюю, где находилась Сантилия. Подруга вместе с дочерью была у себя. Обе совсем недавно встали и ещё не успели переодеть ночные сорочки. Сантилия, откинув одеяло, нежилась в постели, то и дело потягиваясь. Лита сидела рядом и, глядя в зеркальце, рывками расчёсывала свои изумительные волосы. Заметив вошедшую, Сантилия повернулась на бок, подперев голову рукой. Она улыбнулась Анне, но улыбка получилась какой-то вымученной, усталой. Хотя, вряд ли стоит ожидать весёлости от женщины, перенёвшей за последний месяц столько лишений.

– Доброе утро, красавицы мои, – поздоровалась Анна.

– Здравствуй, как спалось?

– Неплохо.

Королева присела в кресло, стоявшее сбоку от кровати.

– Завтракать будем здесь, или поднимемся к Эдварду? – спросила Сантилия.

– Разумеется, здесь, – ответила Анна и, переведя дыхание, неожиданно даже для себя самой, выпалила. – Я нашла Эдварда!

– Что? – не поняли подруги.

– Я нашла своего настоящего сына.

– Как?! Где?! – Сантилия мгновенно вскочила с кровати.

– Случайно. Он на верхней гребной палубе, гребёт.

– Но как ты узнала его?

– На нём есть знак. Такой знак ни с чем не спутаешь.

– А какой он хоть? – спросила вдруг Лита.

– Ты же сама с него вчера глаз не сводила, – усмехнулась Анна.

– Я? Как это?

– Он был офицером сопровождения.

– Ах, он... – Лита мечтательно улыбнулась.

– Но как он попал сюда? – удивилась Сантилия.

– Этого я не знаю. Видимо, случилось что-то.

– Так надо помочь ему бежать. На галерах долго не выдерживают, – решительно произнесла Лита и начала одеваться.

– У нас в запасе часов девять, не больше, пока галера не прибудет в Мил. Ну, а потом мы его вряд ли встретим ещё раз.

– Ничего не получится, – тяжело вздохнула Сантилия. – Он прикован, а ключи у надсмотрщика, который отвечает за узников головой.

– Можно ему хоть нож кинуть, – Анна достала из ножен в поясе небольшой, в две ладони, изящный кинжал.

Лита уже оделась, следом за ней, так же быстро оделась и Сантилия. Нужно было спешить, пока не проснулся Эдвард и его камарилья. А он точно не даст им покоя, не отстанет от них ни на шаг. Женщины вышли на палубу – здесь по-прежнему находились лишь несущие вахту матросы. Они, как и в первый раз, ничуть не отреагировали на появление пленниц, что, в прочем, было только на руку заговорщицам. Анна подвела подруг к решётке и тихо произнесла, указав пальцем:

– Вот он.

Лита во все глаза смотрела на Таниса, и тот, почувствовав взгляд, обернулся и посмотрел вверх, прямо ей в глаза. Она улыбнулась, он ответил ей тем же. Внезапно хлопнула плётка подбежавшего надсмотрщика, и на спине Таниса появились алые рубцы.

– Куда пялишься! – заорал он. – Гребни, драный пёс!

И, едва надсмотрщик отвернулся и пошёл обратно, Анна ловко пробросила сквозь решётку кинжал, точно под ноги Таниса. Пленник мгновенно наступил на него ногой. Он вновь повернулся и, едва заметным кивком головы, поблагодарил её. Надсмотрщик, на этот раз, ничего не заметил.

Женщины, чтобы не вызывать подозрений, не спеша, точно прогуливались, отошли к борту. Там по-прежнему тянулись унылые скалистые берега острова, о которые с шумом разбивались волны.

Сердце Анны бешено колотилось. Она едва сдерживала своё дыхание, стараясь успокоиться.

– Получилось, – проговорила королева, нервно теребя закреплённую рядом снасть.

– Успокойся, заметит ещё кто-нибудь, – сказала Сантилия, хотя сама с трудом справлялась с нервной дрожью.

Лишь Лита, почему-то, была спокойна. Она смотрела вдаль и загадочно улыбалась самой себе.

– Лита, очнись, – одернула её мать.

– Да? – отозвалась та.

Сантилия усмехнулась и, игриво дёрнув дочь за золотистый локон, свисавший у щеки, спросила:

– Уж не влюбилась ли ты?

Лита вздрогнула, покраснела и отвернулась, закрыв лицо ладонями.

– Не смущайся своих чувств, дочка. Этот человек предназначен тебе судьбой. Не удивительно, что ты сразу обратила на него внимание.

Лита лишь улыбнулась.

– Эй! Дамы! – раздался с балкона голос Эдварда. – Не желаете ли вы позавтракать в моей компании?

Сантилия и Лита, отвернувшись, застыли, словно изваяния. Лишь Анна, пересилив неприязнь, повернулась к нему лицом. Узурпатор нагло смотрел ей в глаза, да ещё и был одет против всякого приличия – чёрные потёртые штаны и расстёгнутая безрукавка, которую носят матросы в жару.

– Пожалуйте к нам, будем рады, – повторил Эдвард.

– Соизвольте наказать слугам, чтобы они приготовили завтрак в моей каюте, – резко ответила Анна и отвернулась.

– Как хотите, – буркнул обиженный Эдвард и удалился к себе.

Сантилия, в сердцах, стукнула кулачком по борту.

– Мерзавец, убийца. Он ещё смеет заигрывать с нами, – прошептала она едва слышно. – Убью его, подсыплю яда.

– Тихо, тихо, – поспешила успокоить её Анна. – В нашем положении нужно быть осторожнее.

Едва нож, глухо звякнув, упал на палубу в трёх пальцах от ноги, Танис сразу наступил на него. Небольшой клинок целиком скрылся под здоровенным армейским сапогом. Никто не заметил случившегося. Надсмотрщик был занят вразумлением гребцов, сидевших в передних рядах, соседи настолько отупели от тяжёлого труда, что уже не видели и не слышали ничего вокруг, кроме плётки. Даже напарник Таниса продолжал грести, ничего не замечая.

Рой мыслей немедленно закрутился в голове бывшего сотника. Возникло уже с десяток вариантов побега, но ещё его очень интересовало, кто же решил помочь ему, никому не известному за пределами Параи Танису. Он так и не смог разглядеть, кто был там, за решёткой. Как бы то ни было, не важно, кто помог ему. Важно лишь то, что он, не позднее следующего утра, попытается покинуть борт этого проклятого судна и сможет поквитаться за Салиста.

– А ну, работай! Сучий потрох! Хватит мечтать! – раздался над головой истошный крик, коротко свистнув, обожгла плечо плеть.

Танис мгновенно отогнал от себя мысли и, зло глянув на заросшую косматой бородой рожу надсмотрщика, налёг на весло.

15

Путешественники проснулись рано – предрассветные часы в сентябре не отличались теплом, утренний холодок не давал залёживаться. Да и шумевшее рядом море щедро бросало к скалам солёные брызги, отчего одежда стала неприятно влажной. Ёжась от холода, Стрижевский быстро развёл костер из оторванных от лодки досок, и путешественники уселись рядом с ним на камнях, подогревая себе завтрак.

Негромко шептали волны, кричали чайки, лёгкий ветерок нёс с собой запах соли и водорослей. Вокруг не было ни души, ни малейшего намёка на присутствие человека. Иван Сергеевич, меланхолично жуя хлеб с ветчиной, то и дело озирался по сторонам, стараясь понять, куда им двинуться дальше. Направо тянулась такая же унылая, каменистая береговая полоса, исчезающая в туманной дымке, налево она через пару сотен шагов превращалась в небольшой мыс, а что было за ним, известно одним богам.

Путешественники уже начинали собираться в путь, когда из-за мыса показался корабль. Большой, с огромными парусами и несколькими рядами дружно загребавших вёсел, он неспешно проплыл мимо. На палубе стояли какие-то люди и смотрели в их сторону.

– Что за корабль такой? – спросил Александр отца.

– Да кто его знает. Впрочем, большая посудина, не помню, чтобы раньше такие делали.

– Флаг не заметил, кстати? – спохватился Стрижевский.

– Красный, а в центре какая-то чёрная мазня – то ли птица, то ли что-то ещё.

– Не знаю такого. Ну да ладно, идти пора. Теперь хоть знаем, куда податься – наверняка корабль из порта шёл.

Выбор Стрижевского оказался верен. Всего через пару часов, путешественники вышли к высокому деревянному забору, начинавшемуся от самой кромки воды и уходившему наверх, на холм. За этим забором был виден довольно большой город.

– Это что?! Крепостная стена?! – рассмеялся Иван Сергеевич, когда прошёл на городскую землю, лишь немного замочив ноги.

– Скажи спасибо, что забор, – ответил Николай. – Была бы стена, кто знает, как всё обошлось.

Здесь находился городской пустырь, куда из города свозили старый, ненужный хлам – изломанную мебель, негодную поношенную одежду. За этим живописным местом следовал рыбацкий поселок. Вдоль поросшего кустарником холма тянулся ряд добротных каменных домиков, больше похожих на дома зажиточных крестьян, чем на бедные лачуги рыбаков. Около каждого висели на жердях сети, видимо запасные, потому что лодок на берегу уже не было – все вышли в море. На улице Николай увидел лишь спящих по хозяйству женщин да стайку ребятишек, бегавших друг за другом между сетей.

Провожаемые любопытными взглядами, путешественники добрались до начинающегося следом рынка. Здесь ещё было пусто. Торговля на нём начиналась лишь тогда, когда приходили с уловом рыбаки. Это неписанное правило существовало для всех, будь то дровосек, или крестьянин, или ювелир.

Путешественники прошли между пустых рядов туда, где стояли дома из жёлто-серого камня. Городские улицы встретили их странной тишиной. Час, конечно, ранний, но для портового города это было непривычно. По пути встретились пара торговцев с тележками, спешивших подготовить свои места, хозяйки, идущие к реке с ворохом белья и военные. Слишком много военных. Они ходили не по двое-трое, как обычно ходили городские стражники, а десятком, а то и двумя. Солдаты косились на подозрительную четвёрку, но обошлось без расспросов.

– Наверно, город на осадном положении, – предположил Александр.

– Что-то мы слишком легко пробрались сюда, – покачал головой отец. – Не похоже.

– Разберёмся сейчас, – махнул рукой никогда не унывающий Иван Сергеевич и подошёл к какой-то женщине.

Говорили они недолго, но когда Стрижевский вернулся к товарищам, лицо его уже не было таким весёлым.

– Мы опоздали всего на сутки, – проговорил он. – Вчера утром Малонто сдали без боя, а сегодня утром Анну, Сантилию и Литу увезли во Флардию. Похоже, мы как раз видели ту самую галеру.

– Так, – Николай задумался. – Давайте-ка, для начала, зайдём в какой-нибудь трактир. Там и подумаем. Заодно и позавтракаем по-человечески.

Подходящее заведение оказалось в соседнем доме. Оно только-только открылось, так что путешественники оказались первыми посетителями.

– Проходите, присаживайтесь, – встретил их радушный хозяин.

Его заспанное лицо сразу оживилось. Он проводил гостей за стол у окна, помог расположиться и убежал на кухню.

– Неплохо, – пробормотал Саша, разглядывая чистое, побелённое извёсткой, заведение.

На белых стенах висели горшки с плющом. Пышно разросшаяся зелень, словно водопад, ниспадала до самого пола, радуя глаз и наполняя воздух лёгким терпким ароматом. В довольно большом зале, потолок которого поддерживали внушительной толщины, каменные колонны, стояло десятка два столов, на удивление чистых и аккуратно сделанных. В довершении всего, в углу напротив входа находилась стойка, рядом с которой располагался большой, слегка закопчённый, очаг.

– А вот и вино, – вновь появился трактирщик.

В руках он держал большую глиняную бутылку и четыре бокала из покрытой глазурью керамики. Следом за ним поспевала дородная женщина, видимо жена, несущая блюдо с нарезанным копчёным мясом и овощами. Стрижевский демонстративно достал тугой кошелёк, под завязку наполненный дукатами, вытащил один золотой и, дав его трактирщику, сказал:

– Мы очень голодны. Шутка ли, провести в странствиях последние десять дней. Так что будем рады, если вы предложите нам самый лучший стол. А уж мы не поскупимся.

Тот оказался вполне сообразительным малым и, понимая, что клиенты перед ним солидные, тем более при оружии (кто знает, может какие посыльные?), ответил:

– Извольте не волноваться. Подождите немного, и мы всё для вас сделаем в лучшем виде. Моя супруга как раз занимается готовкой. Через, самое большее – полчаса, к вашим услугам будут свежайшие кушанья. Пальчики оближите, голову даю на отсечение.

– Не спеши, – важно проговорил Стрижевский. – Не торопись, делай так, чтобы всё было в лучшем виде. А нам есть, чем пока заняться.

Едва трактирщик скрылся на кухне, его товарищи разразились смехом.

– Друг мой, – Николай утирал с глаз слёзы. – Да ты прямо король. Заказ сделал, словно указ зачитал.

– А ты, что думал? Еда – дело немаловажное, особенно, если не знаешь, где окажешься следующим утром. Может, завтра под дождём сухари жевать будем?

– Ну, не буду спорить, в этом ты прав.

– Хватит вам, заморим червячка, – взмолился Саша, жадно смотревший на блюдо.

– А парень прав, – усмехнулся Иван Сергеевич и разлил по стаканам вино.

Не прошло и получаса, а стол уже заставили всевозможные чашки, плошки, бутылки. Исходившие из них ароматы буквально сводили с ума. Путешественники не заставили себя долго ждать и немедленно отдали должное кулинарному таланту повара.

Прошло немного времени, чувство голода, наконец, было удовлетворено, и друзья завели разговор о делах на ближайшее будущее.

– Ну, и что делать? – начал Николай.

– А что делать? Мы хотели спасти Анну. Так в чём же дело? – спросил его сын.

– Всё изменилось. Теперь она в столице, под неусыпным наблюдением людей Эдварда. Ты хоть понимаешь, что это означает?

– Но если, всё-таки, незаметно пробраться туда и выкрасть её? – робко предложила Таня.

– Выкрасть... – Николай покачал головой. – Я бы на это не решился, будь с нами все наши старые товарищи. А они ведь были одни из лучших.

– Но может найти их. Такая помощь нам пригодиться, да и они помогут что-нибудь придумать? – начала девушка, но, увидев помрачневшие лица старших, замолчала, а затем тихо спросила. – Я что-то не так сказала?

– Будь они живы, девочка моя, они с радостью помогли бы нам. Но, к сожалению, все они остались навсегда на Фарнадском поле.

– Э, Коль, не спеши, – встрепенулся Иван Сергеевич. – Риз то жив. А где Риз, там завсегда найдётся пара десятков головорезов.

– Да где ж нам искать его.

– Так Эйнар же говорил, что он, скорее всего, у Хиц-Эргоса.

– На Островах смерти?

– Именно.

– Навестить то можно, но едва ли он сможет помочь нам.

– Вы это о чём? – спросил Саша, не понимая, о чём идёт речь.

– Нам не хотите объяснить? – добавила Таня.

Стрижевский внимательно посмотрел на них, прокашлялся для вида и, улыбнувшись, огласил:

– Спешу вас обрадовать, что нам предстоит путешествие на лодке протяжённостью примерно полтысячи километров. В лучшем случае, это четверо суток.

– Почему, именно морем? – Николай покачал головой, явно не соглашаясь с товарищем. – Не лучше ли сушей. Доплывём на лодке до Сирато или Аспонела, а там по берегу до Фосеи прогуляемся. Нам и не нужно спешить. Медальон ещё двадцать дней силы копить будет.

– Пешком? – Таня поморщилась. – Ноги жалко.

– Так мы лошадей купим.

– Ещё лучше! Я ездить на них не умею!

– Да перестань. Иван вот тоже не умел, но когда пришлось – за день научился.

– Ну... ну хорошо.

– Ну, вот и порешили, – Стрижевский вновь налили всем вина. – Давайте по последней и вернёмся к лодке. Припасов у нас достаточно, так что можно отплывать сразу. Нечего время терять.

Солнце ещё не миновало полудня, а лодка уже уносила своих пассажиров в море. Сначала Николай держал курс вдоль побережья. Часов пять они плыли вдоль безрадостных скалистых берегов. Наконец, берег исчез в туманной дымке – кормчий направил судёнышко на юго-восток.

Было приблизительно часов девять-десять вечера, когда впереди показалась порозовевшая в отсветах заката береговая полоса.

– Ещё часа три, и мы на берегу, – объявил Стрижевский.

– Поскорее бы, – вздохнула Таня – ей снова нездоровилось.

– Там корабль! – крикнул стоявший на носу Саша.

– Где? – сидевший у руля Иван Сергеевич завертел головой по сторонам.

– Вдоль берега плывёт, с востока.

– Не вижу.

– Нет, точно говорю. Корабль.

Из каюты выбрался Николай, прикорнувший было после вахты. Протерев заспанные глаза, он осмотрелся. Стрижевский молча указал пальцем туда, где его сын разглядел что-то похожее на корабль. Тот развернулся в указанном направлении, приложил руку ко лбу козырьком, всмотрелся.

– Видно плохо, но что-то там есть.

– Па, ты за биноклем сбегай.

Сартаков хлопнул себя по лбу. Точно, совсем забыли, что у него в мешке лежит небольшой, но достаточно сильный бинокль. Он исчез в каюте и вновь появился оттуда уже с биноклем в руках.

– Корабль, – объявил он. – Боевая галера под флагом Эдварда. А они, похоже, заметили нас, в нашу сторону курс держат.

Рядом раздался тяжёлый вздох – Таня, побледнев, опустилась на лавку.

– Делать то, что будем? – спросил Саша с заметной дрожью в голосе.

Николай задумался на мгновение.

– Иван, измени курс, возьми правее.

– На сколько? – спросил Стрижевский, глянув на компас.

– Градусов на семьдесят.

Тот переложил руль, и лодка круто повернула, едва не сбросив за борт Александра.

– До берега доберёмся, а там в лесу спрячемся, – решил Николай.

– Легко сказать – доберёмся. Ветер то почти в нос дует, скорость совсем никакая.

Время тянулось, словно густая патока. Секунды казались минутами, минуты – часами. Изматывающее состязание крохотной лодочки и быстроходного военного корабля продолжалось уже с полчаса. Теперь уже не было сомнения в намерениях капитана этой галеры. Если сначала казалось, что та просто следует по своему, ранее намеченному маршруту, то сейчас стало ясно, что перед ними преследователь.

Темнело. До берега было ещё слишком далеко – те, кто управляли галерой, доберутся до лодки быстрее, чем та до суши. Оставалась лишь одна надежда – продержаться около часа, пока море не окутает ночная мгла. Но с каждой минутой становилось ясно, что этот последний шанс обречён на провал. Галера была уже близко, всего в минутах двадцати хода. Паруса боевого корабля раздувались под порывами упругого морского ветра, вёсла дружно опускались в воду. Галера неумолимо приближалась, и уже стали различимы стоявшие на носу фигурки лучников.

– Нам не уйти, – мрачно проговорил Николай.

– Может, остановиться? А то эти начнут ещё из луков стрелять? – предложил Стрижевский. – Да и отвертимся вдруг? Скажем, испугались, приняли за пиратов.

– Саш, а ты как думаешь?

– Да и я думаю, стоит остановиться. Всё равно не уйдём.

– Да, да! Давайте остановимся, они ведь отпустят нас, – Таня вскочила и схватила Николая за рукав.

– Хорошо. Только, Таня, я за тебя опасаюсь. Ты похожа на Литу.

– Да ладно тебе, – отозвался Стрижевский. А вдруг это сходство поможет нам?

– Хорошо, если так.

Николай взялся за фал, поддерживающий раму с парусом, и отвязал его. Парус мгновенно упал на рубку, и лодка потеряла ход. А галера была уже близко. Не прошло и двадцати минут, как она приблизилась к лодке борт о борт. На фоне огромных, обросших снизу водорослями, бортов, лодка казалась совсем скорлупкой. Толстые, тяжёлые вёсла поднялись, пропуская судёнышко к корме.

– Вяжите к мачте! – пророкотал с высокого борта голос.

Мгновение спустя, с корабля на колени Стрижевского упала верёвка. Что ж, делать было нечего, пришлось подчиниться. Иван Сергеевич крепко привязал внизу мачты брошенный конец.

– Залезайте, – с галеры подали верёвочную лестницу.

Николай поднял вверх голову – у борта стоял закованный в доспехи бородач. Поднятое забрало шлема то и дело норовило опуститься, и он придерживал его рукой, словно отдавал честь.

– Не тяните, – повторил он.

Сартаков тяжело вздохнул и первым полез наверх. Следом за ним, так же нехотя, направились и остальные. Едва они поднялись на борт, их сразу же окружили солдаты, человек двадцать-двадцать пять, словно перед ними были какие-то закоренелые преступники. Ещё пара десятков матросов находились при парусах, рядом с мачтами, а несколько человек, одетых в дорогие одежды, стояли на кормовой надстройке, где находился руль.

– Так, так, – проговорил бородач. – Интересная компания. Сразу видно, из Малонто плывут, да и при мечях все, даже девчонка.

У каждого из путешественников на поясе был меч, тот самый, подаренный в Фаоне. Бородач, не церемонясь, забрал оружие. Его взгляд на какое-то мгновение задержался на Тане. Он пристально посмотрел ей в глаза, покачал головой и проговорил негромко, так, что мало кто расслышал:

– Похожа, чёрт возьми. Как две капли воды. Эдварда это может позабавить.

16

Галера Эдварда вошла в гавань Мила уже вечером. Едва корабли пришвартовались к причалу, немедленно подали карету, запряжённую шестёркой лошадей из королевских конюшен. Немного погодя подъехали ещё четыре кареты, попроще, чем первая, да и запряжённые всего четырьмя лошадьми.

В первой карете разместился сам Эдвард вместе с Самитом, в остальных – свита. Отдельная карета досталась и пленницам. Ну, а те, кому не хватило места, оседлали коней. Сборы были недолгими. Упаковали вещи, немного перекусили, и, внушительных размеров кавалькада, в сопровождении сотни гвардейцев, двинулась в путь.

Уже на первом привале пришли свежие вести. Пока Эдвард ужинал перед сном, Самит долго говорил с прискакавшим гонцом, затем подошёл к патрону. Озадаченное лицо советника сразу отбило весь аппетит.

– Думаю, не порадуешь, – проговорил король, отложив в сторону кусок курицы.

– Да, пожалуй, огорчу, – нерешительно произнёс Самит.

Эдвард пристально посмотрел ему в глаза, тот смутился, но делать нечего, нужно говорить.

– В Фаоне бунт. Прогнали всех властников и верных нам людей. Ларнит кричит, что отныне признаёт лишь власть Анны.

– Какая муха его укусила?! – Эдвард даже привстал от удивления. – Сроду тихий был, а тут... Он, часом, не помешался?

– Нет, не думаю. По слухам, кто-то был в Фаоне и взбаламутил весь город.

– Так. Ясно, – Эдвард задумался. В голову пришла мысль, и он вдруг рассмеялся и, хлопнув советника по плечу, сказал. – Ничего страшного. Во всяком случае, это не повод для того, чтобы посылать туда войска. И не нужно такое сейчас, не в нашу пользу. Сделай так. Напиши ему письмо от имени Анны, что, дескать, благодаришь за доверие и верность и просишь признать мою власть, поскольку ты, то есть Анна, вкладываешь все полномочия в мои руки. А чтобы тот не сомневался, пригласи его в столицу. Пусть своими глазами увидит Анну рядом со мной и успокоится. Только, Самит, не забудь, пожалуйста, почерк подделать, Ларнит знает руку королевы. Помню, раньше у тебя это неплохо получалось.

– Всё сделаю в лучшем виде. Но, вот только, берут меня сомнения. Приедет он в столицу, а Анна возьми, да выкинь какой-нибудь номер. Что тогда?

– За это не переживай. Думаю, у неё хватит ума не делать глупостей. Иначе, я устрою ей и её подругам такую сладкую жизнь, что до конца жизни жалеть будут.

Шаги на палубе стихли. Суматошная беготня, гулом отдававшаяся в ушах прекратилась. Воцарилась благодатная тишина, лишь снаружи доносился слабый гул голосов на набережной.

Быстро темнело. Солнечный свет уже не проникал сквозь зарешеченный люк. Там, над головой, осталось лишь сумеречное небо, на котором зажигались первые звёзды. Ночь брала своё.

Танис и представить себе не мог, что такое истинное блаженство. Лишь сейчас, проработав веслом целый день, с восхода до заката, он понял это. И, хотя ломило натруженную спину, ныли, казалось вдвое вытянувшиеся, руки, горели истёртые ладони, Танис радовался этому отдыху. Вскоре, принесли ужин. Надсмотрщик раздал каждому по миске, ложке и кружке, а следовавший за ним помощник накладывал из котла какое-то варево, раздавал хлеб и наливал воду. Тот час по всей палубе раздалось жадное чавканье – изголодавшиеся гребцы, слово звери, набросились на еду.

Танис принялся к тому, что плюхнулось ему в миску из половника – пахло рыбой. Он осторожно помешал порцию ложкой – это была сильно разварившаяся, да к тому же еще плохо очищенная, рыба, смешанная с чем-то вроде репы. На вкус, правда, варево оказалось вполне съедобным, но приходилось, то и дело, отплёвываться от чешуи, костей и потрохов.

Эти незначительные недостатки отнюдь не портили зверски голодному Танису аппетит. Он, с некоторым удовольствием, проглотил порцию и, даже почувствовал себя сытым. Запив съеденное водой, он поставил посуду на палубу и блаженно развалился, откинувшись на прибитый к сиденью кусок доски, заменявший спинку, сделанную вовсе не для удобства, а для того, чтобы гребец не упал назад, если вдруг потеряет равновесие.

– Сиди прямо и держи миски в руках, – раздался вдруг шёпот соседа.

– Почему? – не понял Танис.

– Таков порядок.

Пришлось последовать совету, но едва Танис наклонился, чтобы поднять посуду, над головой прогремел голос надсмотрщика.

– Ты что это, мразь, на палубу миски ставишь. С пола пожрать захотел?

Пленник ничего не ответил и лишь молчал, стиснув зубы. Под левой ногой он чувствовал нож, он хотел пустить его в ход, но пока держался. Нога надсмотрщика ударила в посуду – во все стороны полетели черепки.

– С пола теперь жрать будешь. А ну, собери живо осколки.

Танис даже не шевельнулся.

– Ты что, оглох?! Я тебя сейчас научу меня слушать.

Тяжёлая, огрубевшая рука сжала шею Таниса, и начала клонить его вниз. И вдруг, казалось непреклонный, упрямый заключённый, сдался. Он наклонился и... Внезапно тускло блеснул неведь откуда взявшийся кинжал. Надсмотрщик попытался уклониться, но его грузное тело двигалось слишком медленно. Нож, словно молния, ударил его под грудь и, готовый слететь с губ крик застыл в груди.

Танис вырвал окровавленное лезвие и вскочил – помощник надсмотрщика уже бежал к нему, на ходу пытаясь достать свой короткий меч. И, мгновение спустя, когда их разделяло менее шести шагов, в воздухе свистнул брошенный нож. Его лезвие ударило парня точно в кадык, глубоко застряв в горле. Он захрипел и рухнул, как подкошенный, заливая чищеную палубу кровью.

– Ключ на поясе, – вновь услышал Танис голос соседа.

Нащупав тяжёлую связку, он на удивление быстро подобрал ключ от замка цепи их весла, а затем отдал ключи другим. Узники, стараясь не шуметь, начали подбирать ключи к своим замкам. Выход с гребной палубы лежал по лестнице, вход на которую закрывали железной решёткой. К счастью, сейчас она была открыта.

Танис, не теряя времени – лишь забрал нож – бросился туда. Ждать остальных он не стал. Здравый смысл подсказывал, что скрыться в одиночку гораздо проще, чем с этой шумной толпой. На их крики сейчас сбежится вся стража, а её тут предостаточно, так что у остальных нет никаких шансов на спасение. Что ж, судьба. У них своя, у него – его собственная.

– Эй, что там за шум у вас? – раздался вдруг снизу голос, когда Танис уже стоял на лестнице.

Тот же выход шёл и с нижней гребной палубы, и её надсмотрщик, привлечённый небывалым шумом над головой, решил подняться и проверить, в чём дело. Видимо, он принял беглеца за своего, поэтому именно такой вопрос прозвучал из его уст. В то же мгновение решение созрело в голове Таниса. Промедли он хоть чуть-чуть, надсмотрщик догадался бы, в чём дело и поднял крик. И Танис, перепрыгнув через перила лестницы, оказался с ним лицом к лицу.

Тот не успел вымолвить и слова. От неожиданности, его язык словно присох к гортани и, вместо крика послышалось несурзное мычание. Здоровый кулак Таниса скинул беднягу вниз,

раздробив половину зубов. Ещё мгновение, и беглец оказался на верхней палубе. Стоявшая на часах охрана сразу обратила внимание на невесть откуда взявшегося человека. Но не успели они окликнуть его, как тот бросился с борта в море. Пущенные ему вдогонку стрелы, больше для острастки, так и не нашли свою цель.

Прекрасный пловец, Танис легко проплыл через всю акваторию порта, проплыл мимо рыбацкого поселка и, когда город остался позади, выбрался на берег. Его окружал густой хвойный лес. Стройные сосны стремились ввысь, теряясь на фоне ночного неба, ели стояли, словно призрачные нагромождения из пустоты и мрака. И кругом тишина – всё живое уже отошло ко сну. Лишь лёгкий ветерок слегка шелестел в кронах деревьев.

Вымокший, измученный Танис, едва попав на берег, свалился среди корней росшей на берегу раздвоенной сосны. И, хотя море было ещё тёплое, ночью воздух сильно остывал. Дрожа от холода и не имея возможности разжечь костер, Танис свернулся калачиком и быстро уснул на мягком песке.

Набежавшие за ночь тучи сменили ещё тёплую, ясную погоду на мерзкую, холодную морось, то и дело сменявшуюся проливным дождём, и лишь недавно солнце снова стало проглядывать сквозь серую пелену. Танис проснулся от того, что холод сводил его руки и ноги в болезненной судороге. Встав, он немного попрыгал на месте, чтобы кровь пошла к затёкшим членам. Стало немного лучше, но это всё равно не помогало от холода, который, без труда, пробирался к телу сквозь сырую одежду. Танис чихнул, да так сильно, что рядом взлетели испуганные птицы – простуда брала своё. Уже чувствовался лёгкий озноб, но сдаваться было ещё рано. Надо идти, идти в Параю.

17

Веки после сна словно склеились. Стрижевский уже проснулся, но никак не мог раскрыть их. Он ощущал падающий на лицо яркий свет. Даже так он слепил, а открой глаза, этот свет выжжет их дотла, превратит в лёгкий серый пепел.

– Тьфу, чёрт! – выругался Иван Сергеевич, рассердившись сам на себя от этих мыслей.

Глаза резко открылись. Свет падал на лицо сквозь небольшое квадратное окошечко. Стрижевский часто заморгал, но, вскоре, привык к яркому солнцу. Он осмотрелся. Вчера, когда их силой затолкали в эту каюту, здесь уже было темно, и им пришлось на ощупь искать кровати, чтобы лечь спать. Теперь стало видно, что он находится в небольшой, примерно два на три, каюте.

Под окошечком, на топчане, спал Саша, у противоположной стены – Николай. Кроме трёх лежаков здесь больше ничего не присутствовало, разве что расшатанный табурет, где лежала грудой сваленная одежда. Тани здесь не было. Её поместили в отдельную каюту, по соседству с этой.

Стрижевский оделся, тронул дверь. Дверь оказалась закрыта снаружи. Он легонько постучал, стараясь не разбудить товарищей. Лязгнул засов, дверь открылась. В проёме показался молодой солдат. Он, похоже, тоже только что проснулся – лицо его было настолько глупым и заспанным, что Иван Сергеевич едва не расхохотался.

– Что нужно? – спросил солдат, зевнув.

– Выйти хочу.

– Не велено.

– То есть как так?

– Пока не прибудем в Мил, вам надлежит оставаться в каюте.

– И долго ещё?

– Уже подплываем.

Дверь резко закрылась, едва не ударив Стрижевского по носу. Иван Сергеевич негромко выругался и сел на постель. Сделать что-либо сейчас он был бессилён. Оставалось лишь ждать.

Вскоре заворочался просыпающийся Николай. Перевернувшись на спину, он потянулся, зевнул и открыл глаза.

– Как спалось? – спросил его Стрижевский.

– Неплохо.

– Мил скоро.

Коля встал, оделся и подсел рядом.

– Что делать будем? – спросил его Иван Сергеевич. – Мне что-то ничего на ум не приходит.

– Да и я пока не знаю, – вздохнул Николай. – Одно хорошо – медальон не отобрали.

– А вот я боюсь, что Таню от нас забрать могут.

– С чего это ты так решил?

– А ты слышал, что вчера бородатый говорил. Мол, похоже, Эдвард заинтересуется.

Николай задумался. Но, вскоре, стало понятно, что он что-то задумал. Правда на его лице читалась такая неуверенность в своём плане, что Иван Сергеевич, тронув его за руку, спросил:

– Ты в порядке?

– Где твой пистолет?

– В лодке.

– Нам нужно добраться до него.

– Учти, это ведь на самый крайний случай. Договаривались.

– Считаю, что этот крайний случай наступил.

– Но мы не выйдем – дверь заперта, и там стражник. А скоро Мил.

Иван потянулся к окошку – берег был совсем близко, галера медленно плыла вдоль него. самого города Стрижевский пока не видел, он находился прямо по курсу.

– Буди сына.

Он повернулся к Николаю и отшатнулся от неожиданности – лицо его товарища превратилось в холодную, жестокую маску. Иван Сергеевич покачал головой и сам тряхнул плечо Саши. Тот мгновенно проснулся.

– Быстро одевайся, – сказал отец.

Тот удивлённо посмотрел на его лицо.

– Что-то случилось?

– Одевайся, у нас мало времени.

Александр не заставил себя долго ждать.

– А теперь слушай меня внимательно, – Николай усадил сына перед собой и пристально посмотрел ему в глаза. – Сейчас мы попытаемся вырваться отсюда. Самое важное, чтобы ты не дрогнул, и тогда успех обеспечен. Если ты растеряешься, засомневаешься – последствия могут оказаться очень печальными.

– Зачем нам бежать? – не понял Саша. – Всё, вроде, нормально. Нас не бьют, не пытаются, поселили сносно...

– Если мы не бежим, то окажемся в тюрьме, а Таня в лапах Эдварда, – прервал его Стрижевский.

– Вот оно что. Тогда пошли.

– Хорошо, – Николай взял сына за руку и потупил взгляд. – Только будь решителен, от этого зависят наша свобода и жизни.

– Что ты имеешь в виду? Ты же знаешь, что я не трус.

– Я имею в виду, что если нужно будет убить – убивай.

Александр вздрогнул, встал и сделал шаг назад. Его спина упёрлась в борт, и он тяжело вздохнул.

– Ты готов к этому?

– К этому нельзя быть готовым. Я не могу убить человека.

– Ошибаешься. Это может любой. Так что, будь готов.

Николай поднялся, подошёл к двери и громко постучал. Снаружи раздались неторопливые шаги, затем недовольный голос произнёс:

– Да что ещё нужно? Что спокойно вам не сидится.

– Давай быстрее сюда! – закричал Сартаков. – Тут у нас одному плохо, сейчас концы отдаст!

Дверь тот час распахнулась, и на пороге появился солдат. Он беспокойно обвёл взглядом помещение.

– Кто? – растерянно спросил он, продолжая озираться по углам.

В тот же миг Николай схватил его за правую руку и за шею и, дёрнув на себя, ловко сделал подсечку. Бедняга от неожиданности выронил алебарду, упал на койку, попытался подняться и закричать, позвать на помощь, но оказавшийся рядом Стрижевский изо всех сил ударил защищённым кольчугой локтем в переносицу. Что-то отвратительно хрустнуло, брызнула кровь. Солдат дёрнулся и застыл без сознания.

– Забирайте оружие, и пошли, – Николай схватил алебарду и выскочил в коридор.

Иван Сергеевич забрал меч, Саше достался длинный нож. Не теряя времени, они последовали за Николаем. Уже из коридора Александр, не удержавшись, бросил взгляд на непутёвого охранника. Тот лежал на койке, раскинув руки, неподвижный и, как ему показалось, бездыханный. На месте его носа осталось лишь страшное кровавое месиво, из которого узкой лентой по щеке стекала кровь.

Рядом никого не было. Николай осторожно открыл соседнюю дверь – Таня оказалась там. Она ещё спала, поэтому подоспевший Иван Сергеевич бесцеремонно сдёрнул с неё одеяло и сильно тряхнул. Девушка, вздрогнув, мгновенно проснулась.

– Быстро одевайся, – он сунул ей в руки одежду.

Она сразу поняла, в чём дело. Стараясь совладать с лёгкой нервной дрожью, девушка быстро оделась.

– Кольчугу не забудь, – шипел Стрижевский, поминутно озираясь на дверь, за которой сквозь щели был виден яркий солнечный свет. – Давай, давай, шевелись

Прошло всего две-три минуты, и все четверо бросились по коридору к двери, которая вела на палубу.

– Как выйдем, сразу в лодку, направо, – предупредил всех Николай, остановившись на мгновение, перед тем, как выйти.

Едва беглецы выскочили на палубу, в глаза тот час ударили безжалостные лучи яркого утреннего солнца. На мгновение все четверо застыли, ослеплённые светом, и этих мгновений оказалось достаточно, чтобы на них обратили внимание. С мостика прозвучал тревожный возглас, и стоявшие на постах солдаты, тут же бросились на протирающих глаза пленников.

– К борту! – воскликнул Николай, толкая растерявшихся товарищей.

На них напало семеро, все с мечами и при доспехах. Ещё несколько матросов стояли поодаль, готовые пустить в ход лежавшие в ящике у мачты дротики. С десятков солдат стояли на носу – они уже держали готовые к бою луки. За спиной беглецов находилась кормовая надстройка, на которую вела узкая, крутая лестница. Там, наготове, стояло пятеро офицеров, вместе со вчерашним бородачом, и тоже с мечами наголо.

Им не предлагали сдаться, солдаты сразу атаковали, но, несмотря на превосходство, они никак не могли подобраться близко. Вспомнивший былое, Николай ловко вращал алебардой, держа противника на расстоянии. Справа от него стоял Стрижевский, за их спинами Александр, судорожно сжимавший кинжал. Другой рукой он поддерживал близкую к обмороку девушку. Её трясло от страха, она спотыкалась на каждом шагу, но продолжала медленно идти к борту, за которым была спасительная лодка.

– Живём брат, – послышался голос бородача.

Прекрасно, значит, стрел и дротиков не будет. Повинуясь команде, солдаты усилили натиск, чтобы, сцепившись в рукопашной схватке, обезоружить, как им казалось, лёгкого противника. Подумаешь, алебардой машет. Эка невидаль.

Один из них, отвлекая на себя Николая, ринулся прямо на остриё алебарды, изо всех сил ударив мечом по древку в попытке перерубить его. В это время другой бросился на Стрижевского. Их клинки встретились, сталь заскрежетала о сталь с надрывным визгом. Противники обменялись несколькими нехитрыми ударами, затем Иван вдруг зловеще усмехнулся и, сделав прямой выпад, целя в защищённую кирасой грудь. Солдат легко отвёл это движение влево вниз и хотел ответить, но меч Стрижевского, словно смертоносная кобра, обвился вокруг клинка противника, отводя его вверх.

В следующее мгновение Саша, внимательно следивший за этим поединком, увидел в глазах солдата неподдельный ужас – меч Ивана Сергеевича оказался как раз в позиции для удара в шею. Это и произошло, ничто уже не могло предотвратить такой исход. Словно в кошмарном сне, Александр видел всё так, словно на замедленном просмотре, видел каждое мгновение.

Вот Стрижевский делает шаг вперёд, и его вторая рука тоже сжала рукоять меча, чтобы предать удару твёрдость и точность. Едва заметный, но сильный толчок – клинок противника отбит в сторону, теперь уже абсолютно бессильный, что-либо изменить. Лицо Стрижевского исказилось в страшной, кровавадной гримасе, тело, несмотря на возраст ещё полное силы, напрягается словно пружина и, спустя какие-то доли секунды, эта пружина выплёскивает свою энергию.

Меч разящей молнией обрушивается на шею солдата. Удар пришёлся на низ шлема и бармицу и разорвал железо доспеха, словно бумагу, вмял искорёженный металл в человеческую плоть. Солдат, обливаясь кровью, упал на палубу, отброшенный в сторону на три шага.

– Мама, – Таня пошатнулась и повисла на руках Александра.

Да и сам он был не в лучшем состоянии. От увиденного он мгновенно покрылся холодной испариной. Ему, да и Тане, приходилось препарировать на занятиях, но резать скальпелем мёртвую плоть с целью познания совсем не то, что это. А Иван хладнокровно сделал шаг назад и вновь взял клинок на изготовку, в ожидании следующей атаки.

Николай всё ещё отбивался от своего противника. Несколько растерявшись сначала, он быстро совладал с собой и провёл весьма простую, но вполне эффективную атаку. Остриё алебарды внезапно устремилось вниз и вонзилось точно в сгиб сапога противника. Тот взвыл от боли, опустил меч, а Сартаков, размахнувшись, рубанул с плеча в бок. Удар не пробил кирасу. Лезвие высекло сноп белых искр и глубоко вошло в палубный настил. Но противник не устоял, его отбросило на перила лестницы, словно игрушку.

– Стреляйте в них! Хватит игр! – закричал бородач. – Стреляйте по ногам!

Солдаты уже боялись приближаться к этим неизвестным и замешкались.

– Быстрее в лодку! – Николай оставил алебарду и, заметив, что на носу уже натягивают луки, толкнул друзей к борту.

Таня всё-таки пришла в себя, и они по крепившей лодку к кораблю верёвке перебрались с борта галеры в свою посудину под растерянными взглядами солдат. Те так и не решились стрелять, боясь, что в этой суматохе попадут не туда, куда приказано. А Стрижевский одним ударом перерубил верёвку – они были свободны.

– Быстрее в каюту, пока они нас стрелами не нашпиговали!

Но в это мгновение лодка неудачно ударилась о волну, развернулась кормой к галере и, зачерпнув воды, перевернулась.

– Суши вёсла! Загребай назад! – слышались команды с мостика.

Тяжёлый корабль остановился шагах в двухстах от перевернутой лодки. С его борта внимательно следили, не вынырнет ли кто из-под неё. Хотя, едва ли. Те четверо были в кольчугах, а эта тяжесть мгновенно утянет на дно. Но решили немного подождать, вдруг кто-нибудь всё-таки смог уцепиться за лодку.

Время шло. Прошло уже столько времени, сколько не выдержал бы под водой и самый искусный ныряльщик. Но из-под лодки так никто и не появился. Зелёное от покрывавших его водорослей, едва видимое над водой, днище лодки покачивалось на волнах, словно своеобразное надгробие.

– Утонули, – бородач вздохнул, явно огорчённый, что упустил таких пленников. – Ладно, идём в Мил.

– Сколько мы здесь высижим? – спросила Таня, уже стуча зубами, правда непонятно, то ли от холода, то ли от страха.

– Минут пятнадцать, и хватит, – ответил Николай. – А то замёрзнем.

Все четверо забились в каюту, где образовался довольно большой воздушный мешок. Всё же воздуха было маловато, и дышать приходилось как можно реже. Но прошло минут пять, и уже начал чувствоваться избыток углекислого газа.

– Хорошо, пятнадцать минут мы не высижим. Ещё немного и осторожно выплывем, может, и не заметят.

Минут с пятнадцать путешественники всё же продержались. Дышать стало совсем нечем, и они поспешили выплыть на поверхность.

– Фу, – громко фыркнул Стрижевский, полной грудью вбирая в себя свежий, чистый морской воздух.

Да и остальные не удержались от того, чтобы вдохнуть полной грудью.

– Галера уплывает, – Саша кивнул в сторону корабля, успевшего отойти на шагов пятьсот.

– Подождём немного, пусть подальше отойдут. А потом к берегу поплывём, – предложил Николай.

– Кольчуги только снять надо, а то в них и двадцати метров не проплывём.

Тот час увесистые доспехи пошли на дно. Пришлось расстаться и с мечом Стрижевского. Лишь Саша оставил кинжал, привязав его к поясу. К сожалению, это единственное, что осталось из снаряжения путешественников. Всё остальное пошло на дно, когда перевернулась лодка.

Доплыть до берега стоило больших усилий. Хотя, он казался очень близким, волны, ветер и намокшая, тянувшая на дно одежда, делали своё дело. Но ничего изменить было нельзя. Волнам и ветру не прикажешь, одежду не скинешь. Так что приходилось бороться за свою жизнь до полного изнеможения.

Последние метры, когда дна, казалось, вот-вот коснётся нога, дались особенно тяжело. Мужчины ещё держались, Таня же, совершенно обессилев, плыла на спине, а Николай и Иван тянули её за руки. Выйти на берег они уже не смогли. Едва вода дошла до бёдер, ноги начали подкашиваться, путешественники спотыкались, падали в воду. По песку пришлось ползти на четвереньках – здесь ноги уже совсем отказались повиноваться.

Рядом, всего в шагах десяти от кромки воды, устремились к небу золотистые стволы сосен. Мягкий зелёный мох, разросшийся огромным ковром у корней, манил к себе не хуже пуховой перины. Из последних сил все четверо добрались туда и упали на мягкую зелень мха под стволом огромной, чуть ли не в два обхвата, сосны. Но долго разлёживаться было нельзя. Сырая одежда холодила тело, и, порой, при резком порыве ветра даже пробирал озноб.

К огромной радости, у Стрижевского нашлась зажигалка, предусмотрительно захваченная в дорогу. Под ногами отыскалось множество подгнивших, но сухих веток, что представляло собой сносное топливо для столь необходимого сейчас костра. Вооружившись ножом, Иван Сергеевич быстро настрогал щепы и соорудил над ней пирамидку из веток. Ещё немного, и костёр запылал жарким оранжевым пламенем, распространяя вокруг животворное тепло. Путешественники сняли с себя верхнюю одежду и, развесив всё это вокруг огня, придвинулись поближе и сами.

18

Двое в чёрных сутанах шли по жёлтой, пыльной дороге. Впереди, на многие мили, простирались лесные чащобы, позади медленно растворялись в дымке потемневшие от времени, деревянные ворота в высокой стене, за которой оставался храм Лабек. Двое не оглядывались, словно боялись превратиться в соляные столпы. Их глаза смотрели строго вперёд, туда, куда лежал их путь.

– Теперь, за стенами храма, твоё имя будет Эйтран, – сказал один из них, уже немолодой, но ещё не старик с проседью в тёмных волосах и небольшой аккуратной бородачке.

– Почему Эйтран? – спросил другой. – Почему я не могу путешествовать под моим собственным именем? Я же для всех умер, да и дорога наша пролегает по малолюдным местам. Кто узнает меня в этой глуши?

– Сам знаешь, что твоё имя не свойственно этому миру, так что лучше будет так, как решил я.

– Может мне называть тебя Лабек? – засмеялся Александр-Эйтран.

– Предпочитаю Валиар.

– Хорошо, – Эйтран примирительно поднял вверх руки. – Имена мы себе выбрали. Может, теперь объяснишь, зачем ты тащишь меня к сибийским горам.

– Не догадываешься? Или твой разум всё ещё спит? Пора бы пробудить его.

– Прошу тебя, не люблю, когда отвечают вопросом на вопрос, – Эйтран поморщился. – Да и с чего ты решил, что я знаю? Теперь в этих горах остались лишь рудники.

– А Чёрное ущелье?

– Оно давно уже не то. Древние силы покинули его. Теперь это самый обычный перевал.

– В основном ты прав, но... – Валиар многозначительно поднял вверх свой длинный, сухой указательный палец.

– Что, но?

– Есть там место одно – Лабиринт. Там, как тебе известно, погиб прежний герцог Лаурдский.

– Ох, – Эйтран вздохнул. – Нам то на кой это место?

– У тебя ведь нет меча?

– Опять вопрос на вопрос! Да, нет у меня меча. Да и достойного Аклостину не найти нигде.

– Ты прав, но среди тех скал покоится меч, который тоже будет достоин твоей руки.

– Ну да, только вот как его найти? Ты в своём уме?! Прошло двадцать лет, и думаешь, мы найдём там хоть что-нибудь.

– Не волнуйся, со мной – найдём.

– А что потом? – Александр взял Валиара за плечи, повернул к себе и заглянул в его бездонные, чёрные глаза. – А что будет потом, бог?

Валиар ничего не ответил. Под ногами заскрипели доски мостика через небольшой ручей, шаги гулко отдались в крутых берегах. Они бросили прощальный взгляд на мутную белёсую воду и свернули с дороги в чашу.

– А что потом? – повторил свой вопрос Эйтран.

– Об этом ещё успеешь подумать, – Валиар усмехнулся. – У нас две недели пути.

– Ты думаешь, что я как тогда смогу поднять народ на борьбу? Сам понимаешь, времена уже не те, нет того общего врага. Им неплохо живётся, их никто не угнетает, никто не порабощает. Зачем им война неизвестно за что, неизвестно за кого, а едва ли кто поверит в моё воскрешение.

– Я помогу тебе.

– Ты? Как? Опять примешь смерть на поле боя?

– Смертный! – Валиар остановился, расправил ссутуленные плечи. – Не забывай, что я, всё-таки, Лабек и кое-что могу.

– Хотелось бы верить в это.

– Так верь же! Верь! Что мешает тебе сбросить в глаз пелену и взглянуть на этот мир по-другому. Для того ли ты рождён, чтобы прозябать остаток жизни в монашеской келье?!

– А я уже не знаю, для чего был рождён. И сам подумай – снова смута, междоусобица, брат прольёт кровь брата. Люди забудут о сохе и возьмутся за меч. К чему это приведёт?

– Этой землёй должен править наследник богов или его потомок. Эдвард не твой сын.

– Ты ошибаешься, Лабек. Этой землёй должен править тот, кто умеет это. Тот, кто сможет дать её народу спокойную и сытую жизнь. А он, откровенно говоря, справляется с этим лучше меня.

– Александр! Он же пытался убить тебя и твоих близких. Он убил и засадил в тюрьму многих твоих соратников. Что ты теперь скажешь на это?! Разве их кровь не требует отмщения?

Саша схватился за голову, застонал так, словно что-то разрывало его на части, и упал на колени.

– Я не знаю, что мне делать! Не знаю! – закричал он.

Крик вспугнул птиц. Два ворона, громко хлопая чёрными крыльями, взлетели с гнезда и принялись кружить над путниками, оглашая лес вокруг недовольным карканьем.

– Пойдём, Эйтран, – Валиар тронул его за плечо. – У тебя ещё много времени на раздумье.

19

Поздним вечером следующего дня кавалькада придворных во главе с Эдвардом въехала во дворец. Флардия встретила повелителя тишиной. Площадь не пестрела ликующей, шумной толпой. Крики восторга не приветствовали его. Несколько прохожих, случайно оказавшихся здесь в этот час, проводили кареты любопытными взглядами, и даже не подумали хотя бы помахать им рукой. В городе был обычный вечер. Народ расходился, кто домой, кто по трактирам, чтобы скоротать вечер за стаканчиком вина. Им было не до вернувшихся в столицу обитателей дворца. Привезли из Малонто королеву Анну? Вот ведь как. Бедняжка. Выпьем за её здоровье.

Несмотря на дурные предчувствия, Анне и её спутницам отвели под жильё целый пристрой около левого крыла дворца. Его начинали делать ещё при Александре для часто и в большом количестве приезжавших гостей. Теперь этот одноэтажный, состоявший из трёх больших апартаментов, флигель пустовал и как нельзя лучше подходил для пленниц – выйти из него можно было только через сам дворец, поэтому стражников в проходе вполне хватало. Заменяли лишь окна. Теперь здесь стояли решётчатые витражи, в которых можно было открыть лишь небольшие створки. Анна сразу заметила это:

– Здесь же были обычные окна! – возмутилась она, войдя в свою комнату. – Неужели он заранее позаботился об этом?

– А Эдвард весьма предусмотрителен, – мрачно отозвалась Сантилия. – И это меня очень беспокоит. Очень хочется поскорее убраться отсюда. Например, в Сибю.

– Зачем? – Анна тяжело вздохнула. – Какая разница, где стареть.

– Это не похоже на тебя?! Что случилось?

– Давно уже случилось.

– Анна, я тоже потеряла Эйнара. И я хочу отомстить за его смерть. Там, в Сиби, нас ждут готовые к бою полки, они ждут только тебя. И никто другой не может возглавить их. Подумай – протянем немного и всё, эти люди потеряют в нас веру и откажутся от борьбы.

– Война?

– Да! Пусть будет война! Пусть льётся кровь! Пусть этот сонный народишко, которому всё равно, лишь бы кормили, проснётся и поймёт, что править Островом должен не сын трактирщика, а истинная королева. Неужели зря мы выстрадали на Фарнадском поле?! Неужели, это сделано для того, чтобы окончить жизнь безделушкой, бесполезной куклой в доме убийцы и выскочки?!

– Мама?! – стоявшая рядом Лита побледнела, отшатнулась, услышав эти слова.

– Лита! – Сантилия обернулась и взяла дочь за руку. – Будет война.

– Будет война, – прозвучал зловеще и тихо голос Анны.

Глаза её засверкали, щеки заалели от прилившей к ним крови, разгладились от морщин. Гнев словно омолодил её.

– Но пока нужно ждать, – продолжила она. – Усыпим внимание тюремщиков. Пусть Эдвард думает, что мы смирились со своей участью.

После долгой, выматывающей дороги ванна была весьма кстати. Тёплый мрамор, мыльная, наполненная ароматами трав, пена – всё это успокаивало и расслабляло. Эдвард лежал, лениво оглядывая сквозь прикрытые глаза освещённую множеством свечей, комнату. Беломраморная облицовка стен при их свете казалось пугающе-красной. Пляшущие язычки пламени отбрасывали на стены причудливые тени. То и дело он бросал свой взгляд направо или налево, где сидели две полуобнажённые девушки. Одна осторожно массировала ему левое плечо, другая – правое. Резкий стук в дверь прервал это блаженство.

– Кто там? – недовольно спросил Эдвард.

– Это я, Самит.

– Друг мой, разве я не говорил тебе, что когда я в ванной, нельзя беспокоить меня?

– Прибыл гонец из Мила, лошадь загнал насмерть. От бородатого Теурена.

– Ему снова мерещатся лафирские пираты?

– Нет, ради этого не стали бы губить лошадь. Кое-что поинтереснее.

Эдвард поморщился и знаком приказал девушкам спрятаться за ширмой.

– Заходи.

Дверь с шумом распахнулась, и в ванную комнату вошёл Самит со свитком в руках.

– Что там Борода пишет? – Эдвард нарочито-лениво зевнул и, открыв глаза, повернул голову к вошедшему.

– Они возвращались в Мил и при входе в Малонтийский пролив натолкнулись на лодку. Там было двое мужчин уже преклонного возраста, парень и девушка. Все при оружии. Теурен их арестовал, поместил на галеру. Но утром они бежали, причём смогли завладеть оружием и тяжело ранили двоих и легко одного.

Самит отдышался.

– Дальше что? – нетерпеливо спросил Эдвард.

– Дальше, они прыгнули к себе в шлюпку, но она перевернулась. Беглецы, вроде бы, утонули, но один из матросов уверяет, что издала видел, как от шлюпки плыли четверо по направлению к берегу.

– И что в этом особенного? – начал сердиться Эдвард. – Нарвались на рыбаков, а им просто не понравилось подобное обращение.

– Это не простые рыбаки. По крайней мере, двое мужчин. Молодые, парень с девкой, не сражались, кто знает, что это за птицы. А вот те двое великолепно владеют оружием. А теперь самое интересное. При Теурене есть десятник, который видел всё это с начала до конца. Он ветеран, участвовал ещё в войне с Лафирой и знал многих из окружения Александра. Так вот. По его словам, это были «Ушедшие» – Николай Сартаков и Иван Стрижевский.

– Ой! – Эдвард соорудил кислую мину, словно съел лимон. – Эти варварские имена... Этому болвану просто показалось. «Ушедшие» не могут вернуться. Для этого нужен медальон, а он, как известно, рассыпался в прах. Десятник обознался. Но, всё-таки, пошли патруль, пусть поищут этих четверых, если они только выплыли.

– А что делать, когда их найдут? Задержать? Или... – Самит сделал красноречивый жест ребром ладони по горлу.

Эдвард задумался. Приставив палец к переносице, он напряжённо сморщил лоб. Резкие складки избородили его лицо, состарив на десяток лет.

– Пожалуй... – нерешительно начал он. – Пожалуй, не стоит пока их трогать. Следите за ними. Если даже это «Ушедшие», что невозможно, они не смогут нам помешать. Может даже они ничего не знают о том, что случилось.

– А им неоткуда узнать, – заверил короля Самит. – Те, кто знали, либо мертвы, либо у нас в руках.

– Вот и хорошо. А теперь иди.

Самит поклонился и, пятясь назад, выскользнул за дверь.

На следующее утро Сантилия и Лита как всегда завтракали у Анны. Приставленные к ним слуги (или надзиратели?) принесли блюда из дворцовой кухни. Против всяких ожиданий, всё оказалось свежим, хорошо приготовленным, и женщины, изголодавшиеся после переезда, с аппетитом принялись за завтрак.

– Доброе утро, дамы, – раздался вдруг от двери голос Эдварда. – Надолго не задержу вас. Хочу лишь сказать тебе, Анна, что церемония отречения состоится двадцатого числа. Так что подготовься, придумай речь. Это всё. Приятного аппетита.

Эдвард развернулся и вышел за дверь. Уже закрывая её, он вдруг вспомнил что-то, обернулся.

– Если желаете на прогулку, скажите слугам.

И он ушёл. Женщины переглянулись.

– Весь завтрак испортил, – мрачно проговорила Сантилия и резко отодвинула от себя пиалу с фруктовым напитком.

– Всё же было любезно с его стороны предупредить нас о церемонии, – усмехнулась Анна.

– Это почему же?

– Теперь мы знаем, что с побегом медлить нельзя. Это нужно сделать до отречения, иначе грош мне цена. Он и сам отпустит меня на все четыре стороны после церемонии.

– Ну и как ты собираешься бежать? Сейчас это невозможно.

– Отчего же? Ранним утром, когда весь дворец, включая доблестную стражу, будет сладко спать. Нам нужно лишь тихонько пробраться на кухню, а там нас ждёт подземный ход. Или вы забыли о нём?

– Точно! Как я сразу не догадалась! – воскликнула Сантилия и тут же зажала ладонью рот, боясь, как бы никто не услышал.

– Если всё так просто, давайте бежим завтра утром, – предложила Лита. – У меня нет ни малейшего желания оставаться в одном доме с Эдвардом.

– А мы ничего против не имеем.

День прошёл в тягостном ожидании. Женщины боялись даже думать о предстоящем, им казалось, что стоит только появиться этой мысли, слуги, которые то и дело заглядывали к ним – видимо, проверяли – прочтут их. Страхи страхами, но Анна, сообразив, что в их пышных, годных лишь для прогулок по дворцовым коридорам, платьях, далеко не убежать. Недолго думая, она потребовали принести им три костюма для верховой езды. Предупреждая удивление слуг, она пояснила, что собирается завтра с фрейлинами совершить прогулку по саду.

Уже через полчаса это пожелание стало известно Эдварду. Бдительные слуги, которым строго настрого наказали обо всём докладывать королю, немедленно всё рассказали ему. Ничего подозрительного в этой просьбе никто не увидел и, спустя ещё полчаса, пленницам доставили три брючных костюма, каждый из которых дополнялся кожаным поясом с искусно украшенными золотом ножнами, в которых находился небольшой, изящный кинжал. Эти костюмы Анна придумала сама ещё лет десять тому назад, и, видимо, слуга случайно захватил и эти пояса, лежавшие в одном свёртке со всем остальным.

– Лопухи, – усмехнулась Анна, пробуя ногтем остроту лезвия. – Поленились посмотреть, что там.

– Нам же лучше, – отозвалась Сантилия. – Кинжалы могут пригодиться.

Долгожданная ночь окутала своим чёрным покрывалом весь город, дворец и его парк. Кое-где загорелись масляные лампы, но они выхватывали из ночной тьмы лишь крошечный кусочек пространства. Парк опустел. Лишь немногочисленные патрули бродили по его дорожкам. Опустили коридоры и залы дворца. Все его обитатели разошлись по своим комнатам – в этот вечер не намечалось никаких праздников.

Анна и её подруги, посидев немного вместе, легли спать, точнее сделали вид, что сделали это. В действительности, ни одна из них не спала. В предвкушении побега, когда сердце замирает при малейшем шорохе, совсем не до сна. Так что приходилось коротать часы до рассвета в раздумьях.

Анна совсем не думала об опасности. Её не пугало то, что уже ранним утром, как только слуги заметят их исчезновение, за ними отправится погоня. Это воспринималось как само собой разумеющееся, как-то, без чего не может обойтись ни одно приключение.

Ей нравилось это ощущение опасности. Давно забывшая его, Анна вновь ощутила предательскую дрожь в пальцах и слабость в коленях, но это только раззадоривало её, толкало на ненужную, но желанную опасную игру. В своих мечтах, королева постоянно видела, как она ловко водит за нос погоню, заманивает её в ловушку и уничтожает всех, до единого преследователей.

Ещё одно чувство всплыло в памяти. То самое, которое испытываешь, когда твой клинок разрывает плоть противника. Странная смесь ужасного отвращения, страха, вины, и в то же время торжества и, даже, удовольствия. Она вспомнила, что когда-то очень давно спросила у Александра, что он испытывает, отнимая человеческую жизнь. Он рассказал ей, но всё это ощущение другого человека.

Но пришло время, когда ей самой пришлось отнять чужую жизнь. Пусть врага, пусть ненависть и гнев в этот миг переполняли её, но ничего от этого не изменилось. Выросшая в семье, где почитались мораль и законы, она убивала, и убивала не единожды – таков этот жестокий мир. И теперь, видимо, снова придётся делать это. Может, не своими руками, а руками сотен воинов, но...

Анна резко выдохнула, прогоняя прочь эти мысли, утёрла с лица пот. В спальне не было жарко, но от всего этого её бросало то в жар, то в холод так, что выступала испарина. Почему-то не думалось о хорошем. Нельзя сказать, что не было в её жизни, того, что дарило радость. Этого было предостаточно. Но после пережитого всё это позабылось, кануло в Лету.

Так прошла вся ночь. Близились рассветные часы, ночная мгла отступала, сменяясь серыми сумерками. Стали заметны силуэты деревьев, зданий. Пора. Анна встала и быстро переоделась в охотничий костюм. Бросив прощальный взгляд на уютную, тёплую постель, она прошла в спальню Сантилии. Та не спала.

– Нам пора, – тихо проговорила Анна. – Одевайся, а я зайду к Лите.

Она прошла в следующую спальню. К её удивлению, Лита спала, но едва Анна прикоснулась к плечу, девушка немедленно проснулась, скинула с себя одеяло и сразу встала босыми ногами на холодный пол, чтобы поскорее прогнать от себя сон.

– Одевайся.

Сборы заняли совсем немного времени. Женщины оделись, прихватили с собой драгоценности и тихо, крадучись, вышли в коридор. Длинный, широкий, он начинался в пристройке и тянулся, повторяя изгибы здания, через весь дворец. Слева и справа находились бесчисленные двери, за которыми были комнаты. Здесь же находились выходы на все дворцовые лестницы. Две или три из них спускались в цоколь, где находилась королевская кухня и погреб.

Как и следовало ожидать, в столь ранний час вокруг не было ни души. Обитатели дворца сладко спали, досматривая утренние сны, немногочисленная внутренняя стража охраняла лишь покои Эдварда.

Анна и её подруги бесшумно прошли по тёмному коридору и, свернув на лестницу, спустились вниз. Там, в кухне, их тоже встретила темнота. Лишь совсем немного серого утреннего света проникало в расположенные у потолка окошки. И вновь ни души. Хотя повара и начинали свой труд очень рано, но даже они ещё спали в этот час.

В кухне женщины задержались ненадолго. Набрав ветчины, колбас и хлеба в дорогу, они спустились в винный погреб. Нацедив пару фляг вина из огромных, сорокаведёрных бочек, они принялись за поиски тайного хода.

– Он за одной из бочек в нижнем ряду, – проговорила Анна, стараясь вспомнить, где именно. – По-моему, с правой стороны.

– Так мы же не сможем сдвинуть такую махину! – ужаснулась Сантилия.

– Постой, там, под бочкой, должен быть рычажок. Его нужно повернуть, и тогда можно будет легко сдвинуть эту тяжесть. Давайте искать. Нужно торопиться.

Женщины встали коленями на пыльный пол и принялись шарить руками под бочками. Свет масляных светильников, висевших высоко над головами, был так слаб, что разглядеть что-либо внизу не представлялось возможным. Приходилось полагаться лишь на собственные руки. Бочек в ряду стояло не меньше сотни, и нужно было спешить, чтобы найти ход до того, как начнут работать повара. На счастье, уже под седьмой, по счёту, бочке, Лита нащупала длинную деревянную палку.

– Кажется, нашла, – тихо сказала она.

Анна сразу же бросилась к ней, заглянула под бочку. Да, это тот самый рычаг. Приложив все силы, она, с трудом, перевела его в другое положение.

– А теперь вместе, – Анна поднялась и, ухватившись за обруч, потянула огромную махину на себя.

Бочка, словно ничего не весила, и легко выдвинулась вперёд на хитроумных полозьях. Позади неё, в стене, открылась небольшая арка, вход в которую преграждала покосившаяся, потемневшая от времени, дверь. Анна нашла запасные светильники и, запалив один из них, протиснулась между бочками к открывшемуся проходу. Толкнула дверь – та открылась легко, даже без скрипа, словно её петли смазывали каждый день. За дверью чернела дыра потайного хода, а в ней ещё одна дверь, на этот раз железная и, причём, открытая настежь.

– Идём, – Анна пошла первая.

Следом за ней двинулась Лита, а замыкала Сантилия. Она закрыла за собой дверь. В момент, когда щёлкнул запор, закрывшись так, что теперь только те, кто находился в ходе, могли открыть её, снаружи что-то заскрежетало, громко лязгнуло – видимо вставала на место бочка.

Скудные отсветы коптящего пламени выхватили из темноты замшелые, покрытые влагой, брёвна опор. Они располагались на расстоянии ладони друг от друга, и сквозь эти щели виднелась красная глина с серыми прожилками гипса. К счастью, ничего не осыпалось, но кое-где с потолка лились самые настоящие водопады ледяной воды. В таких местах под ногами оказывались огромные лужи. Перепрыгнуть их было просто невозможно, так что приходилось надеяться на добротность сапог.

Ход тянулся всё дальше и дальше. Не было ни единого поворота. Это была прямая линия, начало и конец которой лежали за пологом тьмы. Беглянки шли уже около часа, но пути, казалось, нет конца и края. Унылая однообразность начинала пугать, казалось, что они бегут по заколдованному кругу, из которого невозможно вырваться. Шедшая первой, Анна неожиданно остановилась. Что-то лежало под ногами, втоптанное в грязь. Она нагнулась и, едва не сломав ногти, с трудом вытащила из вязкой глины заинтересовавший её предмет.

– Что там? – спросила Сантилия.

Анна молча обернулась и показала покрытый слоем ржавчины широкий и короткий меч.

– Куда он тебе, выкинь.

– Зачем. Я его почищу. Такая штука пригодится, проку от него побольше, чем от крохотных кинжалчиков.

Сантилия ничего не ответила, лишь пожала плечами, и они продолжили путь. Прошло ещё с полчаса, коридор, наконец, начал подниматься вверх выложенными в глине каменными ступеньками. Ступеньки уходили в потолок, где был люк.

– Выход! – радостно воскликнула Анна. – Наконец-то.

Она поднялась повыше и, упёршись руками в сколоченный из дерева люк, попыталась приподнять его. Не тут то было. Пребывавший в неподвижности в течение последних двух десятков лет, он не поддался. Не поддался и после того, как за дело взялись Сантилия и Лита.

– Да что же такое?! Что делать будем?! – чуть не плача, простонала Лита, упав коленями на ступеньку.

– Нам нужно что-то делать. Воздух здесь спёртый, дышать тяжело, – добавила Сантилия.

Анна, недолго думая, взялась за меч и, вставив его лезвие между полусгнивших досок, принялась ковырять люк.

– Потерпите. Скоро выберемся, – подбодрила она спутниц.

Ещё не потерявший своей крепости, клинок легко крошил гнилое дерево. Вскоре, всё, что ранее было люком, лежало под ногами щепками и крошевом. Что-то холодное и влажное упало Анне на голову. Земля. Ходом не пользовались так давно, что он зарос до такой степени, что стал совсем неотличим от любого другого места в лесу.

Следующий удар меча легко пробил тонкий слой дёрна. Сквозь образовавшееся крохотное отверстие показался бледно-серый утренний свет. Потянуло свежим лесным, полным живых ароматов, воздухом. Анна потянулась ближе и, с удовольствием вдохнула в себя освежающую струю. Сил, словно прибыло. Ещё несколько движений клинком, и дыра расширилась настолько, что в неё можно было спокойно вылезти из этого затхлого подземелья.

Лес встретил прохладой пасмурного утра и лёгким туманом, стелившимся по земле. Под ногами зеленел безбрежный мягкий моховой ковёр, повсюду вздымались к небу жёлто-коричневые стволы сосен, влажные снизу от выпавшей росы. Немного в стороне, в болотистой низинке, сияла своей белизной берёзовая рощица, утопавшая в сочной зелёной траве.

– Где мы? – спросила Сантилия.

– Примерно, миля-полторы, к северу от города, – ответила Анна.

– И что теперь?

– А теперь нам нужно уходить отсюда. Скоро наше исчезновение заметят и вышлют погоню.

20

На опушке леса показался человек. Оборванный и грязный, он воровато выглянул из-за куста. Перед ним, всего шагах в трёхстах, начинался город. Плохонькие домики городской окраины сменяли дома побогаче, повыше, а затем высилась крепостная стена из серого камня, за который располагался старый город. Похоже на остальные города Острова. Все они выросли за свои стены.

– Альвара, – прошептал человек, узнав что-то приметное в этой мешанине из крыш.

Танис, а это был именно он, провёл последние два дня в тяжелейшем пути сквозь лесные чащобы. На его счастье, начавшийся в то утро, на берегу, дождь прекратился, выглянуло солнце и стало тепло. Но проведённая под дождём ночь дала о себе знать. Таниса мучил жар, то и дело лихорадило. Да и за эти два дня он питался лишь сырыми грибами да сохранившимися, местами, ягодами. Очень хотелось провести в тепле хотя бы одну ночь и наесться досыта.

Танис порылся в карманах, поискал за поясом – ни гроша. Но делать нечего, он понимал, что без передышки ещё дней пять пути (если напрямик, через лес) до Парай он не выдержит.

Бывший сотник собрался с духом и медленно подошёл к городу. Хорошо, пусть нет денег, но он, всё равно, зайдёт в какой-нибудь трактир и наестся там до отвала. И пусть кто попробует его остановить.

Вскоре глазам его предстали грязные, лишь местами мощёные улочки окраины. Кругом деревянные домишки, рядом с которыми бродят куры да гуси. Отовсюду доносилась ругань, пьяные голоса. Здесь жили семьи лесорубов.

Танис, не останавливаясь, прошёл этот негостеприимный квартал и вошёл в следующий. Тут его встретили более-менее добротные одно- и двухэтажные дома из камня и бруса, мощёные улицы. По дороге попался небольшой трактирчик под названием «Весельчак». Он, без колебаний, вошёл туда. Время было раннее, посетители сюда в основном заходили ближе к вечеру, поэтому, кроме Таниса, в закопчённом, пропахшем гарью, зале было лишь трое мужчин.

Танис сел в сторонке, в угол, куда меньше всего падал свет из окон. Он надеялся, что в полумраке никто не разглядит рваную, грязную одежду. Трактирщик, на удивление, тонкий и длинный, словно жердь, подошёл нескоро. Что-то жуя, он вышел из кухни в зал, едва не задев головой притолоку. Шаркая по потемневшему полу своими несуразными чувяками, трактирщик нехотя подошёл к Танису, сразу разглядев в новом посетителе оборванца.

– Деньги то у тебя есть? – сразу спросил он. – Если хочешь жрать, покажи монеты сначала.

Танис задумался. Денег у него, конечно, не было, зато оставались ещё хорошие, хотя и немного потёртые армейские сапоги.

– Это пойдёт? – Танис высунул ногу из-под стола.

– Дезертир? – вяло, словно ему на всё наплевать, спросил трактирщик.

– А тебя это волнует?

– Нет, – поморщился тот.

Ещё раз с головы до ног оглядев Таниса, он, наконец, процедил сквозь зубы:

– Ладно, покормлю, даже сапоги тебе оставлю. Не босиком же тебе ходить, осень на дворе. Вот только ты выполнишь для меня одну работёнку.

– Какую?

– Сейчас я принесу тебе поесть, а там и поговорим. Не на голодный же желудок дела решать.

Трактирщик ушёл на кухню, оставив бывшего сотника в раздумье. Танис сидел за столом, подперев подбородок ладонью, перебирая в уме все возможные варианты отработки, что могли бы ему предложить. В голову приходило лишь что-то связанное с кухней, поскольку

все мысли возвращались к пустому, ноющему от голода, желудку. Возможно, колка дров или наполнение водой бочек, может...

– На-ка, поешь, – трактирщик поставил перед ним заставленный съестным поднос и присел рядом.

Не ожидавший подобной щедрости, Танис жадно набросился на еду. Между тем трактирщик завёл разговор.

– Не буду ходить вокруг да около, не люблю. Скажу прямо. Один ублюдок задолжал мне и не собирается отдавать приличную сумму денег. Я хочу, чтобы ты убил его. Тебе ведь не привыкать, ты солдат.

Танис аж поперхнулся от неожиданности. Он ошалело посмотрел на собеседника, не зная, что и сказать.

– Можешь не раздумывать, – продолжал трактирщик. – Откажешься – через час тебя схватят властники как дезертира. Ты ведь дезертир?

Лучше бы он не говорил этого. Танис не терпел угроз. Лицо его потемнело от гнева, брови сдвинулись, не предвещая ничего хорошего. Он резко вскочил и, мгновение спустя, его тяжёлый кулак со страшной силой обрушился на лицо незадачливого владельца трактира. Трактирщик, словно пёрышко, отлетел в сторону, ударился головой о лавку и упал, бездыханный. Тёмная лужа крови начала разливаться из-под его затылка – такой страшной силы оказался удар.

Немногочисленные посетители, словно окаменев, смотрели то на Таниса, то на его жертву. А тот быстро собрал остатки еды в полотенце, замотал её и, быстро выбежав на улицу, бросился в сторону леса. Не успел он пробежать и половины квартала, за его спиной раздались крики – «Держи его! Он туда побежал!».

Вскоре донёсся дробный стук копыт. Танис похолодел от ужаса. Он обернулся и увидел скачущих вдалеке по этой длинной, прямой улице семерых властников. Дело – дрянь. Беглеца и преследователей разделяло сотни две шагов, когда бывший сотник рванул вправо, во дворы.

Он едва понимал, что делает. Всё ещё пребывая в горячке от болезни, да и от проникшего в душу страха, Танис прыгал через какие-то заборы, пугая невесть откуда взявшихся женщин с бельём и играющих детей. Внезапно он снова очутился на улице, прямо перед носом властников.

– Эй, парень! Стой! – закричал один из них – уже немолодой, седоусый мужчина.

– Эгей! Да это же тот, про которого наводка пришла! Беглый с галеры! Это Танис! – воскликнул другой, разглядев беглеца.

Узнали – промелькнула в голове мысль, от которой нахлынула ещё большая волна ужаса и отчаяния. Однако это, напротив, придало силы, и Танис снова кинулся во дворы. Властники немного замешкались, а беглец уже забежал за угол уродливого двухэтажного дома. Танис перелезил через высокий забор, когда чья-то сильная рука схватила его за ногу.

– Стой, шельмец! – прогремел голос.

Танис обернулся – почти напротив своего лица он увидел лицо седоусого властника. За ним – ещё двое, немного помоложе; они уже обнажили свои мечи, готовые пресечь любое движение пойманного преступника.

Правую ногу Танис уже успел перекинуть через забор. Именно там, в голенище, находился спасительный кинжал. Правая рука, незаметно для властников, медленно потянулась к ножу.

– Слазь давай, допрыгался, – властник грубо дернул его, пытаясь сбросить на землю.

Танис резко распрямился и ударил ножом державшую его руку. Мгновение спустя, он кувыркнулся вниз на какой-то мусор. Испарянный, с широко раскрытыми в страхе глазами, он бросился к видневшемуся шагах в пятидесяти следующему забору. Слева и справа от него тянулись каменные стены домов с редкими окнами, из которых частенько выкидывали помои и мусор. Этот забор он преодолел с одного прыжка, словно в том не было саженной высоты.

Танис облегчённо вздохнул – всего сотня шагов отделяла его от леса. Собрав последние силы, измученный беглец добежал до опушки.

– Стой, сволочь! – из какого-то проулка выскочили на конях всё те же властники.

Но Танис бросился в чащу. Он бежал, куда глаза глядят, бежал туда, где, как казалось, торчавшие отовсюду ветки и корни скроют его. Он падал, спотыкался о всевозможные муравейники, пеньки, вставал и бежал снова. Внезапно он оказался на берегу реки. Альвара медленно несла свои воды меж песчаных берегов. Пели птицы, вдоль берега лениво квакали лягушки, доживавшие последние тёплые деньки. Танис подошёл к кромке воды и упал коленями во всё ещё тёплую, слегка мутноватую воду. Зачерпнув пригоршней, он начал жадно пить, отдышавшись после долгого бега. Накатила усталость, хотелось лечь на прогретый солнцем песок и заснуть, забыться от всех этих злоключений.

– Так и сделаю, – сказал Танис вслух. – Вот только переплыву на другой берег – здесь всего то сто шагов – и посплю где-нибудь в кустах.

Он уже хотел зайти в реку, как вдруг за его спиной затрещали кусты, после чего раздался глухой топот конских копыт по песку.

– Теперь не уйдёшь, – Танис обернулся на голос и увидел властника, того самого, который узнал его – крепкого черноволосого мужчину в чёрном суконном кафтане и пыльных чёрных штанах, заправленных в поношенные рыжие сапоги.

Властник слез с коня и, обнажив меч, направился к беглецу. Танис вышел на берег и достал из голенища нож. Они остановились друг перед другом. Один сжимал в руке кинжал с лезвием, длиной в ладонь, второй – меч в три локтя.

– Собираешься этим драться?! – поразился властник.

– А ты что думал, – ответил Танис.

Преследователь поднял в вытянутой вперёд руке меч, направив остриё клинка в грудь Таниса. Тот в ответ поднял нож – два лезвия, с лёгким мелодичным звоном, коснулись друг друга.

– Я убью тебя, – произнёс властник.

Танис лишь горько усмехнулся и, черпнув носком левой ноги песок, бросил его в лицо противника. Серо-жёлтая пыльная туча ударила тому в глаза, забила нос, рот. Властник закашлялся, согнулся. А Танис в тот же миг отбил меч в сторону и, бросившись на врага, повалил его и ударил два раза клинком в живот.

– Ну, ты мразь, – простонал властник.

Ранения были неопасные, оружие прошло сбоку, поранив лишь мясо, но раненый уже не мог подняться. Он лежал, зажав рукой раны, согнулся и тихо стонал. Танис, тем временем, забрал себе меч и коня.

– Ты меня выручил, – усмехнулся он и, бросив властнику кусок материи из седельной сумки, как раз годный для перевязки, направился к реке.

Человек и конь быстро преодолели разделявшее берега расстояние. Они выбрались из воды, Танис, не теряя ни секунды, вскочил в седло и скрылся в лесу.

Через четыре дня Танис добрался до Параи. Хотя у него и был теперь конь, ехать ему пришлось через лес, минуя большие дороги, поэтому путешествие затянулось. Под конец пути он совсем сдал – усталость и голод обострили болезнь. Подъезжая к дому, он уже почти не осознавал, что делает, всё было словно в тумане. Сил хватило лишь на то, чтобы поставить коня в стойло, зайти в дом и упасть на кровать, забывшись в тяжёлом сне.

21

С самого утра Эдварду доставались лишь плохие новости. Началось с того, что окошел его любимый конь. Затем, на завтрак не подали заказанного компота – ягоды закончились. Злой, раздражённый до предела, Эдвард сидел в трапезной, нервно ковыряя ложкой мороженый десерт. Обычно он завтракал в кругу своих друзей и помощников, но в этот раз он был за столом один. В дверь робко постучали.

– Входите, – бросил Эдвард раздражённо.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Самита.

– Что тебе?

– У меня мм... плохие вести. Две вести, – нерешительно проговорил советник.

Эдвард вскочил и, разразившись потоком площадной брани, бросил в стенку чашу с яблоками. Но, опомнившись, отдышался и, сев, приказал продолжать.

– Утром прискакал гонец из Мила. На вашем корабле был бунт. Его, правда, быстро подавили, но исчез Танис.

– Это тот, которого я приказал арестовать в Малонто?

– Именно он.

– Прекрасно, – Эдвард поморщился. – Пусть объявят за его голову, можно и за живую, пятьсот золотых.

– А теперь, – Самит судорожно сглотнул. – Теперь вторая весть. Анна пропала, а вместе с ней Сантилия и Лита.

– Это как так?! – Эдвард едва не подпрыгнул.

– Слуги утром к ним пошли относить тёплую воду, а их нет...

– Да пусть парк прочешут, не могли же они выйти за территорию, охрана не выпустит.

– Ищем уже больше часа – никого.

– Прекрасно, – Эдвард сорвался с места и принялся нервно ходить по комнате от стенки к стенке. – Они не ценят моего доброго отношения! Пусть! Я устрою им сладкую жизнь. Они проклянут час, когда в их бестолковые головы пришла эта идея.

Эдвард остановился около стола, присел на столешницу. На мгновение задумавшись, он вдруг засмеялся и сказал:

– Объяви за них, за живых, награду по десять тысяч золотых за каждую.

– Сколько?! – у Самита отвисла от изумления челюсть. – Это же тридцать тысяч! Ваше величество, после правления Александра, наша казна ещё не в лучшем состоянии. Если мы отдадим такие деньги на это дело, придётся отказать кому-то в другом.

– Не ной. Через неделю по всему Острову начнутся ярмарки, и казна наполнится. Так что исполняй и не перечь мне!

Самит поклонился и, пятясь, отошёл к двери и быстро шмыгнул в неё, подальше от разгневанного патрона. Эдвард снова остался один. Сев за стол, он налил себе вина, отпил глоток, усмехнулся. Внезапно лицо его растянулось в злорадной улыбке. Да уже завтра толпы охотников за наградой будут прочёсывать каждый кустик в лесу, каждый дом, каждый сарай в городе или деревне, чтобы найти беглянок. То-то посмеётся он, когда вновь увидит этих бестолковых баб. Больше не будет им поблажек: никаких покоев, никаких мягких пуховых перин. Их ждёт тюремная камера, солома и жидкая похлёбка.

Эдвард залпом допил бокал, небрежно бросил его на стол, поднялся и вышел из трапезной.

22

Наступил вечер третьего дня с тех пор, как Николай и его спутники бежали с пленившей их галеры. Остались они практически без ничего, если не принимать во внимание нож и забитый под завязку золотыми дукатами кошелёк Стрижевского. Только благодаря такому богатству этим утром удалось купить в какой-то деревушке еды, плащи, здоровый топор и даже старый, но без единого пятнышка ржавчины, короткий меч.

Быстро темнело. Путешественники остановились на песчаном мысе у реки. Ни Николай, ни Иван Сергеевич её названия не знали, но оба считали, что это приток Альвары. Горел костёр, рядом с которым на жарких углях готовилась чудом добытая в лесных зарослях тетёрка.

Стрижевский подбил ей камнем крыло, и несчастная птица никак не могла взлететь и лишь металась между густо стоящих молодых елей. Наверно, целых полчаса все четверо гонялись за ней по колючим зарослям, прежде чем ужин попал к ним в руки. Зато теперь, блаженно жмурясь, Иван Сергеевич то и дело поворачивал сделанный из ивовой ветки вертел. Тетёрка скворчала, поджаривалась, и уже распространяла вокруг дразнящий аромат. Николай лежал рядом, заложив за голову руки, то и дело поглядывая на Стрижевского.

– Не смотри на меня голодными глазами, – проворчал тот. – Скоро сготовится наша птичка.

– Никогда не ела такую, – проговорила сидевшая напротив Таня.

– Не переживай. Ещё побудешь здесь с месяц – всякого перепробуешь.

Между тем пришёл и Александр. Решив прогуляться по берегу реки, он набрёл на небольшую заводь, в которой плескался здоровенный судак. Видимо, в погоне за какой-нибудь уклейкой, он вылетел следом за добычей на берег и попал в эту неглубокую, всего по щиколотку глубиной, лужу. Там его Саша и поймал.

– Ого! – воскликнул Стрижевский, заметив пришедшего. – Ты что, с ножом на сома в омут ходил? Только сухой почему?

– В реку я не прыгал, – засмеялся Саша. – Нашёл эту рыбину в луже на берегу.

– Да, везёт сегодня нам на ужин, – отозвался Николай. – По крайней мере, лучше немного переест, чем недоест.

Рыбину отдали потрошить Тане. Она умело очистила её и, когда поспела тетёрка, её сразу же сменил судак. Путешественники разделили птицу и принялись за неё, запивая купленным в деревне ягодным вином. Немногим позже, та же участь постигла и рыбину.

Сумерки сгущались, стало совсем темно. Всё вокруг утонуло в густом мраке. Лишь смутно можно было различить силуэты самых заметных деревьев. Остальные слились в единую тёмную массу. Сартаков подкинул в гаснущий костёр здоровую охапку сушняка. Огонь вспыхнул с новой силой, выхватив из темноты лица путешественников. Николай и Иван сидели друг напротив друга, каждый думал о чём-то своём. Саша сидел справа от отца, на его коленях покоилась голова Тани. Девушка уже спала, разомлев после сытного ужина.

– Куда мы сейчас? – спросил он.

– Мы с Иваном подумываем насчёт столицы. На острова наведываться, пожалуй, пока не стоит, лучше самим всё разведать. Так тише получится, чем, если бы мы собрали людей Риза.

– Да и денег у нас предостаточно, – добавил Стрижевский. – С таким тугим кошельком у нас не будет проблем.

– Подкупать? – Александр поморщился.

– Не гримасничай. Это, согласись, лучше, чем рубить головы.

– Пожалуй. Я как вспоминаю, что было на галере, сразу в дрожь бросает.

– Надеюсь, ты не увидишь того, что видели мы, – вздохнул Николай. – Но будь готов увидеть это. Дело, мне кажется, идёт к большой войне.

– Да она уже началась, – Стрижевский, в сердцах, стукнул кулаком по колену. – Сколько городов сейчас в осаде?

– Но это не наша война. Мы заберём Анну и вернёмся?

Иван Сергеевич и Николай переглянулись, потупили взгляд.

– Что?! – вскричал Александр.

– Если понадобится, мы тоже возьмемся за мечи.

– Да чтоб вас! – Саша вскочил – Таня сразу же проснулась. – Вам больше делать нечего, что ли?

– Что случилось? – испуганно спросила девушка, озираясь по сторонам.

– Эти два самурая хотят влезть в гражданскую войну! Им жить надоело!

– Это наш долг. Когда-то мы присягали на верность.

Александр разочарованно махнул рукой и сел на своё место. Что-то тихо пробормотав, видимо, ругая сумасбродных стариков, он завернулся в плащ и лёг на песок. Рядом примостилась и Таня.

– Пора и нам спать, – проговорил Стрижевский.

Николай, улыбнувшись, кивнул.

Холодную ночь сменило ясное утро. Поднимающееся над лесом солнце с каждой минутой набирало силу, становилось всё теплее и теплее. Пёстрым птичьим гомоном зазвенел лес. Просыпались и немного продрогшие, несмотря на плащи, путешественники. Николай сразу же развёл костер и подсел к нему поближе. Приятная, тёплая волна прошла по всему телу, согревая каждую косточку.

– Сейчас бы кофе, – проговорила Таня, присев рядом. – У меня зуб на зуб не попадает.

– Забудь, у нас даже котелка нет.

Сел рядом и Саша. Он долго молчал, словно обдумывал что-то и, наконец, выдал из себя:

– Значит, в столицу?

– Да, – ответил отец.

– А я тут подумал, – раздался вдруг голос Стрижевского – он, с удовольствием, умывался холодной речной водой. – Если вам не хочется играть в наши игры, мы отведём вас к Эйнару, отдадим медальон, а сами займёмся своими делами. И, примерно через месяц, мы вернёмся. Ну, что скажете?

– Вы меня за труса принимаете, что ли? – возмутился Александр. – Я здесь не для того, чтобы в лесу отсиживаться. Пусть мне не нравится эта затея, но я пойду с вами. Правда, мне очень не хочется воевать. И убивать я никого не хочу.

– Надеюсь, тебе не придётся делать этого.

Взоры всех троих обратились к Тане. Она нисколько не смутилась, не покраснела. Улыбнувшись лёгкой, обворожительной улыбкой, девушка решительно произнесла:

– Не бросите же вы меня одну? Я пойду с вами.

Ясным осенним днём, а было двадцатое сентября, четверо путешественников вышли к стенам столицы. Вновь пришлось закутывать Таню в драные платки, раздобытые по пути в одной из многочисленных деревушек. Благодаря усилиям Стрижевского, она стала похожа на деревенскую дурнушку, спешившую на базар. Её это нисколько не смутило, и она смело вошла в город, не обращая внимания на ухмылки прохожих.

23

Лёгкая, весело разукрашенная повозка быстро катила по дороге. Две лошади, запряжённые в неё, без особых усилий навёрстывали милю за милей. Впереди, с вожжами в руках сидел невысокий, сухонький старичок. Он то и дело хитро улыбался, поглядывал назад, где за пятнадцативедёрной бочкой с вином сидели три женщины. Ему было очень интересно изучать их своим цепким взглядом.

С тех пор, как они напросились к нему в попутчики в Стиоре – небольшой деревушке на тракте, никто из них не произнёс ни слова. День заканчивался, до Параи оставалось рукой подать, но женщины так и не соизволили поговорить. Впрочем, он хотел заговорить с ними сам, но так и не решился – сердце замирало от мысли, что в его повозке сидит сама королева Анна.

Пожалуй, действительно не стоило беспокоить их, ведь старик знал, что цена этих трёх прелестных созданий – тридцать тысяч золотом. Это знали и его попутчицы. Поэтому, они сидели в молчаливом напряжении, каждую минуту ожидая угрозы. Рука Анны уже несколько часов подряд судорожно сжимала рукоять меча, завернутого в холстину.

Старик, чувствуя этот страх, делал вид, что не узнал своих спутниц. Про себя же он думал о том, что было бы, получи он награду. Ничего хорошего на ум не приходило, кроме той мысли, что он не соблазнился бы и на триста тысяч. Деньги его уже не интересовали, зато он очень хорошо помнил, что было двадцать лет тому назад. «Будь я помоложе», – вдруг подумал старик. – «Я бы пошёл с ними, разделил бы все тяготы их пути».

Внезапно, сзади раздался конский топот. Этот drobный, глухой стук становился всё ближе и ближе. Старик обернулся – сзади, всего шагов за триста, скакали трое. Обычные путешественники? Сначала подумалось так, но когда один из этих троих указал пальцем на повозку и прищипорил коня, сразу всё стало ясно.

Старик хлестнул вожжами своих лошадок, и те, нехотя, перешли с лёгкой рыси на галоп.

– Погоня, – проговорила Анна.

– Похоже на то, – старик чуть не подпрыгнул от радости, услышав её голос. – Погоня, ваше величество.

Анна обернулась – всадники нагоняли, повозка не могла состязаться с ними в скорости. Уже можно было разглядеть у каждого из преследователей меч и притороченный к седлу небольшой арбалет. Они и не думали стрелять, боясь поранить драгоценную добычу.

– Скиньте бочку, ваше величество, – проговорил старик.

– Но там ваше вино?! – удивилась Анна.

– Ваши жизни дороже. А вина у меня ещё много.

Пришлось поднатужиться всем троим, чтобы, хорошенько раскачав, скинуть тяжеленную бочку. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева, и на дорогу хлынула тёмная, ароматная жидкость. Лошади заметно прибавили ходу, но погоня не отставала. Свистнула над головами стрела и вонзилась в дерево далеко впереди.

– Пугают, – бросил старик и, тряхнув вожжами, по-молодецки свистнул.

Повозка вылетела на поле и устремила с пригорка к следующему лесному островку. Анна огляделась – поле было голым, пшеницу давно убрали. Лишь несколько десятков соломенных скирд высились с краю. А вдалеке, в туманной дымке, виднелись стены Параи, её дома и небольшой кусок серой ленты реки.

Они вновь въехали в лес – преследователи не отставали, наоборот, приблизились ещё немного.

– Стоять! – закричал один из них, но старик вновь хлестнул лошадей.

Дорога спускалась к реке, где заворачивала к городу. Лес кончился, и повозка помчалась вдоль берега, среди зарослей ивняка. Вновь свистнули стрелы. Первые две воткнулись

в землю рядом с лошадьми, но третья ужалила левую лошадь в шею рядом с головой. Животное, не издав ни единого звука, рухнуло на дорогу, потянув за собой и товарку. Вздывая клубы пыли, резко остановилась повозка, уткнувшись в тела животных, а её пассажиры вылетели на дорогу, словно ядра из катапульты.

Анна лежала лицом вниз. На зубах противно скрипела пыль, саднило исцарапанные ладони и левое колено. Она медленно подняла голову – меч лежал рядом, стоило лишь протянуть руку. Справа лежали Сантилия и Лита. Они тоже лишь сильно исцарапались и уже, стесная от боли, с трудом поднимались на ноги. Старик лежал впереди. Он не шевелился, даже не было заметно его дыхания. Анна пригляделась и, увидев странно подогнутую к груди голову, содрогнулась от ужаса – бедняга сломал себе шею.

– Эй, вы там живы? – раздался над головой голос.

Она повернулась – трое мужчин, все уже немолодые, одетые в одежду охотников, стояли рядом, пожирая их жадными взглядами.

– Что вам нужно?

– Что, что, – рассмеялся один из них, в отличие от остальных, заросших бородами, аккуратно выбритый. – Нам нужны тридцать тысяч.

– Может, договоримся, – Анна поднялась, отряхнула свой изодранный костюм.

– Это как?

– У нас есть драгоценности. Их, правда, тысячи на две-три всего, но зато это верные деньги. А тридцать тысяч вы не получите никогда. Эдвард едва ли расстанется с такой суммой.

– Драгоценности? Прекрасно! – охотники мерзко захохотали. – Что ж, возьмём драгоценности и попытаемся получить тридцать тысяч. Почему бы не попробовать?

– Попробуйте, – Анна нагнулась и быстро подняла меч.

Клинок, хотя его и пытались отчистить, всё равно был тусклым, с пятнами ржавчины. Лишь наточенные края блестели на солнце тоненькими льдинками. В ответ поднялись три длинных клинка.

– Дурочка, и что ты собираешься сделать против нас этим коротеньким ножиком, – проговорил выбритый.

– Что-нибудь и сделаю. Вам же мы живые нужны.

– Мы можем обойтись и двадцатью тысячами, – усмехнулся охотник и яростно атаковал.

Едва клинок противника начал своё движение, Анна мгновенно вспомнила всё давно позабытое; руки вновь обрели ловкость. Она легко отбила этот выпад и ответила своим, однако слишком короткий меч не достал врага. Так, они обменялись ещё несколькими ударами, но безрезультатно. Тяжело дыша – сказывался долгий перерыв – Анна отпрыгнула назад и вытащила из ножен на поясе кинжал.

– Вот стерва, – охотник тоже тяжело дышал. – Говорили, что ты горазда мечом махать, но, если честно, я не верил.

– Да не треплись ты, – отозвался за спиной его товарищ. – Драться не умеешь, коль с бабой не можешь справиться.

– А вы что тут стоите? – рассердился первый. – Помогли бы, если такие рубаки.

– Поможем, самому то слабо.

И все трое направились к побледневшим от страха женщинам.

Два дня Танис пролежал в постели. Паша Арстин заботливо отпаивал его всяческими травами, и на третий день бывший сотник уже был в состоянии встать и проехаться на коне вдоль берега.

Солнце перевалило за полдень и клонилось к закату. Папаша Арстин, как обычно, гулял по берегу с удочкой, Танис же, в ожидании обещанной ухи, сидел около дома. Ему хотелось сходить в город, навестить друзей и подруг, но ещё вчера, когда тот лежал в жару, пришедший

с лекарством Арстин сказал, что за его голову назначено пятьсот золотых. Одна лишь мысль – стать добычей какого-либо охотника за наградами – отбивала всяческое желание идти в город.

Но жить так дальше нельзя. Волей-неволей приходила мысль о Сибири. Да, пожалуй, стоило бежать туда. Вот только отлежаться ещё с недельку, поднакопить сил, собрать припасы и в путь. На таком добром коне, который достался ему от властника, путь занял бы всего недели две. Взять бы только с собой кого-нибудь, чтобы скучно так не было. Танис перебрал в уме всех, кого знал, но, увы, ни на кого из них нельзя было положиться. Он вздохнул, закрыл глаза и облокотился на бревенчатую стену дома.

– Танис! Танис! – крик моментально согнал сладкую дрёму, глаза забегали по сторонам. Ожидая опасность, Танис вскочил, готовый кинуться в дом за оружием.

Однако он увидел лишь неуклюже бегущего вдоль реки папашу Арстина. Что-то очень встревожило его; когда он подбежал ближе, Танис увидел взволнованное лицо, и вновь напал противный, липкий, сжимающий сердце страх.

– Что случилось? – спросил Танис.

– Скорее... – папаша Арстин остановился, перевёл дыхание. – Скорее бери меч, садись на коня... – воздуха не хватило, и он сипло вдохнул.

– Меня ищут?

– Хуже, там, на дороге напали на трёх женщин...

– Только то! – Танис облегчённо вздохнул.

– Не перебивай! – старик топнул ногой. – Не медли, любой ценой спаси их, а я тебе всё потом объясню. Ради всех богов, поспеши!

Недоумевающий Танис нехотя пошёл в дом за мечом. Спасать прекрасных дам – дело хорошее. Но в его положении следовало поостеречься показываться на людях.

– Хватит копошиться! Не теряй времени, иначе опоздаешь! – кричал Арстин, побагровев от злости.

Танис предпочёл не злить старика и, быстро собравшись, выехал на коне со двора.

– Куда ехать то?

Арстин махнул рукой в сторону леса. Танис пришпорил коня и, пробравшись через кусты, оказался на дороге. Ехать пришлось недолго. Уже шагов через двести из-за поворота донёсся перезвон клинков. В несколько прыжков конь достиг поворота и, пройдя его, очутился перед группой людей. Танис сразу увидел лежавшее на земле мёртвое тело какого-то старика, стоявших к нему спиной трёх женщин, одна из которых сжимала в руке ржавый короткий меч – такие были в ходу лет двадцать-тридцать тому назад. Трое мужчин, нападавшие на них, сразу увидели Таниса и остановились в замешательстве.

– Эй, ты, проваливай, – сказал тот, что стоял в центре.

Танис хотел спросить, в чём тут дело – не лезть же сразу в драку – но женщины вдруг обернулись к нему. О боги! Это были они! Те, кого он видел ещё в Малонто – королева Анна, принцесса Лита и её мать Сантилия. Рука сама рванула меч, Танис пришпорил коня и бросился на охотников.

«Не может быть! Мой сын!» – Анна едва не упала в обморок.

– Анна, да это же он! – прошептала рядом Сантилия.

– Да, он. Это чудо!

– Тот самый! – восторженно прошептала Лита.

Противник пытался сопротивляться, но Танис, сильный, опытный воин, не дал им ни малейшего шанса. Он погнал коня, словно собирался стоптать их, но в последний момент, когда охотники расступились по сторонам, резко осадил его и, повернув влево, оказался напротив одного из них. Тот, не ожидавший такого, растерялся – проскочи Танис мимо него, он бы

воткнул ему в спину меч. А тут совсем всё не так. Что же делать? Рука вскинула оружие в какую-то несуразную позицию перед грудью. В тот же миг сверкающее полукружье клинка Таниса раскроило охотнику череп. Ещё мгновение, и воин, предугадывая действия двух других противников, прищипорил коня и оказался за спиной второго. Тот попытался достать Таниса в отчаянном выпаде и не успел развернуться навстречу. Вновь сверкнул меч, и ещё одно тело с разрубленной головой рухнуло на пыльную дорогу, поливая всё вокруг кровью.

Последний бросился бежать, но это не спасло его. Танис мгновенно нагнал беднягу и, как рубят лозу, ударил того клинком в шею. Голова, словно мяч, отделилась от туловища и, кувыркаясь, разбрызгивая вокруг кровь, отлетела в кусты. Обезглавленное тело, увенчанное фонтаном крови из разрезанных жил, пробежало ещё четыре шага и, упав, забилося в страшных конвульсиях.

– Мама! – Лита побледнела и упала в обморок.

– Держи её, – сказала Анна подруге, во все глаза смотря на возвращающегося к ним Таниса.

Тот сошёл с коня, отёр о траву меч и, убрав его в ножны, поклонился.

– Позвольте мне проводить вас в безопасное место, ваше величество, – учтиво поговорил Танис.

– Я вижу, мой кинжал помог тебе, – Анна улыбнулась.

– Ваш кинжал?

– Ты забыл галеру?

– Так это были вы?! – воскликнул Танис и поклонился ещё раз.

– Перестань кланяться, – Анну начинала смешить чрезмерная учтивость молодого человека. – Веди нас в безопасное место. И скорее – охотников за нашими головами здесь хватает.

Трупы и повозку спрятали в кусты, лужи крови на дороги старательно присыпали пылью. Когда следов не осталось, всё ещё бесчувственную Литу взвалили на коня. Танис взял его под уздцы слева, Анна справа, и все направились в дом папаша Арстина.

– Я слышал, за вас назначили награду тридцать тысяч, – нерешительно проговорил Танис.

– Совершенно верно.

– А за меня всего пятьсот золотых.

– Так тебя Танисом звать?

– Да.

– И что же ты, Танис, собираешься делать?

– Хочу в Сибирь податься, – ответил он и вдруг, неожиданно для себя, добавил. – А хотите, пойдём вместе? Ведь и вы, наверно, туда бежите?

– Тебе с нами будет опасно. Эти трое – только начало. Пройдёт ещё пара дней, и охотников станут полчища.

– Значит, вам понадобится моя помощь.

– Пожалуй, – Анна вновь рассмеялась.

Вскоре они подошли к дому. Папаша Арстин встречал их у дверей, и вид у него был очень взволнованный, даже испуганный.

– Пожалуйте в дом, – тихо пролепетал он.

Женщины, Лита уже пришла в себя, немедленно зашли, Танис, поставив коня в стойло, вошёл следом.

– Папаша Арстин, ты мне что-то хотел рассказать, – напомнил он, едва оказавшись в комнате.

– Да, хотел, – Арстин побледнел, словно мел, взгляд его метался от Анны к Танису.

– В чём дело? – удивилась Анна.

– Вы узнали его? – спросил вдруг старик, указывая на Таниса.

Анна непонимающе посмотрела на Арстина.

– Вы должны узнать его, – голос старика едва не сорвался на крик.

Анна улыбнулась.

– Успокойтесь, я узнала своего... настоящего сына. Подозрение в этом возникло ещё в Малонто, а на галере я полностью убедилась в этом.

Ножны с мечом выпали из рук Таниса и с грохотом упали на половицы. Колени задрожали, ноги подкосились, и он едва успел сесть на стоявшие вдоль стен лавки. Он хотел сказать, но не мог – язык присох к гортани. Лишь широко раскрытые глаза, не отрываясь, смотрели на Анну.

– Да, Танис, – Анна подошла к нему и взяла за плечи. – Ты мой сын.

Её сердце бешено колотилось, едва не выпрыгивало из груди, руки дрожали. Внешне спокойная, хладнокровная, она была готова разрыдаться от счастья, хотя бы поплакать немного, так же, как тихонько плакали сейчас от радости Сантилия и Лита. И она не выдержала. Рыдания перехватили горло, и Анна, захлёбываясь слезами, бросилась в объятия сына.

Всё ещё недоумевающий Танис бросил растерянный взгляд на Арстина. Тот улыбался, губы и щёки его то и дело вздрагивали, и каждый раз по щеке сбегала слеза. Танис глядел на него, словно задавал вопрос – так ли это? Арстин, чувствуя сомнения парня, кивал головой.

Лишь час спустя все смогли успокоиться. Арстин пригласил гостей к столу, куда выставил тушёные грибы, сыр, хлеб, мёд и молоко. Пришло время подкрепиться и поговорить.

– Я хочу знать, как он очутился здесь? – начала Анна, пристально глядя на вновь побледневшего Арстина.

– Всё началось, – начал тот, – двадцать лет назад. Дело было в затерянном среди лесов посёлке, в трактире. В тот вечер родила дочь трактирщика. Родила сына от моего товарища – Малиса...

Рассказ длился довольно долго, и всё это время никто не посмел перебить рассказчика. Даже грозно сдвинувшая брови Анна сидела молча и внимательно слушала историю жизни своего сына. Танис испуганно поглядывал на свою вновь обрётённую мать – её руки, свободно лежавшие на коленях, сжимали рукоять меча. Но всё обошлось без гневных обвинений, без скандала. Арстин, наконец, закончил, сказав напоследок:

– Теперь, ваше величество, вы вольны убить меня или миловать. Подумайте, я ведь заварил такую кашу. Сами видите, к чему привело это. Но, всё-таки, я оказался вполне сносным воспитателем.

– Успокойся, – Анна устало вздохнула. – Не ты кашу эту заварил, а Малис. Его я с удовольствием бы прибила, но, увы, это сделали без меня. Ты лишь соучастник. Такая на тебе лежит вина, но она полностью искуплена. Спасибо, что воспитал сына достойным человеком.

– Танис мне говорил, что хочет бежать в Сибирь. Вы, ваше величество, наверно тоже туда?

– Зови меня Анной.

– Хорошо, ва... то есть, Анна, – согласился Арстин.

– Да, мы идём в Сибирь, и чем скорее мы там окажемся, тем лучше.

– Подождите до завтрашнего утра. Я соберу вам в дорогу.

– Мы подождём. Спасибо тебе, Арстин.

24

Два дня, проведённые в столице, оказались подобными тюремному заключению. Александр и Таня безвылазно сидели в своей комнате на постоялом дворе, позволяя себе лишь выглядывать в окно, через которое можно было увидеть лишь грязную улицу и серые трёхэтажные дома на противоположной стороне. Причиной такого добровольного заключения стала, разумеется, поразительная схожесть Тани и принцессы Литы.

Едва узнав, что за её голову, к счастью, только за живую, какой-нибудь неразборчивый охотник может получить десять тысяч золотых, девушка, без лишних разговоров заперлась в комнате, заставив Сашу составить ей компанию. Николай и Иван Сергеевич, тем временем, целыми днями рыскали по городу, закупая припасы в дорогу и слушая различные слухи и сплетни о бежавшей королеве.

На третий день у постоялого двора остановилась запряжённая парой лошадей довольно вместительная двуколка, крытая тентом из плотной, просмоленной ткани. Стрижевский остался в повозке, а Николай поднялся за сыном и его подругой.

– Собирайтесь быстрее, мы уезжаем, – сказал он, едва переступив порог.

– Куда? – испуганно спросил Саша, удивлённый такой спешкой.

– Поспеши, всё расскажем в дороге.

Делать нечего. Они оделись, собрали вещи. Таню вновь закутали в платки, стараясь скрыть за засаленными тряпками её роскошные волосы. Бросив на прощанье последний взгляд на комнату, служившую им домом последние несколько дней, все трое вышли на улицу.

– Эй, давай быстрее сюда, – раздался из повозки голос Ивана Сергеевича, затем высунулась рука, бесцеремонно втянувшая девушку под тент.

– Садись подальше, красавица. Там кольчуга лежит – одень её.

– Опять?! – поморщилась Таня.

– Не перечь.

Тем временем, рядом на лавку уселись Николай с сыном, закрыв девушку от любопытных глаз с улицы. Стрижевский тряхнул вожжи, и лошади лёгкой рысью покатали повозку к городским воротам. Без приключений они добрались до ворот старого города и, проехав мимо скачущей стражи, въехали в новый город. Здесь, в северной стороне, он был совсем небольшим, поэтому путешественники быстро миновали его деревянные домишки. Флардия осталась позади. Повозка въехала в лес, лошади прибавили ходу, направляясь на запад.

– Ты бы тоже кольчугу одел, – сказал Саше отец, едва город скрылся из вида.

Тот, уже привыкший слушаться отца беспрекословно, поменялся местами с Таней и, найдя на дне повозки тяжёлый свёрток, быстро одел под куртку воронёную кольчугу прекрасного двойного плетения.

– Так куда мы едем? – вновь поинтересовался он.

– В Сибирь, – ответил Николай. – Будем искать Анну там.

– Отчего ты решил, что они бежали именно туда?

– В Сибири есть верные ей войска, и это единственное место на Острове, где её не будут преследовать.

– А может, мы их и в пути догоним, – добавил Стрижевский. – Они опережают нас всего дней на шесть.

– Всего?!

– Пойми, их преследуют, они прячутся; наверняка, идут пешком. А мы то на повозке. Должны догнать.

– Там для каждого, – продолжил Николай, – Арбалет, меч, и кинжал. Достали с трудом.

– Да, раньше оружием на каждом шагу торговали, – вздохнул Иван Сергеевич.

Ехали весь день. Лес сменяли поля, их вновь сменяла чащоба, мимо проносились деревеньки и одинокие хутора. Говорили мало, перекидывались между собой редкими, малозначимыми фразами. Каждый думал о чём-то своём. Поначалу, правда, было интересно глядеть, как оставались позади огромные зелёные луга, тёмные, несущие свои воды в песчаном ложе, ручьи и окаймлявшие их могучие деревья. Но к вечеру всё это стало восприниматься как самое обыкновенное, обыденное и перестало радовать глаз. Появились мысли о ночлеге, о мягкой постели.

Ближе к ночи, когда красное, словно спелое яблоко, солнце зашло за тёмные очертания леса вдалеке, повозка остановилась в одной из деревушек. К удивлению, здесь оказался вполне сносный постоялый двор. Небольшой для гостиницы бревенчатый дом, слегка покосившийся за долгие годы своего существования, он всё же манил к себе своим теплом и уютом.

Пока Николай договаривался с хозяином о ночлеге, Стрижевский завёл лошадей с повозкой в конюшню.

– Выходите, – сказал он Тане и Александру, когда ворота закрылись.

Первым показался Саша. Оглядев тёмное, освещённое лишь двумя факелами, помещение, он вылез из повозки. Следом за ним появилась и Таня. Оглядываясь по сторонам, она осторожно спустилась на утоптанное множеством копыт, земляной пол и прижалась к другу.

– Думала, интересно будет, весело, – чуть не плача жаловалась она. – А тут только прятаться да прятаться.

– Хочешь оказаться в руках охотников за наградами? – ухмыльнулся Иван Сергеевич.

Тем временем появился Николай.

– Прятаться, – цыкнул он на девушку, скосив взгляд в бок.

Едва Таня скрылась за Александром, позади Сартакова появилась фигура высокого роста и могучего телосложения. Она вышла под слабый свет факела, и путешественники увидели перед собой мужчину лет сорока, довольно мощного телом и, всё же, с заметным брюшком – редкий трактирщик не имел этот атрибут своей работы.

– Следуйте за мной, – пробасил здоровяк и пошёл по коридору в пристройку, где располагались как раз две комнаты. – А лошадей ваших распрягу попозже.

Здесь было светло. Пара канделябров на стенах с горевшими в них восемью свечами в каждом разогнали темноту, наполняя всё вокруг мягким золотым сиянием от обшитых тёмным деревом стен.

– Возьмите, – трактирщик повернулся, протягивая Николаю два замысловатых ключа, и тут его взгляд упал на Таню. – Ва... ваше высочество?! – прошептал он.

В то же мгновение блеснул кинжал – Стрижевский приставил лезвие к горлу хозяина.

– Молчи, – прошипел он кровожадно, но трактирщик неожиданно отшвырнул его в сторону словно котёнка и, растолкав остальных, бросился бежать.

– За ним, – Иван, несмотря на свой возраст, вскочил на ноги лишь мгновением спустя.

– Вы – к повозке, – бросил Николай сыну и кинулся следом.

Здоровая спина трактирщика маячила впереди, всего в шагах десяти. Минувая какие-то двери, они пробежали несколько поворотов и вдруг, тот шмыгнул в сторону. Преследователи свернули следом за ним и оказались в заполненном народом зале. Посетители сразу обратили внимание на ворвавшихся сюда двоих с обнажёнными кинжалами. Некоторые поднялись, тоже схватились за ножи, готовые дать отпор незванным гостям. Неловкое молчание и оцепенение продолжалось лишь секунду, пока его не прервал истошный визг трактирщика:

– У них принцесса Лита!!!

Где-то в углу сразу загрохотали отодвигаемые лавки, и Николай увидел сквозь чад поднимающихся из-за стола шестерых, одетых в дорогую одежду под которой виднелись добротные кирасы – сразу видно, заезжая знать.

– Бежим, – Стрижевский схватил товарища за руку и потянул обратно.

Пока в зале думали, что же желать, они уже бежали по коридору в конюшню. Уже перед дверьми в стойло, они услышали раздававшиеся сзади крики:

– Держи их! В погоню!

Иван Сергеевич и Николай прибавили ходу и, через мгновение, добрались до повозки. Сзади уже раздавался приближающийся дробный топот, словно по коридору бежал целый полк. Доносились крики и с улицы, но рядом с воротами конюшни пока было тихо.

– Быстрее, открывайте ворота, – проговорил Саша срывающимся от волнения голосом.

Ворота распахнулись, кнут хлопнул над спинами лошадей, и двуколка вихрем понеслась в темноту улицы. Они успели вовремя. Повозка промелькнула перед самым носом преследователей и помчалась в сторону леса. Но минутой позже в погоню бросилось семеро всадников.

Они неслись наугад сквозь тёмный лес. По сторонам мелькали тени деревьев, порой, буквально из-под копыт коней выпрыгивали испуганные зайцы. Различить что-либо было очень трудно. Державший вожжи Стрижевский видел лишь черноту вокруг и серую ленту дороги.

– Быстрее, – крикнул оглянувшийся назад Саша. – Они нагоняют нас.

Сзади, из темноты доносился топот копыт, храп взмыленных лошадей и громкая ругань преследователей. Они приближались, уже стали различимы их силуэты. Струной прозвенела тетива арбалета – Николай хладнокровно разрядил оружие в одну из теней. Раздался лязг стали о сталь, оранжевым факелом брызнул в темноте сноп искр, и тень, лишь пошатнувшись, продолжила бешеную скачку, разразившись очередным потоком ругательств.

– Доспехи... – Николай витиевато выругался.

– А ты по лошадям бей, – подсказал Стрижевский. – Они то без защиты.

Сартаков зарядил оружие и, тщательно прицелившись, насколько позволяла шатающаяся повозка, выстрелил. В последний момент повозка подскочила на попавшемся под колесо камне, или корне, и стрела ушла гораздо выше. Пожалуй, один он вряд ли сможет остановить их – мелькнула мысль. Он поднял со дна повозки скорчившихся там Таню и Александра, дал в руки каждому арбалет и сказал:

– Или будете стрелять, или нам крышка.

Они безропотно взяли оружие, зарядили его и дали залп, целясь ниже людских силуэтов. Тот час произошло нечто немыслимое. Раздалось истошное лошадиное ржание, крики людей, затем последовал грохот и лязг железа. Все силуэты разом провалились вниз, в темноту, исчезли.

– Похоже, друг на друга налетели, – радостно воскликнул Николай.

– Ой! Ой! – Таня отбросила арбалет в сторону и, сжав кулачки, прижала их к груди. – Мы убили их... Убили.

– Перестань, – Николай тряхнул её за плечи. – Мы радоваться должны, что ушли. Тебе то они сохранили бы жизнь, а нас порубили на фарш. И совесть их потом не стала бы мучить.

Ехать пришлось всю ночь. Несмотря на кромешную темноту, повозка неслась, словно птица, наполняя спавший лес грохотом и дребезжанием. Стрижевский боялся, что их преследователи, очнувшись после падения, продолжают погоню, но вот уже ночь подходила к концу, начинало сереть небо, а, вдогонку не было слышно ни стука копыт, ни криков.

Утро выдалось спокойным и тихим. Тепло, по-летнему, светило восходящее солнце, пели проснувшиеся птицы. Лишь пожелтевшие листья выдавали вступающую в силу осень. Ещё неделя, и за сентябрём последует октябрь с его холодными, нудными дождями.

– Хорошо то как, – проговорила оправившаяся от ночного испуга Таня. – Спокойно. Надеюсь, такое, как сегодня ночью, больше не грозит.

– И не мечтай, – мрачно усмехнулся Иван Сергеевич. – Это только начало. Тут ещё найдётся много желающих разбогатеть на твоей голове.

- Но ведь есть настоящая Литва?!
- Никто не станет разглядывать. Похожа – и всё тут.

25

Заснеженные горные вершины... Александр-Эйтран заметил их ещё пару дней назад. Их сверкающая белизна пробивалась сквозь кроны окружавших лесную тропу деревьев и сразу бросалась в глаза. Теперь они нависали над путниками, огромные, внушающие страх своим могуществом.

– Вот и Лабиринт, – Валиар устало вздохнул, присаживаясь на замшелый камень.

– И теперь ты должен сказать мне, что мы на самом деле делаем здесь. Я не верю, что всё это ты затеял ради какого-то меча. Скажи правду.

– Тебе нужен меч, – медленно, чеканя каждое слово, ответил монах.

Александр невесело усмехнулся, понимая, что всё здесь не так просто, раз его спутник, тем более небожитель, так упрямо стоит на своём.

– Идём, хватит глупые вопросы задавать. Нам осталось ещё несколько часов ходу, и мы на месте.

Валиар встал и бодро зашагал по окружённой пожухлой травой тропе. Путь лежал меж серых, с пятнами бледно-зелёного мха, скал. Большие и маленькие, длинные и короткие, они, одна за другой, сменяли друг друга. Путники шли уже часа два, и Саша давно запутался среди этих камней. Порой ему казалось, что они просто ходят кругом по одному и тому же месту, казалось, что это никогда не закончится.

– Если тебе интересно, это было здесь, – сказал вдруг Валиар, когда они проходили меж двух высоких и длинных скал.

– Что было?

– Здесь сражались и погибли воины герцога Лаурдского.

– Значит мы пришли?

– Нет, наш путь лежит дальше, в Чёрное ущелье.

– Я помню, – Александр нахмурился. – Ты говорил, что мы должны найти меч некого проводника. Он ведь здесь погиб.

– Я соврал, – честно признался Валиар. – Но нам действительно нужен меч. Так что не задавай, пожалуйста, лишних вопросов. Скоро сам всё узнаешь. И пойми, не держи на меня зла – моя ложь была тебе во благо.

Прошло ещё несколько часов пути, и путники вступили меж скал Чёрного ущелья.

– Его всё ещё называют чёрным, – усмехнулся Саша, смотря на светлые, практически белые камни.

– А оно всегда будет чёрным. Здесь по-прежнему скрывается множество тайн, и пока они есть, ущелье остается непознанным, чёрным.

Сказав эти слова, Валиар внезапно остановился и, оглядевшись, направился к едва заметной выемке в скале. Александр остался на тропе и, скрестив на груди руки, с любопытством смотрел на попутчика.

– Идём, идём, – позвал жрец, заметив замешательство спутника.

Валиар подошёл к скале, задумался, словно вспоминая что-то. Саша остановился рядом, продолжая молча наблюдать за происходящим. Едва сдерживая себя, чтобы не мешать монаху расспросами, он нервно кусал губы. Лицо Валиара вдруг озарилось догадкой, он поднял руки и, прошептав какие-то слова, прикоснулся к камню ладонями. Словно из воздуха, в скале возникла самая обычная дверь, которая, едва слышно скрипнув, немного приоткрылась.

– Опять чудеса, – прошептал Александр.

– Ты недоволен? – спросил его Валиар, уже входя в дверь, за которой находился довольно широкий, освещённый ярко горящими факелами, коридор.

– Нет, всё хорошо, только опять у меня возникают подозрения, что снова придётся с кем-нибудь воевать, затем умирать и воскресать. Это уже начинает входить в дурную привычку.

– Перестань, – засмеялся Валиар. – Может, в этот раз повезёт?

Всего несколько шагов, и Саша, следом за монахом, очутился в этой, как ему показалось, рукотворной пещере. Сзади, еле слышно стукнув, закрылась дверь. Путники обернулись – дверь, прямо на глазах, исчезла, словно её и не было, уступив место холодному камню.

– А мы выйдем? – настороженно спросил Александр.

– Выйдем, – ответил Валиар, но, как показалось, не слишком уверенно.

Они прошли шагов тридцать, и, наконец, очутились в огромном зале. Его тоже освещали многочисленные факела, но видно было лишь то, что находилось внизу. Потолок этого помещения терялся где-то в вышине, в густом, чёрном мраке.

Александр оглядел зал, но не увидел ничего особенного. В центре располагался здоровенный, покрытый сверху слоем пепла и пыли, плоский камень, напоминавший жертвенный очаг. Напротив входа, у противоположной стены, находилось небольшое возвышение, где стояло нечто, похожее на каменный трон.

– Где мы? – вновь задал вопрос Саша. – Чьё всё это?

– Не важно.

Валиар, как будто, торопился, опасаясь чего-то. Он подошёл к трону и достал из-за него потемневшие от времени, деревянные ножны.

– И что это за меч? – Александр немедленно оказался рядом.

– Потом объясню, уходить надо быстрее.

Не говоря более ни слова, Валиар схватил за руку своего спутника и потащил его к выходу. Тот попытался вырваться, остановиться, что бы всё как следует разглядеть, но монах тянул его так сильно, что едва не вырывал руку. Они уже были в трёх шагах от коридора, когда краем глаза Саша заметил, как из стены... вышел человек, или некто подобный.

– Торопимся? – раздался вдруг мягкий голос, который, мгновением позже, отразившись от стен и сводов пещеры, наполнил всё вокруг пугающим рокотом.

Валиар внезапно развернулся. Он толкнул Александра в коридор, а сам выхватил из ножен клинок. Багровые отблески факелов зловеще заиграли на чёрном, словно уголь, лезвии.

– Не подходи, – голос Валиара дрожал.

– Ты боишься, – мужчина, одетый в привычную для всех одежду, на первый взгляд – самый обыкновенный человек, подошёл к монаху.

На вид ему можно было дать лет тридцать. Тёмные, короткие волосы, на щеках едва заметная щетина. В спокойных, даже добрых глазах, играла лёгкая искорка. Александр, осмелев, вышел из коридора и встал сзади Валиара. Он с удивлением заметил, что тот очень испуган, даже близок к панике. Почему?

– Опусть меч, Лабек, – сказал неизвестный. – Твоё дурачество ни к чему хорошему не приведёт. Ты слишком заигрался, жажда власти до добра не доводит.

Он медленно подходил всё ближе и ближе, стараясь не делать резких движений.

– Стой! Не подходи! – прокричал Валиар.

Неизвестный всё же сделал ещё один осторожный шаг, и вдруг, монах сделал молниеносный, отчаянный выпад, целясь ему в живот. Тот легко, можно даже сказать, играючи, увернулся от удара, перехватил руку и, выкрутив её, забрал меч себе.

– Теперь мы поговорим спокойно.

– Кто ты? – спросил Саша, выйдя вперёд, закрыв собой, потиравшего руку Валиара.

– А, Александр Давыдов, не так ли? Приятно видеть тебя в добром здравии, – незнакомец улыбнулся широкой, искренней улыбкой, словно увидел старого друга. – Зови меня Ноар.

– А я бы называл его Люцифером или Сатаной, – раздался голос Валиара. – Так тебе привычной будет.

– А у меня много имен, – опять улыбнулся Ноар. – Каждое людское племя называет меня по-разному. Кроме тех двух, звали меня и Сетом, и Ваалом, и Аидом. Я не буду перечислять тебе, как звали в других мирах, ни к чему это. Достаточно и знакомых тебе имён. Да и Лабек у нас не только Лабек. Ра, например.

– Господи! – Саша схватился за голову. – Скоро от вас, небожителей, проходу не будет здесь. Вот только скажите мне, сделайте милость – я то вам зачем нужен?!

– А мне ты не нужен, – усмехнулся Ноар. – Ты Лабеку нужен. Именно – *нужен ему*. Не он помогает тебе, а ты помогаешь ему.

– Молчи, зло, – вновь прохрипел Валиар... точнее Лабек. – Молчи, чёрный дух.

– Я – чёрный?! Я – зло?! Слышали бы твои слова Силы, они бы посмеялись, особенно Она. Поверь мне, они ещё вспомнят об этом мире, и тогда тебе, да и всем остальным, и даже мне, ну и, быть может, и смертным, придётся несладко за непослушание. Но не надо делить нас на белых и чёрных – все, по сути, одинаковы. Все попали в ловушку в Чёрном ущелье. Спасибо тебе, конечно, за медальоны, но всё, хватит. Никто из нас не может быть властителем этого мира, иначе наказание не заставит себя долго ждать.

Лабек посмотрел на него исподлобья, тяжело вздохнул.

– Дай Александру свой меч, ты же сам понимаешь, он нужен ему. И не надо пугать всякими наказаниями и прочим. Им наплевать на наши дела.

– Ты так думаешь? Ну-ка, отойди в сторонку, я поговорю с твоим другом.

Лабек скрипнул зубами, но послушно отошёл вглубь коридора. А Ноар взял Александра под локоть и, отойдя с ним к трону, негромко заговорил:

– Тебя, наверно, удивляет, что именно ты попал в этот круговорот событий?

– Да я уже двадцать с лишним лет себе покоя от этой мысли не нахожу.

– А всё просто очень. Лабек хочет жить в этом мире, и жить не простым монахом, или дровосеком, а властителем, королём. И для этого ты подходишь ему больше всего. Он легко может вселиться в твоё тело. Как понимаешь, то, в каком облики ты видишь нас, лишь телесная оболочка для могучего духа. Это первое, и подобное встречается нечасто. Во-вторых, ты можешь вести за собой людей, ты способен стать правителем. А в-третьих, не каждый смог бы использовать силу медальона так, чтобы освободить заточённых в скалах Чёрного ущелья богов. Есть ещё и в-четвёртых, и в-пятых и много прочих пунктов. И ты подошёл по каждому из них.

– Но почему же он раньше не вселился в меня? А как те, другие его обличья – Илиар и Валиар? – прошептал Саша.

– Ну, он, всё же, не последняя сволочь, всё-таки, белый дух. Он вселится в тебя перед твоей смертью, но только тогда, когда власть короля Александра станет непререкаемой и безоговорочной. Поэтому ты и выжил сейчас, а силу Аклостина он использовал при твоём воскрешении. И именно для подобного случая, если он вдруг возникнет ещё раз, ему нужен этот меч. Своих сил у Лабeka уже не хватает, и он начинает высасывать силу священных артефактов. Илиар и Валиар – насколько я знаю, были разбитыми параличом беднягами, и жить в их теле он мог лет десять-двадцать. В твоём теле он проживёт два-три столетия, а то и больше. Понял теперь? Вспомни друга своего, Андрея. Думаешь, случайно Лабек похитил его? Он просто спутал его и тебя. А, поняв ошибку, оставил беднягу при себе послушником, а сам стал готовить твоё появление здесь.

Не говоря ни слова, Саша опустил на холодный камень и закрыл лицо ладонями. В памяти вновь пронеслось всё то, что случилось за последние двадцать лет его жизни. Вспомнилась вся пролитая кровь, боль от потери товарищей. И ради чего? Ради причуды бога, захотевшего власти над человеческим племенем.

– Ты ему всё рассказал. Зачем? – послышался голос Лабека. – Что я тебе сделал плохого?

– Он должен знать правду, – ответил Ноар. – Он уже имеет на это право.

– Да какое право?! Это же ничтожный человечиска, мы создали его. Мы! И мы имеем полное право повелевать и им, и остальными! Силам и Ему давно нет до них дела, их мысли заняты созданием других, совершенных рас. И мы вольны решать, жить этим червям или сдохнуть. Если бы не Маат, давно бы выжег всё под корень. Впрочем, рано или поздно они сами уничтожат себя. Пусть создают самое смертельное оружие, а я помогу им. А потом сяду в первый ряд амфитеатра этого вселенского Колизея и буду смотреть, как эти безумцы станут душить друг друга смертельными газами, жечь ядерным огнем. Пусть все они умрут!

Ярость нахлынула тяжёлой, жгучей, словно расплавленный свинец, ослепляющей волной. Александр вскочил и, выхватив меч из рук растерявшегося Ноара, с силой всадил его в грудь Лабека. Тело не корчилось в предсмертных судорогах, не истекало потоками крови. Оно просто рухнуло на пол, словно какая-то оболочка, а, спустя мгновение, его впитал в себя камень.

– Что ты наделал! – Ноар схватился за голову. – Ты даже представить себе не можешь, чем это может обернуться!

Он отобрал меч и, не говоря более ни слова, шагнул вперёд и растаял в воздухе. Александр остался один в этом багровом полумраке. Мысли сумбурным роем пронесли у него в голове, одна мешала другой. Сосредоточиться не удавалось ни на мгновение. Нужно выбирать, но как? Этот немой вопрос резанул сознание. Оцепенение свалилось с плеч тяжёлым грузом. Саша бросился в коридор, с ужасом представляя себе, что найдёт там не дверь, а голую скалу. О, чудо! Дверь была. Не теряя ни секунды, он открыл её резким рывком и, шатаясь, словно пьяный, выбрался наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.